Лит. И. и А. Давиденко въ Кіевѣ

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ «ВѢСТНИКА».

На дняхъ поступила въ продажу въ редакціи, **великолѣпно отпечатанная въ три тона, на лучшей велеповой бумагѣ**, гравюра, изображающая **12 ВИДОВЪ ГОРОДА КІЕВА**.

Цѣна гравюры 30 к. с. На пересылку прилагается за одинъ фунтъ.

Подписчики «Вѣстника», при покупкѣ этой гравюры, пользуются безплатной пересылкой.

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

МАЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 12 Іюля 1863 года.

Цензоръ Матушевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
о продолженіи журнала
ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.
въ 186³/₄ году.
(Годъ начинается съ іюля).

ВѢСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ приступаетъ къ началу втораго года своего существованія. Не намъ судить о томъ, какъ онъ рѣшилъ свою задачу. Появившись въ бурную эпоху столкновенія двухъ народностей, въ періодъ великихъ и благодѣтельныхъ реформъ въ нашемъ отечествѣ, въ самый разгаръ либеральныхъ миражей, въ минуту разноголосныхъ убѣжденій и проявленія разнородныхъ стремленій, въ самую кипучую, говоримъ, эпоху нашего слова и дѣла,— ВѢСТНИКЪ, весьма естественно, не могъ удовлетворить всѣмъ направленіямъ, угодить всѣмъ убѣжденіямъ, выдержать, подобно нѣкоторымъ органамъ нашей журналистики, искусной нейтралитетъ между двумя непріязненными лагерями, между прямымъ долгомъ и скрытою полу-измѣною. Его совѣсть отвергла и будетъ отвергать съ презрѣніемъ девизъ космополита „и нашимъ и вашимъ, ubi bene, ibi patria", онъ никогда не унизится до порицанія всего русскаго потому только, что оно не чужое, не сдѣлаетъ своею задачею глумленіе надъ всѣмъ добрымъ потому только, что иниціатива его исходитъ отъ мудраго и заботливаго о нуждахъ Россіи правительства. Слово ВѢСТНИКА звучало и будетъ звучать съ обычною ему искренностію и откровенностію, будетъ (какъ и было) проникнуто неослабнымъ стремленіемъ къ истинѣ, неизмѣнною любовію ко всему честному, нормальному и полезному, а особенно,

безраздѣльною, всецѣлою недалекою отъ обожанія, преданностію интересамъ безцѣнной для насъ Россіи, ея Повелителя, ея Вѣры и народности.

При такихъ отношеніяхъ ВѢСТНИКА къ нашимъ религіямъ, онъ не могъ удержаться въ предѣлахъ апатичнаго разглагольствія, не могъ прибѣгать къ дипломатіи, когда нужно было сражаться; фраза его бичевала всѣхъ посягателей на цѣлость нашей Вѣры и народности, громила все, что только встрѣчала враждебнаго на пути къ спокойствію и благополучію нашей отчизны. Понятны послѣ этого нападки нѣкоторыхъ органовъ нашихъ на тонъ и направленіе ВѢСТНИКА: послѣдній пришелся слишкомъ не по вкусу людей, пропитанныхъ или безпричинными антипатіями, или положительнымъ стремленіемъ къ ломкамъ, сепараціямъ, плохо понятому либерализму, безотчетному атеизму, анархіи и другимъ аттрибутамъ разрушенія, безъ плановъ и надеждъ на созиданіе. Большинство этихъ нападокъ, какъ возстаній противъ наглядныхъ, простыхъ истинъ, или личности ВѢСТНИКА, было такъ ничтожно, что ВѢСТНИКЪ считалъ себя вправѣ пройдти (какъ и будетъ проходить) мимо нихъ молча, съ достойнымъ ихъ презрѣніемъ: онъ считалъ ихъ недостойными своего вниманія и значенія, онъ имѣлъ довольно прямыхъ, священныхъ, неотложныхъ, обязанностей, чтобы не развлекать своихъ силъ безцѣльною перестрѣлкою, не терять времени и боевыхъ снарядовъ на то, чтобы громить соломенные снопы нарѣзными пушками. Но тамъ, гдѣ выстрѣлы, хотя часто и безвредные, направлены были въ сердце нашихъ святынь, въ твердыни нашей Вѣры и народности, ВѢСТНИКЪ не щадилъ своихъ средствъ. Онъ преслѣдовалъ тутъ не столько дѣло, сколько намѣреніе, мстилъ не за вредъ настоящій, но предотвращалъ будущій. Къ этой послѣдней необходимости вызвали его враги—частію свои, а особенно чужіе, и ВѢСТНИКЪ, скажемъ безъ самохвальства, не остался въ долгу ни предъ тѣми, ни предъ другими: онъ подмѣтилъ кое какія опасныя сепараціи, осудилъ позаслугамъ дерзкія возстанія на божественность нашей религіи, на цѣлость и спокойствіе нашего отечества; онъ разоблачилъ почти всѣ уловки латинопольской пропоганды и тѣмъ самымъ сдѣлалъ ихъ безопасными для насъ и вредными для самихъ пропогандистовъ; онъ ополчался на защиту нашей народности отъ не законныхъ и не разумныхъ къ ней притязаній со стороны нѣкоторыхъ жалкихъ мечтателей и способствовалъ проявленію патріотическихъ движеній сыновъ Рос-

сіи, забвенію мелкихъ домашнихъ дрязгъ и нестроеній, и тѣснѣйшему сплоченію ихъ въ одну семью, крѣпкую своимъ единодушіемъ и неодолимую для враговъ ея и завистниковъ. **ВѢСТНИКЪ** обличилъ и опровергъ бездну лжей и клеветъ, искаженій исторіи и современности, которыя разсѣевали на счетъ Россіи ея недруги—и у насъ и, особенно, за границей; онъ разоблачилъ затѣи и продѣлки революціонныхъ комитетовъ и тѣмъ положилъ, быть-можетъ, конецъ той моральной битвѣ съ нами супостатовъ, которая подобно опасной, внутренней болѣзни изнурила бы, истерзала насъ, если-бы не вышла наружу въ вередахъ физическаго буйства, слишкомъ ничтожныхъ и безвредныхъ для нашей силы и жизни,—словомъ, **ВѢСТНИКЪ** старался выбить непріятелей изъ всѣхъ почти позицій. Оттого первый годъ **ВѢСТНИКА** можно назвать годомъ по преимуществу *полемическимъ*. Не отъ **ВѢСТНИКА** зависѣло преобладаніе въ немъ этого направленія, не отъ него будетъ зависѣть и отреченіе отъ него. Чувство чести и сознаніе долга заставитъ его поднимать перчатку всякій разъ, какъ только она гдѣ либо, кѣмъ либо будетъ брошена Россіи или православію; битва до смерти со всѣмъ враждебнымъ нашей вѣрѣ и народности будетъ девизомъ **ВѢСТНИКА** до тѣхъ поръ, пока на землѣ русской »останется хоть одинъ ея непріятель«, пока враги ея не положатъ оружія и не позволятъ намъ *перековать мечи на серпы*,—перейти отъ военныхъ столкновеній къ мирнымъ занятіямъ.

Но, и внѣ полемики, **ВѢСТНИКЪ** потрудился на пользу Россіи и ея исторіи не мало: онъ воспроизвелъ довольно мало-извѣстныхъ и издалъ не мало вовсе неизвѣстныхъ историческихъ матеріаловъ; онъ рѣшилъ въ пользу истины много вопросовъ мѣстныхъ, историческихъ, этнографическихъ, международныхъ; онъ подарилъ кое чѣмъ любителей легкаго чтенія,—вообще—сдѣлалъ въ небольшой промежутокъ времени далеко больше того, что предполагалъ и обѣщался сдѣлать. Не малою услугою, оказанною нашей народности, **ВѢСТНИКЪ** смѣетъ считать и тѣ интимныя отношенія, въ какихъ онъ поставилъ себя и наше отечество къ западнымъ славянамъ—венгерскимъ и галиційскимъ, тѣ симпатіи, которыя онъ возбудилъ въ нихъ къ намъ и нашему языку, которыя они постоянно заявляютъ и въ письмахъ своихъ къ редакціи, и въ печати, и которыя такъ отрадны для нашей славянской натуры.

Оттого всѣ истинные друзья Россіи и всѣхъ элементовъ ея жизни и крѣпости—оказались друзьями **ВѢСТНИКА**. От-

того всѣ благороднѣйшіе органы нашей журналистики, отвернувшіеся, подобно ВѢСТНИКУ, съ презрѣніемъ, отъ модныхъ предразсудковъ, либеральныхъ миражей и разрушительныхъ тенденцій,—отозвались въ пользу его направленія, поняли исключительность его характера и, не смотря на отдаленность отъ поля битвы, на которомъ раздавались выстрѣлы ВѢСТНИКА, съумѣли оцѣнить ихъ силу и меткость, признали ихъ умѣстными и даже не назвали ихъ неумѣренными. Оттого всѣ частныя лица, стоящія во главѣ русской интеллигенціи, всѣ друзья истины и порядка, цѣлости нашей Вѣры и народности, поминутно заявляли и заявляютъ такое лестное для ВѢСТНИКА сочувствіе, такое полное одобреніе его характера, тона и направленія, оглашеніе котораго не мирится съ правилами нашей скромности и о котовомъ сдѣланъ здѣсь намекъ для заявленія только благодарности дѣятелей ВѢСТНИКА благороднымъ и безчисленнымъ его покровителямъ, руководителямъ, друзьямъ и сотрудникамъ.

ВѢСТНИКЪ будетъ издаваться по прежней программѣ. Онъ остается вѣренъ слѣдующимъ 4 рубрикамъ.

ОТДѢЛЪ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

ОТДѢЛЪ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣ-

тахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

ОТДѢЛЪ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опровержені̇е вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества—и у насъ, и за границею,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ,—вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей Вѣры и народности.

ОТДѢЛЪ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—статистическія свѣдѣнія о сихъ странахъ, археологическія розъисканія,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще, и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной Россіи,—новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ,—хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ странахъ,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій о западной и юго-западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

Въ родѣ прибавленій, редакція, по временамъ, будетъ прилагать къ книжкамъ журнала чертежи древнихъ памятниковъ и другихъ предметовъ, автографы историческихъ дѣятелей, рисунки зданій и мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и проч.; а если будетъ располагать большими денежными средствами, то своимъ подписчикамъ будетъ высылать безвозмездно брошюры историческаго содержанія.

ВѢСТНИКЪ

выходитъ съ 1-го іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати (до сего времени редакція

давала публикѣ отъ 16—20 листовъ и болѣе компактной печати).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ: въ редакціи журнала, на Подолѣ и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Литова*; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова,* на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, въ книжномъ магазинѣ гг. книгопродавцевъ *Караблева* и *Сирякова*, на Садовой улицѣ, противъ Гостиннаго двора, въ домѣ Балабина, и въ книжномъ магазинѣ *г. Литова*, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой улицы; въ Москвѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, и коммисіонера Вѣстника, купца *Г. В. Барскаго*, на Садовой, у гостинницы »Полтава«, въ домѣ Быхова; въ Варшавѣ у книгопродавца *И. В. Дутова*, и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

для жителей *Кіева*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою на квартиру 7 р. 50 к., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 р.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ *редакцію журнала Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ Кіевѣ.*

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать, Редактору—издателю Вѣстника *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*, въ Кіевѣ.

Редакторъ—издатель **К. Говорскій.**

Сотрудникъ—редакторъ **И. Эремичъ.**

I.

№ 31-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Реляція о приходской церкви Вировской, олатинившейся [1]).

(буквальный переводъ съ польскаго)

Церковь эта основана для православныхъ греческаго обряда (pro Ritu Graeco), въ 1712 году, Иваномъ Годлевскимъ, старостою нурской земли, какъ свидѣтельствуетъ *эрекціальный* документъ, 26 іюля того же года, въ которомъ описаны недвижимыя имущества, луга, огороды, священническая усадьба и проч. Въ теченіи 80 лѣтъ она оставалась въ спокойномъ владѣніи приходскихъ священниковъ, которые совершали богослуженіе въ Вировѣ и всѣ духовныя требы.—Панъ Франциіпекъ Кушель, бывшій стольникъ дрогицкій, пріобрѣвши имѣнія въ селѣ Вировѣ и дѣлая въ немъ разныя преобразованія, какія, казалось ему, могли улучшить его доходы, распорядился также и съ священническою усадьбою и съ церковію. Онъ перенесъ село на другое мѣсто и на другіе грунты, а прежнія жилища и грунты владѣльцевъ забралъ себѣ. Между ними онъ захватилъ и тѣ церковныя земли съ жилищами, ко-

[1]). Документъ этотъ, писанный на польскомъ языкѣ хранится въ львовскомъ, ставропигіальномъ архивѣ; копія съ него доставлена въ редакцію Вѣстника профессоромъ львовскаго университета Я. Ѳ. Головацкимъ.

торыя находились въ сосѣдствѣ, давая въ замѣнъ ихъ священнику другія земли, гораздо худшія и менѣе прибыльныя. Когда приходскій священникъ началъ пользоваться ими, пану Кушелю вздумалось отобрать и ихъ, а назначить *ординарію* (опредѣленное количество хлѣба и разныхъ съестныхъ припасовъ), которую въ одномъ году давалъ, въ другомъ уменшилъ, въ третьемъ совершенно не далъ. Когда же священникъ Григорій Варпеховскій отстаивалъ свои доходы сообразно съ имуществомъ, панъ Кушель вознамѣрился избавиться отъ него ненавистнымъ и притѣснительнымъ образомъ, насылая на его усадьбу то шляхту, то жидовъ, то пріѣзжалъ самъ съ грознымъ приказаніемъ удалиться прочь. Когда же приходскій священникъ переносилъ это терпѣливо и, усердно исполняя свои пастырскія обязанности, получалъ отсюда кой какіе способы поддержанія себя, панъ Кушель вознамѣрился лишить его и этихъ способовъ. Одна ли только жадность побуждала его или же вмѣстѣ и ненависть къ русскому обряду, только онъ твердо рѣшился принудить вировскихъ прихожанъ, а своихъ подданныхъ, къ отступленію отъ своей церкви и обрядовъ и къ принятію латинскихъ въ ближайшемъ Скшешевскомъ косціолѣ. Въ такомъ намѣреніи онъ воспользовался владѣльческою властію на столько, сколько было возможно. (Онъ чрезъ своего эконома запретилъ людямъ исповѣдоваться передъ пасхою и приобщаться въ своей церкви, но въ косціолѣ съ угрозою тѣлеснаго наказанія, которое одни понесли съ ругательствомъ: «вотъ тебѣ закуска послѣ просфоры» (oto ci zakąska po proskurze), а другіе, опасаясь подобнаго наказанія, волею не волею должны были оставлять свое богослуженіе. Чрезъ войта учили попольски молитву господню (pacierza), въ русскіе праздники силою выгоняли на работы, въ русскіе посты дворовые люди по домамъ осматривали пищу, и чтобы она была съ мясомъ, принуждали къ этому угрозами и силою. Приводили рьяныхъ фанатиковъ, латинскихъ ксендзовъ, то францисканца изъ Дрогичина, то викаріевъ изъ Скшешева, которые о греческомъ обрядѣ толковали людямъ со всевозможнымъ презрѣніемъ и злословіемъ; тѣхъ же, которые перемѣняли свой прародительскій обрядъ на латинскій, привѣтствовали, называя ихъ католиками. Такою безсовѣстною миссіею сдѣлали то, что въ нѣсколько лѣтъ большая часть людей олатинилась, приходскій священникъ принужденъ былъ ус-

тупить, его домъ и другія постройки панъ Кушель приказалъ разрушить, а цѣлую усадьбу запахать въ господскую пашню. Онъ же приказалъ раскидать церковь, которая по ветхости и по недосмотру готова была развалиться, а новую, хотя въ другомъ мѣстѣ и заложилъ, но собственно съ тою цѣлію, чтобы имѣть дворовую каплицу, а не приходскую церковь. Такъ было въ 1788, 89, 90, 91, и слѣдующихъ годахъ. Все это сходило пану Кушелю во времена отечественной революціи, когда можно было при помощи латинскихъ ксендзовъ безнаказанно уничтожать всякіе признаки какъ гражданскаго, такъ и церковнаго права, когда давнее правительство было такъ слабо, что не могло положить этой безравности никакой преграды. Только съ наступленіемъ порядковъ счастливо царствующаго надъ нами теперь всепресвѣтлѣйшаго Монарха, когда и всякаго класса жителямъ и послѣдователямъ разныхъ вѣроисповѣданій *религіи* дарована безопасность отъ всякаго преслѣдованія и спокойное пользованіе каждому своими правами; русское духовенство получило надежду возвратить свои приходскія и владѣльческія права въ Викровѣ. Когда оно прежде всего при посредствѣ мѣстной консисторіи обратилось объ этомъ къ пану Кушелю, то онъ съ презрѣніемъ отвѣчалъ, что уже снесся съ ксендзомъ Галибуртономъ, управителемъ епархіи латинской, чтобы въ Вировѣ русской церкви не было, но латинская каплица, приписная къ Скшешевскому косціолу. А когда вскорѣ послѣ сего, по интригамъ ксендза Галибуртона назначено двухъ депутатовъ для договора съ паномъ Кушелемъ о присоединеніи къ себѣ прихода съ новооканчивающеюся церковію въ Вировѣ, русское духовенство противъ таковыхъ интригъ подало жалобу въ мѣстное Сѣдлецкое окружное правленіе съ просьбою о задержаніи коммиссіи и недопущеніи никакой перемѣны въ первоначальномъ фундушѣ вировской церкви. Вслѣдствіе чего и получило *запрещеніе*, (inhibitia) и потребованы были къ объясненію но депутаты какъ латинскіе, такъ и панъ Кущель, которымъ Крейскапитанъ Закупихъ Сѣдлецкій казалось сначала дѣлалъ справедливыя убѣжденія, чтобы перестали нарушать эрекціальныя права русскаго духовенства, закрѣпленныя осьмидесятилѣтнимъ его владеніемъ и въ намѣреніи окончательно утвердить эти права за послѣдователями русскаго обряда, назначилъ свой съѣздъ на мѣстѣ, въ Вировѣ въ 1797 году 17 дня августа. Хотя же

съѣхалъ и составилъ протоколъ комиссіи, но съ явнымъ пристрастіемъ къ сторонѣ пана Кушеля и съ нарушеніемъ справедливости для насъ. Когда же *во первыхъ*, протоколъ писалъ на нѣмецкомъ непонятномъ для насъ языкѣ, хотя нижеподписавшіеся, будучи назначенными отъ своего начальства присутствовать при совершеніи акта, просили, дабы было писано на латинскомъ языкѣ. *Вовторыхъ*. Все что только клонилось въ пользу противной намъ стороны—записывалъ съ особеннымъ вниманіемъ и пристрастіемъ; нѣкоторые документы и бумаги подложно сдѣланные, а именно: никогда небывалый, уступочный актъ приходскаго священника Варпеховскаго, подлежащій будто бы пріобщить къ протоколу, принялъ, а жалобу, поданную присутствующимъ въ то же время священникомъ вировскаго прихода возражающую противъ такого подложнаго уступочнаго акта какъ равно и о многихъ другихъ притѣсненіяхъ, явно устранивши, не помѣстилъ въ протоколѣ. *Въ третьихъ*. Запросъ даваемый собранной громадѣ особенно на слѣдующій пунктъ: «кто на будущее время желаетъ исполнять обряды католической, а кто греко—русской вѣры?» Дѣлалъ исключительно только въ присутствіи католическаго духовенства и поборника оного, самаго же г. Кушеля, съ явнымъ умысломъ, дабы устранивъ депутатовъ со стороны православія пресѣчь ихъ свиданіе съ собраннымъ народомъ, способствующее въ крайнемъ случаѣ къ подачѣ сообразныхъ совѣтовъ. *Въ четвертыхъ*. Никакихъ обстоятельствъ, относящихся къ обжалованнымъ насиліямъ и преслѣдованіямъ нашихъ обрядовъ, дѣлаемымъ со стороны управленія вировскою вотчиною отмѣнить не хотѣлъ и даже во время самой же коммисіи дозволялъ преслѣдовать русскихъ, и такъ какъ значительное число жителей, съ особенною твердостью придерживающихся обрядовъ православной вѣры, вслѣдствіе угрозъ г. Кушеля: «если они хотятъ оставаться русскими то выгнать этихъ вѣроотступниковъ (schyzmatyków) вонъ изъ деревни», были заставлены перейдти на католичество; о чемъ когда нижеподписавшіеся обратились съ жалобою по сему предмету, то и въ этомъ, имъ тоже отказалъ, хотя впослѣдствіи тѣмъ же нижеподписаннымъ дозволилъ разсмотрѣть протоколъ для дачи просимыхъ возраженій на латинскомъ языкѣ противу многихъ писемъ пана Кушеля, но это было сопряжено съ большими препятствіями по причинѣ слишкомъ ограниченнаго срока, въ

теченіи котораго мѣшала это сдѣлать самая же поспѣшность. Наконецъ, когда по совершеніи протокола сдѣлалъ вопросъ: «не имѣетъ-ли еще чего прибавить которая либо изъ тяжущихся сторонъ и когда нижеподписавшіеся изъявили свои желанія, то, хотя имъ и былъ поданъ листъ бумаги, на которомъ изложили свою просьбу, дабы яснѣе разобличить причиняемыя обиды обряду, церкви и приходу, но таковая бумага, хотя и была пріобщена къ протоколу, однако, впослѣдствіи, когда тѣ же лица выхлопотали *въ крейзамтѣ* экстрактъ изъ упомянутаго протокола, оказалось, что этотъ листъ былъ совершенно уничтоженъ, какъ равно и прочія бумаги, поддерживающія интересъ нашего обряда, какъ то: *инсталлацію* (утвержденіе) настоятеля Вировскаго, къ нему же писанные паномъ Кушелемъ такъ называемые преслѣдующіе билеты (przesladowcze bilety); тоже билетъ писанный однимъ изъ депутатовъ пана Кушеля ксендзомъ Домбровскимъ, которымъ научалъ его, чтобы онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ окружнымъ старостою, а русскаго приходскаго священика уговорилъ, чтобъ онъ написалъ уступочный актъ прежнимъ числомъ, а также забравши документы касающіеся ерекціи, и основанія церкви, актъ ревизіи и другія бумаги, съ обязательствомъ возвратить ихъ, не только не возвратилъ, но еще, домагающихся грозно стращалъ. Въ пользу же Кушеля, въ нашемъ же присутствіи, подавалъ совѣты какъ и какимъ порядкомъ онъ долженъ руководствоваться въ пользу собственнаго интересса, кромѣ того, совѣтовалъ пану Кушелю значительною взяткою склонить на свою сторону Креиз—капитана, равно такую же взятку, въ Вировѣ, въ присутствіи трехъ свидѣтелей, обѣщалъ дать г. Лакупишу и его секретарю Цоппоту; вслѣдствіе чего, коммиссія не только что не защитила правъ русскаго обряда, но напротивъ, еще больше способствовала къ нарушенію таковыхъ; а послѣ того, ксендзы, осмѣленные таковымъ для нихъ снисхожденіемъ, сами, освятивши новую церковь, взяли ее въ собственное распоряженіе, а въ добавокъ, панъ Кушель выхлопоталъ въ областной надворной коммиссіи дозволеніе (provisorium), дабы русская вировская церковь, вмѣстѣ съ цѣлымъ приходомъ, и съ фундушемъ, навсегда при нихъ оставалась,—далѣе же, опять постарался о какія то подобныя провизоріи въ пользу католицизма съ пагубнымъ нарушеніемъ правъ церкви и русскаго духовенства; чѣмъ какъ онъ, такъ и

католическое духовенство сейчасъ же начало публично хвастать въ ущербъ истинныхъ убѣжденій мѣстнаго православнаго народонаселенія.

Доводя до свѣденія о изложенныхъ здѣсь обстоятельствахъ, нижеподписавшіеся убѣдительнѣйше присовокупляютъ свою покорнѣйшую просьбу, дабы начальство съ приличнымъ себѣ правосудіемъ благоволило исходатайствовать въ высшемъ правительственномъ мѣстѣ о справедливой и сообразной для насъ помощи по этому дѣлу.

Данъ въ Гродзискѣ, 4 іюля 1805 года.

Свящ. Петръ Велиновичъ, настоятель Хатвецкій, благочинный Ложицкій.

Свящ. Викентій Павловичъ, настоятель Гродзискій, благочинный Соколовскій.

Согласно съ подлинникомъ. Я. Ѳ. Головацкій.

Львовъ $^{6}/_{18}$ декабря 1862 г.

№ 32

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГОНЕНІЯ ДИССИДЕНТОВЪ ВЪ Б. ПОЛЬСКОЙ РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ.

Замѣчанія на статью о диссидентахъ, вносившуюся обыкновенно въ генеральныя конфедераціи и въ »pacta conventa« *).

(Переводъ съ польскаго)

§ 1. О законахъ противъ еретиковъ.

Правовѣрный народъ польскій можетъ похвалиться предъ Богомъ и людьми тѣмъ, что онъ какъ первоначально принялъ вѣру Христову спокойно и охотно, безъ пролитія крови своихъ перво-апостоловъ и перво-учителей; такъ и потомъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, представлялъ въ себѣ чисту христову невѣсту: онъ не принималъ ересей возникавшихъ въ сосѣднихъ странахъ, не стоялъ на сторонѣ схизматиковъ во время раздѣленія церквей. Когда расколъ Гусса проникъ изъ Чехіи въ Польшу и хотѣлъ распространиться здѣсь, Владиславъ Ягелло,

---

*) Копія съ рукописи, хранящейся въ архивѣ львовской, ставропигіальной лавры, доставленная въ редакцію вышесказаннымъ Ѳ. Я. Головацкимъ и ею переведенная на русскій языкъ. Гг. полонофиламъ, въ особенности дѣятелямъ Основы, неразумно утверждающимъ, что въ **либеральной** (?!!) рѣчи посполитой не было гоненій за вѣру со стороны ея правительства, совѣтуемъ обратить вниманіе и на этотъ документъ, чтобъ еще болѣе убѣдиться въ неосновательности такого мнѣнія. Ред.

король ревностный въ вѣрѣ поразилъ его своимъ строгимъ приговоромъ, даннымъ, съ общаго согласія всѣхъ государственныхъ сословій, въ Вѣлюни 1424 г., л. 15: »опредѣляемъ, какъ постоянный и неизмѣнный эдиктъ, что всякій, кто, по изслѣдованію нашихъ капитановъ и городскихъ консуловъ, равно какъ и другихъ чиновниковъ, какъ состоящихъ въ должности такъ и стоящихъ внѣ ея, окажется еретикомъ или зараженнымъ ересью или подозрѣваемымъ въ ней, или покровителемъ и проводникомъ ея, тотъ будетъ считаться оскорбителемъ королевскаго величества и наказываться сообразно съ тяжестію своего преступленія«. Этотъ декретъ относился къ еретикамъ и евреямъ вообще; но теперь онъ своею строгостію противодѣйствовалъ главнымъ образомъ разлитію ереси гусситовъ, проникавшей изъ Чехіи. При сынѣ Владислава, корчинская генеральная конфедерація прославилась не менѣе строгими мѣрами въ этомъ родѣ, она единодушно постановила: »противъ всякаго, кто пораждаетъ или распространяетъ еретическія заблужденія, мы желаемъ и обѣщаемъ возстать для истребленія его, какого бы ни былъ онъ сословія, званія, состоянія и чина, духовный ли или свѣтскій, желаемъ и обѣщаемъ возстать во имя нашей вѣры и чести, безъ всякой хитрости и обмана, безъ всякой помощи совѣта самаго патрона; и хотя бы кто изъ виновныхъ въ показанномъ преступленіи соединенъ былъ съ нами или съ кѣмъ либо изъ нашихъ узами крови, родства или какими нибудь другими близкими отношеніями, мы не думаемъ защищать его, мы, напротивъ, желаемъ и обѣщаемъ наказать всякаго, кто бы онъ ни былъ.« Конфедерація не упоминаетъ здѣсь о гусситахъ, она говоритъ только о еретикахъ, но это названія равно относятся какъ къ лютеранамъ и кальвинистамъ, такъ и къ гусситамъ. Противъ Лютера и лютеранъ направленъ главнымъ образомъ эдиктъ Сигизмунда 1-го, постановившій въ 1623 г. »чтобы никто не вносилъ въ королевство книгъ Лютера или какого либо изъ его послѣдователей,..... чтобы никто, подъ страхомъ *смертной казни и конфискаціи всего имущества*, не осмѣливался одобрять зловредное, но уже осужденное его ученіе, а тѣмъ болѣе исповѣдывать и распространять его.« (См. 4 кн. Constitutionum synod. p. 294). Такой же эдиктъ данъ былъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1551 г., въ Варшавѣ, на генеральномъ сеймѣ (См. тамъ же, въ Constitut. synod. p. 299).

Есть декреты, направленные какъ противъ еретиковъ вообще, такъ и въ частности противъ лютеранъ, кальвиновъ и др. [1])

§ 2. О конфедеренціяхъ, старавшихся ослабить строгость указанныхъ законовъ.

Затѣмъ выступаетъ рядъ конфедерацій, противодѣйствующихъ изложеннымъ законамъ противъ еретиковъ. Въ польскомъ народѣ не можетъ имѣть силы закона то, что неопредѣлено собща, единодушно. [2]) По смерти Сигизмунда Августа, конфедерація 1579 изрекла: »обѣщаемъ за себя и своихъ наслѣдниковъ, что тѣ изъ насъ, которые явятся диссидентами въ вѣрѣ, будутъ однакожъ сохранять взаимный миръ, не проливать крови изъ-за разновѣрія и церковныхъ перемѣнъ, не владѣть конфискованными имѣніями тѣхъ лицъ, кои подвергнуты тюремному заключенію и ссылкѣ, нисколько и никогда не содѣйствовать такимъ дѣйствіямъ правительства или какой бы то нибыло власти; напротивъ, еслибы кто вздумалъ проливать кровь изъ-за этого религіознаго дѣла; то, хотя бы онъ дѣйствовалъ подъ

[1]) Другіе эдикты какъ Сигизмунда 1-го, такъ и Сигизмунда Августа противъ лютеранъ, кальвинистовъ и др. собраны у Залускаго, во 2 т. л. 742 и слѣд. Здѣсь находится также эдиктъ Януша, князя мазовѣцкаго, эдиктъ строгій, угрожающій еретикамъ смертію и конфискаціею ихъ имущества, запрещающій имъ входъ въ мазовѣцкое княжес во, особенно въ Варшаву.

[2]) Lex enim Polono esse non potest, qua non fis omnium consensu „какъ говоритъ великій канцлеръ Залусскій, тамъ же, въ указанномъ томѣ, на стр. 755.

предлогомъ декрета или подъ вліяніемъ суда, мы всѣ обязаны противодѣйствовать ему«. Этой конфедераціи, провозгласившей свободу всѣмъ сектамъ, и запретившей наказывать ихъ, не подписалъ (подъ предлогомъ будьто бы спокойствія) одинъ только епископъ, который, однакожъ, какъ говоритъ Соликовскій, [1]) сильно жалѣлъ объ этомъ какъ при жизни, такъ и при смерти. Хотя этотъ религіозный интересъ зависѣлъ по преимуществу отъ епископовъ, тѣмъ не менѣе сословіе духовное и многіе изъ рыцарей-католиковъ (военныхъ) заявили тотчасъ свой протестъ въ Сахачовѣ на 3-й день послѣ воскресенія пятидесятницы 1573 г. [2]) Всѣ приговоренные съ презрѣніемъ отнеслись къ этой конфедераціи, а потомъ вся польская церковь прекрасно раскрыла ея недостойныя дѣйствія и торжественно осудила ее на національномъ піотрковскомъ соборѣ 1678 года, утвержденномъ папою Григоріемъ XIII (См. кн. I. Constit synod. p. 7). Ксендзъ Петръ Скарга надлежащимъ образомъ поражаетъ эту конфедерацію и ея сторонниковъ въ своей книгѣ: »Process na Konfederacyą«, напечатанный при его проповѣдяхъ. Сами еретики издѣвались надъ нею: въ другихъ государствахъ, гдѣ только можно было, они преслѣдовали своихъ сектантовъ и поражали ихъ смертію. Такъ, Кальвинъ позволилъ сжечь аріанина Ѳеодора Сорвета, бематы обезглавили Гентылиса, а Боза, насмѣхавшійся надъ нами, писалъ въ своемъ »Epistola apostolica, p. 20«: дать свободу религіозному сознанію, позволить всякому погибнуть если ему угодно,—это догматъ чисто діавольскій. И эта то діавольская ,свобода наполнила теперь Польшу и Трансильванію такими пагубными ученіями и бѣд-

---

[1]) „Rerum poloniae commentar.“ p. 91. „желая или никогда не быть епископомъ, или никогда не подписывать конфедераціи еретиковъ. По этой же причинѣ онъ желалъ, чтобы его не погребали въ Краковѣ, а чтобы положили въ гробницѣ Бозенина“.

[2]) Другая, еще болѣе живая и искусная протестація, это протестація воеводства плоцкаго, заявленная на рацѣжскомъ сеймикѣ и внесенная въ плоцкую судебно-реэстровую книгу, въ 5 день предъ festum natio. ВТО. того же 1573 г. Тотъ и другой протестъ можно читать у Залускаго, въ т. II. л. 750.

ствіями, какихъ не испытывала никогда »ни одна религія подъ солнцемъ.« Отсюда произошло то, что не только католики, но и сами еретики, какъ пишетъ кардиналъ Гозіушъ (libr. Judce et Censur. de Judce et Censur. ministror.), называли Польшу убѣжищемъ и притономъ всѣхъ ересей. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, новоизбранный король Генрихъ, среди смутнаго положенія дѣлъ, обязался, по крайней мѣрѣ клятвою, дать аппробацію упомянутой конфедераціи. [1]) Но, когда, послѣ коронаціи, поднялся споръ о новой формулѣ клятвеннаго признанія законовъ, явилась особая печатная брошюра о еретической конфедераціи, подъ заглавіемъ: »Rozsądek o sprawach na Elekcyi Warszawskiej do koronacyi należących« (разсужденіе о дѣлахъ варшавской элекціи, относящихся къ коронаціи), гдѣ между прочимъ, много и сильно говорилось противъ этой конфедераціи. Фирлей, королевскій маршалокъ, посадилъ въ тюрьму типографа. Но Соликовскій призналъ брошюру своимъ произведеніемъ и так. образомъ освободилъ типографа, хотя навлекъ на себя неудовольствія и жалобы депутатовъ. Когда онъ усердно отстаивалъ въ сенатѣ эту брошюру (которую, какъ самъ гововитъ въ указанномъ комментаріѣ, на стр. 26. написалъ по просьбѣ короля и Карнковскаго), примасъ, вынувъ протестъ противъ конфедераціи, заявилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Соликовскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ мнѣніе всего духовенства и католиковъ. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ споровъ, король приказалъ молчать отстаивавшимъ конфедерацію, и, по примѣру своихъ предшественниковъ, велѣлъ выдать обыкновенную формулу, утверждающую законы королевства (См. л. 228.). Утверждая такимъ

---

[1]) Когда онъ уклонялся отъ этого, одинъ изъ депутатовъ, Янъ Зборовскій, староста адоляновскій, сказалъ: „Rex serenissime! nihil oratores tui hanc conditionem dissidentium de religione nomine Tuo acceptassent, nobis contradicensibus. Bex eligi non potuisses, imo ni eam approbaveris, Rex poloniae noneris (Fredro, hist. Henrici, p. 116), Однакожъ, Генрихъ далъ письменное свидѣтельство нашимъ католическимъ депутатамъ въ томъ, что они протестовали въ Парижѣ противъ этого пункта конфедераціи (свидѣт. это у Золускаго въ указанномъ выше томѣ л. 154).

образомъ, законы своихъ предковъ, король тѣмъ самимъ отмѣнилъ уже, очевидно, то, что обѣщалъ еретикамъ во Франціи. Упомянутая конфедерація, служащая основою для послѣдующихъ конфедерацій, когда говоритъ:« диссиденты между нами;« то подъ этими диссидентами разумѣетъ или всѣхъ« польскихъ дворянъ или однихъ еретиковъ.. Если первыхъ, то само это королевство, съ большимъ для себя безчестіемъ, признаетъ себя не правовѣрнымъ, и не православнымъ, слагающимся изъ разнообразныхъ сектъ или сектантовъ. Къ тому же, развѣ прилично католикамъ, религія которыхъ была хозяйкей и госпожей въ королевствѣ, бояться наказанія со стороны еретиковъ и, по этому, заключать съ ними перемиріе, дабы такимъ образомъ католики не были наказываемы ими за свою вѣру, чего справедливо должны были опасаться и надѣяться сами еретики, на основаніи существующихъ законовъ католическаго управленія и потому еще, что ихъ ереси были въ Польщѣ явленіемъ пришлымъ, занесеннымъ отвнѣ? Если же подъ »диссидентами« разумѣются разномыслящіе съ католиками, еретики, которые обѣщаютъ между собою миръ и клянутся въ взаимной ненаказанности; то какимъ образомъ они могли задобрить католиковъ настолько, чтобы эти послѣдніе не выгоняли ихъ за ереси, быстро и зловредно распространяющіяся, и не наказывали тѣхъ, которые держатся этихъ ересей? Такую мысль высказалъ и король Стефанъ тотъ часъ же въ 1576 г. Въ указѣ, подтверждающемъ артикулы, поднесенные еще прежде королю Генриху (л. 253), онъ говоритъ: »такъ какъ въ коронѣ народа польскаго, литовскаго, русскаго, инфляндскаго и др. есть не мало диссидентовъ....; то нѣкоторые своей особой конфедераціей заявили; что, при всей своей религіозной мерзости, они должны быть оставлены въ покоѣ«.

Въ 1587 году, во время междуцарствія, слѣдовавшаго за смертію Стефана Баторія, варшавская конфедерація (л. 440) говоритъ: «на этомъ конвокаціонномъ съѣздѣ мы единодушно сохранимъ конфедерацію диссидентовъ, бывшую въ Варшавѣ и утвержденную клятвою нашихъ королей». Настаивали, чтобы эту конфедерацію подписало духовенство. Примасъ и другіе епископы ушли изъ Варшавы, за исключеніемъ знаменитаго Соликовскаго, бывшаго въ то время архіепископомъ львовксимъ, и Гослискаго, епископа каменецкаго. Когда настоятельно требова-

ли отъ архіепископа подписи, онъ (какъ самъ говоритъ въ своемъ Commentar. rer. Polon. p. 102), въ порывѣ религіозной ревности, сбросилъ съ себя архіепископскую тіару и обнажилъ шею, показывая тѣмъ, что онъ скорѣе и лучше согласится сложить голову, чѣмъ дать апиробацію недостойному дѣлу; потомъ подписалъ конфедерацію епископъ каменецкій, увлеченный на сторону диссидентовъ, съ прибавленіемъ впрочемъ: »подписываю для сохраненія благъ мира». Однакожъ этого мира еретики искали только для большаго неспокойствія и разрушенія вѣры католической: они хотѣли, какъ прекрасно доказывала книга подъ заглавіемъ: «Deklaracya nowęgo prawa, którego się panowie Ewangelicy domagają (декларація новаго закона, котораго добиваются евангелики), изданная въ 1615 г.,—хотѣли также искоренить въ Польшѣ католическую вѣру, какъ искоренили ее въ другихъ государствахъ, въ которыя проникла ересь. Другіе епископы, подписавшіе въ то время варшавскую религіозную измѣну (recess), прибавили при этомъ: «за исключеніемъ артикула о диссидентской конфедераціи (См. л. 437). Такое же прибавленіе дѣлали и впослѣдствіи, особенно въ 1632 г. воеводы—плоцкіе, раковскій и депутатъ мазовецкій подписали конфедерацію съ такою оговоркой: «за исключеніемъ артикула о конфедераціи въ моемъ палотинатѣ (См кн. 3, л. 11). Эти же три епископа, какъ показываетъ сочиненіе «Два меча», послѣ избранія Сигизмунда III, протестовали отъ лица всего духовнаго и свѣтскаго сословія противъ указаннаго примиренія съ диссидентами. А когда король присягалъ въ оливскомъ косціолѣ на «pacta conventa», противъ тогоже артикула о диссидентахъ протестовалъ епископъ куявскій, Робажевскій, отъ лица всѣхъ католиковъ. Такимъ образомъ указанная выше конфедерація никогда не владѣла спокойно своими правами, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Квяткевичъ въ своей лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ.—Въ 1632 году, во время междуцарствія, слѣдовавшаго за смертію Сигизмунда III, диссиденты домагались, чтобы во всѣхъ польскихъ городахъ каждый могъ свободно слѣдовать ученію своей секты, чтобы противныя этому распоряженія и декреты были уничтожены и чтобы назначено было извѣстное наказаніе противникамъ такой религіозной свободы. Кромѣ того, они требовали еще, чтобы на правительственныя должности въ городахъ королевскихъ равно избирались

какъ еретики, такъ и католики, а при дворѣ королевскомъ—только нѣкоторыя должности могли занимать диссиденты. Все это, по требованію диссидентовъ, должно было быть гарантировано, предъ выборомъ новаго короля, особымъ уставомъ или конституціей. Но противъ этого единодушно возстали какъ епископы, такъ и свѣтскіе дворяне католики, говоря, что они не допустятъ такой свободы или своеволія еретиковъ и вообще чего нибудь противнаго католической религіи. Когда же снова затѣмъ поднялась рѣчь о диссидентахъ и одинъ панъ изъ еретиковъ, вступаясь за нихъ, требовалъ уравненія ихъ съ католиками во всѣхъ правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ; тогда въ остальныхъ панахъ сильно забилось католическое сердце: вѣра католическая, сказали они, есть какъ бы хозяйка и госпожа, религія же диссидентовъ—есть какъ бы гостья, странница, скиталица; поэтому не можетъ быть равенства между католиками и диссидентами, тѣмъ болѣе, что ересь введена сюда не шляхетскимъ отступникомъ, какъ мать всѣхъ невзгодъ, отъ чего ея адепты могутъ называться только еретиками, но ничуть не пользоваться шляхетскими титулами». Другіе же паны говорили и настаивали, чтобы даже и то, что позволено было доселѣ еретикамъ было теперь отнято у нихъ, и чтобы силою и оружіемъ принудить ихъ къ согласію на эти условія.

---

§ 3. Возвращается мало по малу строгость прежнихъ святыхъ законовъ противъ еретиковъ.

Въ 1632 году, Владиславъ IV, предоставивъ обѣщанный диссидентамъ миръ «ненарушимымъ законамъ римской церкви», тѣмъ самымъ сдѣлалъ этотъ миръ и безнаказанность очень сомнительными, потому что законы римско—католической церкви, духовной власти которой поляки были подчинены издавна, требуютъ наказанія всѣхъ ея отступниковъ и возмутителей. Сами поляки рядомъ выше цитованныхъ законовъ также стремились къ наказанію ихъ. Этого требовалъ характеръ политическо—христіанскаго правительства, какъ писалъ объ этомъ французскому королю Лудовику Благочестивому парижскій со-

боръ 829 г. (у Баронія), приводя слѣдующія слова великаго учителя, св. Исидора: «свѣтскіе князья для того занимаютъ высшія ступени власти внутри церквей, чтобы силою этой власти они поддерживали церковную дисциплину. Впрочемъ, необходимыя внутри церкви власти существуютъ только на тотъ случай, когда священникъ ничего не можетъ сдѣлать силою доктрины,–власть тогда должна дѣйствовать страхомъ наказаній. Чрезъ царство земное часто преуспѣваетъ царство небесное, враги вѣры и нарушители церковной дисциплины уничтожаются строгостію князей, и когда самую церковную дисциплину, которую безсильна иногда поддержать церковь, власть налагаетъ на выю гордыхъ и непокорныхъ. Заслуживая такимъ образомъ уваженіе, власть въ тоже время сообщаетъ и поддерживаетъ добродѣтель. Пусть знаютъ князья, что они должны будутъ дать отчетъ Богу за ту церковь, которую они принимаютъ отъ Христа для защиты и покровительства.—«И нашъ Владиславъ Ягелло, въ своемъ выше приведенномъ опредѣленіи говоритъ:» удалимъ пагубныя уклоненія еретиковъ отъ божественнаго закона, удалимъ неизмѣннымъ постановленіемъ, чтобы тѣхъ, которые въ презрѣніи къ Богу ко вреду и ослабленію христіанской религіи, и въ ущербъ политикѣ воспламенили нечестивыя сердца беззаконныхъ и чрезъ это самое подвергаютъ насъ всякимъ другимъ опасностямъ, чтобы такихъ лицъ силою оружія удалять и выгонять изъ предѣловъ нашей земли, дабы такимъ образомъ тѣ, которые не боятся суда церковнаго, строго наказывались властію гражданскою».—

На сеймѣ 1658 г., поляки, дѣйствительно, поступили съ аріанами сообразно съ этимъ эдиктомъ Владислава Ягелло, приговоривъ къ смерти тѣхъ, которые, послѣ несомнѣнныхъ изслѣдованій, окажутся послѣдователями, распространителями или покровителями ихъ секты ([1]). Затѣмъ, слѣдовало постановленіе 1659 года, назначившее аріанамъ два года (dwie lecie czasu) для удаленія изъ Польши или для возвращенія къ цер-

[1]). Наказаніе это было отстрочено на 3 года для того, чтобы въ этотъ промежутокъ времени, аріане могли продать свои поссесіи, расплатиться съ слугами. Впрочемъ, и въ это время имъ, подъ страхомъ смерти, запрещено было развитіе секты и отправленіе общественныхъ функцій.

кви. Другія строгія опредѣленія относятся къ 1661 и 1662 гг., когда аріане, были совершенно искоренены въ Польшѣ. Такимъ образомъ аріанамъ нисколько не пособила указанная выше конфедерація 1573 года, а между тѣмъ они принадлежали къ числу диссидентовъ и были не менѣе многочислены въ Польшѣ, какъ лютеране или кальвинисты которымъ эта конфедерація также обѣщала спокойствіе и защиту.—

Несомнѣнно, «что лютеране, а особенно кальвинисты, какъ говорится въ житіи кардинала Гозіуша, составленномъ Росціушомъ, и въ исторіи аріанъ, изданной Макс. Вѣтровскимъ, издавна возбуждали католиковъ къ изгнанію аріанъ изъ Польши, хотя въ тоже время не отрицали и того, что аріане произошли отъ нихъ и отъ нихъ же заимствовали свое ученіе: такъ, Сарницкій, кальвинистъ и историкъ польскій, упрекая аріанъ, приводитъ слѣдующія слова Самсона: «еслибы ты не пахалъ моимъ тельцомъ, ты не достигъ бы моего положенія» (Суд. 1, 4). И дѣйствительно, не мало было католиковъ, соглашавшихся на это изгнаніе еретиковъ: они говорили, что чрезъ это уменьшится число еретиковъ. Но предусмотрительный кардиналъ Гозіушъ разсуждалъ лучше, онъ думалъ, что «нужно изгонять или всѣхъ еретиковъ или никого изъ нихъ, для того, чтобы, удаляя однихъ, тѣмъ самымъ не возвысить или, какъ онъ выражался, не канонизовать другихъ. И это тѣмъ болѣе справедливо и необходимо, что всѣ секты равны, вредны и приводятъ душу къ погибели, а утонулъ ли ты, имѣя надъ собою 100 локтей воды или одинъ,–различіе не важное, дѣло въ томъ, что ты утонулъ. Взаимная же борьба еретиковъ, продолжаетъ Гозіушъ, служитъ залогомъ спокойствія церкви: пусть грызутся и такимъ образомъ истребляютъ другъ друга. Если бы всѣ еретики строго держались одной какой нибудь вѣры (къ чему они неоднократно и стремились, хотя безъ успѣха), они были бы очень тяжелы для католиковъ».— Такимъ образомъ аріане, отвратительнѣйшіе по своему оскорбленію Христова божества, были тяжелымъ бичомъ для другихъ диссидентовъ. Побѣдивъ кальвинистовъ въ Трансильваніи, они требовали ихъ на диспутъ въ Піотрковъ, въ 1566 году. Гозіушъ посовѣтовалъ королю допускать этотъ диспутъ: «я лучше желалъ бы, чтобы диспутировали о томъ, законный ли король Сигизмундъ (хотя я и не люблю слушать такихъ диспутовъ), чѣмъ–о томъ, есть

ли Христосъ истинный Богъ? Поэтому, не желая слушать богохульствъ на Сына Божія, Гозіушъ уѣхалъ. А между тѣмъ аріане сильно тѣснили лютеранъ и кальвинистовъ на диспутѣ, такъ что когда первые приводили тѣ мѣста св. писанія, съ которыми нѣкогда древніе аріане ратовали противъ православныхъ; лютеране и кальвинисты, въ спорахъ съ католиками принимающіе одно только св. писаніе и отвергающіе соборы, теперъ прибѣгали къ собору никейскому и здѣсь искали изъясненія мѣстъ приводимыхъ аріанами. Затѣмъ аріане сильно пристыдили лютеранъ и кальвинистовъ, доказавъ имъ, что они должны или снова сдѣлаться католиками, принимая соборъ никейскій, или, отвергая его и признавая одно св. писаніе,-стать аріанами. Тѣснимые такимъ образомъ, лютеране и кальвенисты, въ смятеніи, прибѣгали къ увертке,—къ крику: стали громко пѣть: «слава Отцу и Сыну» ипр. Однакожъ по просьбѣ католиковъ, равно какъ и лютеранъ и кальвинистовъ, аріане были удалены изъ Польши эдиктомъ Сигизмунда. Впрочемъ эдиктъ этотъ коснулся только иноземцевъ, распротранявшихъ здѣсь свою ересь, какъ-то: Лисмаміуса, Гентелиса, Григорія и Павла Социновъ и проч.; удалить же изъ Польши природныхъ поляковъ—аріанъ было трудно, потому что ихъ было очень много даже между сенаторами.—По смерти Сигизмунда Августа, когда конфедерація дала миръ и безопасность всѣмъ актамъ, въ Польшу возвратился младшій Социнъ; онъ далъ единство сектѣ аріанской, которая, къ величайшей радости какъ католиковъ, такъ и лютеранъ и кальвинистовъ, раздѣлилась было на множество мѣлкихъ сектъ, и, какъ сочиненіями, такъ и военною силою образовалъ изъ нея сильную факцію. Поэтому, когда аріане замышляли вмѣстѣ съ Рокоцымъ измѣну Польшѣ, конституція 1658 г. опредѣлила изгнать ихъ, исполняя строгій эдиктъ Владислава Ягелло. Депутаты лютеранъ и кальвинистовъ стали было на сеймѣ оппонировать этой конституціи, боясь, чтобы ея опредѣленіе не распространилось и на нихъ, какъ также диссидентовъ, или чтобы вообще не былъ нарушенъ миръ съ диссидентами; но католики одержали верхъ. Впрочемъ другимъ диссидентамъ обѣщано пока спокойствіе. Это *первое опредѣленіе*, уничтожающее отчасти упомянутую выше конфедерацію 1673 г. *Другое опредѣленіе*, возстановляющее строгость прежнихъ законовъ противъ еретиковъ, послѣдовало въ

первый разъ въ 1668 году, когда конфедерація объявила всѣхъ отступниковъ отъ римской или греко—уніатской церкви (которымъ конфедерація 1573 года обѣщала спокойствіе и безопасность) *подлежащими наказанію*, назначенному аріанамъ. Это опредѣленіе утверждаетъ конфедерація 1674 и 1733 гг.

Третьимъ опредѣленіемъ конфедорація бывшая по смерти Яна III, подвержено томуже наказанію (какое т. е. назначено аріанамъ) менонистовъ, квакеровъ, анабаптистовъ, хотя не всѣ эти секты существовали въ польскомъ королевствѣ въ то время, когда и первая конфедерація 1573 г. обѣщала еретикамъ спокойствіе. Но они существовали уже тогда, когда другія конфедераціи объявляли въ отношеніи къ нимъ терпимость. Секта анабаптистовъ, напримѣръ, существовала несомнѣнно (предъ упомянутой конфедераціей), это подтверждается историческими документами: 1-й изъ нихъ эдиктъ, изданный противъ нихъ Сигизмундомъ 1-мъ въ Краковѣ, въ 1535 году, и о которомъ упоминаетъ Бѣльскій въ 5 кн. своей Хроники, на стр. 575; 2-й эдиктъ Сигизмунда Августа, публикованный въ Вильнѣ, 1-го марта 1559 года, гдѣ говорится: »намъ извѣстно, что ученіе пикардовъ, богемовъ, анабаптистовъ, сакраментаріевъ, лютерянъ и другихъ еретиковъ проповѣдуется открыто »этотъ эдиктъ цитуется въ книгѣ:« pacati et impacati examen, (испытаніе примиреннаго и не примиреннаго) p. 117. 3-й документъ—это книга Ресціуша подъ заглавіемъ: »Губка которою очищаются злословія и проклятія протитъ іезуитовъ, здѣсь на стр. 121 (неаполитанскаго изданія) говорится:« знай, чему уподобилъ эту конфедерацію великій Крослеръ: DEM. IMHERRU-AGEN—это жиръ которымъ мажутъ колеса экипажа. Т. е. четыре колеса,—это четыре главныя секты: лютеране, кальвинисты, триѳеисты, анабаптисты; если помазать ихъ снисходительностію, терпимостію конфедераціи, они скоро прійдутъ къ тому, что сдѣлаются атеистами.—Бери примѣръ и пр«.

Этимъ не кончилось постепенное уничтоженіе насильственной конфедераціи 1573 г. Въ 1632 году запрещено диссидентамъ строить свои церкви. А варшавская конфедерація 1716 года приказываетъ разрушать ихъ соборы, построенные вопреки запрещенію указанной сейчасъ конфедераціи; она запрещаетъ имъ также имѣть свои собранія, и это опредѣленіе гарантируетъ сначала денежнымъ штрафомъ, потомъ заключеніемъ въ тюрму,

наконецъ изгнаніемъ. Конституція сейма 1717 года,—сейма примѣренія, сильно поддерживаетъ эти мѣры въ 4 артикулѣ.

Послѣдняя генеральная конфедерація 1733 г. предоставляя диссидентамъ спокойствіе, удалила ихъ отъ правительственныхъ должностей, отъ функцій посольскихъ, депутатскихъ, коронныхъ и литовскихъ, земскихъ и городскихъ; она запретила имъ въ тоже время искать протекціи въ чужихъ государствахъ, подъ опасеніемъ подвергнуться, въ противномъ случаѣ, всей строгости законовъ, положенныхъ противъ бунтовщиковъ. Конфедерація эта утверждена самимъ названіемъ примирительной (pacificationis).

§ 4 Отвѣтъ на дѣйствительный вопросъ.

Готфредъ Легнихъ спрашиваетъ здѣсь (въ commentario perpetuo in pact. convent. Aug. III. p. II): на какомъ юридическомъ основаніи Рѣчь-Посполитая па конвокаціонномъ сеймѣ лишила диссидентовъ этихъ прерогативъ? »По какому праву, нобилей избранныхъ депутатами на сеймы, могли удалить изъза ихъ религіи, утвержденной законами и вопреки древнему обычаю, удалять отъ всякаго участія въ законныхъ дѣлахъ депутатскаго собранія и—дѣло почти не слыханное въ средѣ свободнаго сословія—лишить ихъ главныхъ прерогативъ рыцарскаго званія? По какому праву могли низвести ихъ въ положеніе плебеевъ и, за вмѣшательство и протекцію иноземныхъ государей, на которыя эти послѣднія имѣютъ полное право послѣ между-народныхъ договоровъ, подвергнуть наказанію, опредѣленному мятежникамъ«? Въ отвѣтъ на это, мы спрашиваемъ: а по какому праву еретики изъ нѣсколькихъ государствъ изгнали насильственно католическую вѣру,—госпожу, которая купила свое господство жестокою кровію мучениковъ и пользовалась имъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ? По какому праву у насъ, въ Польшѣ, они пріобрѣли столько церквей, существующихъ и теперь и проч? Вопросъ Готфреда похожъ на вопросъ того разбойника, который вздумалъ бы спрашивать, по какому праву отнимаютъ у него часть насильственной добычи и пр. По такому-то праву, потому, что были еретиками, Польша строго поступала съ гусситами, аріанами, анабаптистами.

Поэтому же самому праву она и съ диссидентами вообще можетъ, по всей справедливости, поступить еще строже, удаливъ ихъ отъ другихъ государственныхъ функцій, напр. отъ функцій военныхъ, и обязавъ ихъ воспитывать въ католической вѣрѣ своихъ будущихъ дѣтей; [1]) всё это она можеть сдѣлать по этому же праву, по которому отнимаютъ у не благодарныхъ данныя имъ бенефиціи, потому что дисиденты во зло употребили католическую терпимость, ища у англійскаго короля покровительства и защиты отъ поляковъ.—Готфредъ ошибается, когда говоритъ, что религія диссидентовъ утверждена законами. Еслибы это было такъ, еслибы католики дѣйствительно апробовали религію диссидентовъ; то какимъ образомъ они могли быть диссидентами? Конфедерація 1673 г. (да и то не единодушно) обѣщала имъ спокойствіе, но не согласіе съ ихъ религіею; это послѣднее возможно былобы только тогда, когда бы они перестали быть диссидентами, возвратившись къ церкви католической. Обѣщая спокойствіе, диссидентамъ обѣщали только терпимость, и дѣйствительно терпѣли ихъ до извѣстнаго времени, также какъ терпѣли аріанъ, анабаптистовъ и др. равныхъ имъ диссидентовъ. Считая эту конфедерацію, такъ единодушною, менѣе важною, Готфредъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на древнихъ милостяхъ, которыя такъ щедро сулилъ король еретикамъ въ »pactis conventis«: должно, однакожъ, говоритъ онъ, прославлять замѣчтательную справедливость республики, которая торжественнымъ договоромъ съ новымъ королемъ утвердила древнія конфедераціи. Достойна похвалы величайшая милость короля, который такъ охотно

---

[1]) Законъ Сигизмунда Августа, изложенный въ его эдиктѣ, данномъ въ 1550 году, въ Варшавѣ, обѣщалъ, что лица, извѣстныя намъ по своему соприкосновенію къ ереси, будутъ удаляемы изъ предѣловъ нашего королевства, не допускаемы въ нашъ совѣтъ или сенатъ, устраняемы отъ всякихъ достоинствъ или профектуръ; если же при томъ, намъ донесутъ, что нѣкоторые покровительствуютъ ереси, на такихъ лицъ должно распросртанять тѣ статуты нашего королевства, по которимъ безчестные дѣти всегда остаются изгнанниками изъ своего отечества.

представилъ граждавъ ихъ древнему праву«. А вотъ что говорится въ »pactis conventis Abzy. III:« такъ какъ въ польскомъ королевствѣ и принадлежащихъ къ нему областяхъ есть немало диссидентовъ; то, для избѣжанія кровопролитія, мы, по примѣру нашихъ предшественниковъ, будемъ сохранять въ отношеніи къ нимъ постановленія древнихъ конфедерацій, не препятствуя ни какимъ протестамъ, но предоставляя диссидентамъ во всемъ миръ и безопасность«.

Относительно этого пункта мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1), неприлично возстановлять и хвалить эту древнюю конфедерацію 1573 г. и 1587 г., уничтожая въ то же время или по крайней мѣрѣ, не уважая такъ справедливыхъ законовъ противъ еретиковъ, изданныхъ династіей ягеллонской, и единодушной корчинской конфедераціею. Къ чему хвалить и давать силу болѣе той конфедераціи, чѣмъ этой? 2). Неприлично отвергать такъ справедливые протесты противъ еретиковъ, обманомъ и силою принуждавшихъ католиковъ къ апробаціи недостойныхъ постановленій; [1]) 3). менонисты, квакеры. анабаптисты, еретики равные другимъ диссидентамъ, выдѣляются, однакожь, изъ среды послѣднихъ, отъ чего лютеранская и кальвинская ересь пріобрѣтаетъ нѣкоторую важность, какъ будьто лучшая другихъ, уравненная съ вѣрою католическою, въ отношеніи къ которой послѣдняя, является только господствующею, какъ это дѣйствительно видимъ въ другихъ еретическихъ государствахъ, гдѣ одна изъ сектъ преобладаетъ какъ старшая сестра, но не какъ госпожа. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы присовокупить, что такъ называемыя диссидентскія религіи имѣютъ за собою давность и не могутъ быть истреблены безъ нарушенія общаго народнаго спокойствія, пользоваться правомъ терпимости, и только какой нибудь новый особенный поступокъ съ ихъ стороны ускоритъ ихъ паденіе, какъ случилось это съ аріанами.—4). Неприлично и невозможно, чтобы право-

---

[1]) Протесты эти, какъ протесты лицъ законодательныхъ, не могутъ быть уничтожены, они, во всякомъ случаѣ и всегда, показываютъ ничтожность и несостоятельность принужденнаго постановленія тѣмъ болѣе, что и протестація одного депутата могла, по обыкновенію, останавливать дѣятельность всего сейма.

вѣрный король давалъ клятву въ такомъ покровительствѣ еретикамъ какое обѣщаютъ имъ указанныя конфедераціи, тѣмъ болѣе, что онъ напередъ присягаетъ въ сохраненіи законовъ своей церкви и своего королевства, неблагопріятныхъ для еретиковъ. 5). Необходимо утвердить законъ противъ отступниковъ отъ католицизма въ какую бы то ни было секту, запрещая входъ въ Польшу, всякому другому новому невѣрію.

Такимъ образомъ Польша по милости Божіей мало помалу уменьшила и смирила диссидентовъ; ей остается теперь только совершенно и окончательно *уничтожить* вынужденныя насиліями еретикамъ милости, оставивъ одно спокойное истребленіе, совершавшееся доселѣ сначала путемъ чистаго спасительнаго поведенія, потомъ строгимъ запрещеніемъ внесенія всякаго невѣрія,—все это, говоримъ, ей останется и необходимо сдѣлать, чтбы послѣдняя Польши не была хуже первыхъ.

Поэтому прежде всего достойны вѣчнаго воспоминанія, тысячекратнаго повторенія и подражанія со стороны потомства слѣдующія слова генеральной конфераціи 1733 г.

§ 5. Достопамятныя слова ревностной конфедераціи 1733 г.

»Поелику основа и задача всѣхъ государствъ состоитъ въ истинномъ почитаніи Бога и съ Его св. религіею; то мы, въ силу настоящей своей конфедераціи, никому не позволяемъ отмѣнять или ослаблять право и привиллегіи римско-католической и греко-уніятской церкви; мы, напротивъ, объявляемъ полное презрѣніе къ иноземнымъ культамъ и при защитѣ св. римско-католической церкви, ея привиллегій будемъ и обязываемся строго держаться примѣра нашихъ предковъ« И ниже: »настоящею конфедераціей, мы обѣщаемъ сохранять права и привиллегіи римско-католической и греко-уніятской церкви и никакой другой, и для защиты этой церкви, при свободномъ избраніи своихъ королей, нещадить ни здоровья, ни самой жизни.«

Самый же пунктъ о диссинденатхъ излагается въ слѣдующихъ словахъ: »мы, однакожъ, обезпечиваемъ диссидентамъ (какъ въ Королевствѣ Польскомъ, такъ и въ Великомъ Княжест-

въ Литовскомъ) миръ и неприкосновенность ихъ имуществъ, собрана съ древними конфедераціями особенно же съ конфедераціей 1717 года, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы они не имѣли дѣятельнаго участія въ депутатской избѣ, въ трибуналахъ и коммиссіяхъ, не имѣли своихъ частныхъ съѣздовъ или собраній запрещенныхъ законами, и не занимали государственныхъ должностей-коронныхъ, литовскихъ, воеводскихъ, земскихъ и городскихъ, и наконецъ чтобъ ни сами непосредственно, ни чрезъ иностранныхъ министровъ не искали ни какой протекціи, подъ опасеніемъ подвергнуть, въ противномъ случаѣ, всей силѣ законовъ, положенныхъ противъ бунтовщиковъ.«

Если Рѣчи-Посполитой не благоугодно будетъ (идя достохвальнымъ путемъ правовѣрныхъ предковъ въ постепенномъ уничтоженіи свободы и прерогативъ диссидентовъ) еще въ чемъ нибудь уменшить свободу диссидентовъ (особенно въ Варшавѣ городѣ, такъ обезпеченномъ законными направленіями противъ нихъ); пусть она, покрайней мѣрѣ, 1), на мѣсто древнихъ конфедерацій поставить новыя, потому что первыя не стоютъ похвалы, какъ конфедераціи выпужденныя, нарушающія свободу католиковъ и, путемъ воспоминанія и силы дающіяся сектамъ; 2), когда она обѣщаетъ диссидентамъ миръ и безопасность, то, чтобы они не считали этой милости закономъ, своимъ правомъ, слѣдовало бы прибавить при этомъ: »сильно желая, чтобы, болѣе привлекаемые этой милостивой диссуляціей, чѣмъ принуждаемые строгостію закономъ, они охотнѣе и скорѣе возвращались къ св. церкви и религіозному единству съ нами; въ избѣ депутатской и проч. и проч.

Пунктъ же объ аріанахъ, квакерахъ долженъ бы быть выраженъ такъ: »что же касается аріанъ, квакеровъ, менонистовъ, равно какъ и всякаго званія и состоянія отступниковъ отъ церкви католической,—римской ли или греко уніятской,–пристающихъ къ какой нибудь сектѣ; то въ отношеніи къ нимъ, мы вполнѣ принимаемъ постановленія конфедераціи 1674 г., распространяя ея строгость и на тѣхъ пришлыхъ диссидентовъ, которые бы убѣждали католиковъ къ отступленію отъ св. католической вѣры въ какую нибудь секту, или вздумали бы хулить эту св. вѣру.«

Эти два пункта, относящіеся къ некатоликамъ, и въ тѣхъ же самихъ выраженіяхъ, должны быть утверждены будущимъ ко-

ролемъ въ pactis conventis, съ оставленіемъ, впрочемъ, прежней строгости законовъ противъ отступниковъ.

§ 6. Опровержение возражений.

Есть много людей, выдающихъ себя за истинныхъ католиковъ, которые, однакожъ, стараются убѣдить, что въ Польшѣ было бы хорошо, если бы здѣсь, какъ въ другихъ государствахъ предоставлена была всѣмъ сектамъ религіозная свобода, что, чрезъ это въ ней быстрѣе и лучше шло бы развитіе торговли;—какъ будьто это развитіе зависитъ болѣе отъ злаго невѣрія, чѣмъ отъ хорошаго порядка, по которому, напримѣръ, Испанія, при величайшей строгости въ отношеніи къ сектамъ, пользуется, однакожъ, большимъ развитіемъ торговли и промышленности. Выставляютъ какъ причину или предлогъ къ этой религіозной свободѣ, что въ иностранныхъ государствахъ, среди еретиковъ католики являются болѣе благочестивыми, чѣмъ у насъ, что затѣмъ, при большемъ развитіи благочестія, еретики могли бы мало по малу снова сдѣлаться католиками. Но если лучшіе католики въ другихъ странахъ не могутъ привлечь еретиковъ къ вѣрѣ; то чѣмъ бы мы могли привесть ихъ къ ней? Неужели тѣмъ, что мы—хуже другихъ католиковъ? Правда, плѣнъ вавилонскій имѣлъ тотъ благотворный результатъ, что чрезъ народъ Божій язычники учились познанію истиннаго Бога; но въ тоже время изъ двѣнадцати поколѣній народа Божія только одно возвратилось въ Палестину, всѣ же остальныя сдѣлались язычниками. Въ первыя вѣки христіанства, служащія, для насъ образцомъ, какъ скоро могли обойтись безъ язычниковъ, тотчасъ удалили ихъ и, какъ разсѣявшіеся по селамъ, они получили названіе поганыхъ (pogani), и христіане, не имѣя среди себя враговъ Божіихъ, одержали тотчасъ знаменитую побѣду.

Счастлива была бы Польша, если бы въ ней жили одни ея католики: нѣтъ на свѣтѣ народа болѣе чистаго и болѣе вѣрнаго Богу, чѣмъ народъ польскій; его испортили только чужіе, другіе народы, напитавъ его своимъ духомъ. Поэтому святы и благоразумны были тѣ мѣры предосторожности, какія изложены въ началѣ вышеупомянутаго эдикта Владислава Ягелло.

ЖИЗНЬ

преподобной княжны полоцкой, св. Евфросиніи, съ историческимъ описаніемъ основаннаго ею полоцкаго дѣвичьяго, спасопреображенскаго монастыря, съ опроверженіемъ, распространеннаго папистами мнѣнія, будто бы она, на равнѣ съ другими, древними, св. угодниками русской церкви была уніатка и съ приложеніемъ изображенія креста, устроеннаго ею для монастырской церкви.

I.

Жизнь преподобной княжны полотской, св. Евфросиніи.

Скоро послѣ озаренія Россіи свѣтомъ христіанства, Богу угодно было ущедрить юную церковь свою обиліемъ благодати своей и, предъ лицемъ всей церкви воинствующей, видимымъ образомъ засвидѣтельствовать ея православіе и богоугодіе. Не только явились въ ней *святіи Божіи человѣцы*, украшенные всѣми добродѣтелями любви и самоотверженія при жизни и прославленные даромъ нетлѣнія и чудотворенія по смерти, но и ангелоподобныя св. жены, достойныя подражанія мужей. Къ лику этихъ богоизбранныхъ невѣстъ Христовыхъ принадлежитъ и преподобная Евфросинія, княжна полотская.

Княжна полотская преподобная Евфросинія, въ мірѣ Предислава, была дочь полотскаго князя Святослава—Юрія Всеславича, слѣдовательно—праправнука св. Владиміра. Природа одарила ее необыкновенною красотою, кротостію нрава и невыразимою пріятностію въ обращеніи со всѣми. Эта гармонія внутреннихъ и внѣшнихъ совершенствъ Предиславы была причиною того, что едва она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, какъ

многіе сосѣдніе князья стали искать ея руки. Но сердце невинной отроковицы было не для земныхъ жениховъ: оно билось только для жениха небеснаго. Узнавъ, что родители непремѣнно желаютъ обручить ее съ однимъ изъ достопочтеннѣйшихъ искателей ея руки,—сосѣднимъ княземъ, она тайно ушла изъ родительскаго терема подъ скромный кровъ женской обители, бывшей, какъ можно думать, на Верхнемъ Замкѣ при Софійской церкви [1],—къ родной теткѣ своей, игуменіи сей обители, преподобной княжнѣ Романіи, вдовствующей супругѣ князя Романа Всеславича [2].

Сначала благочестивая игуменія, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ отца Предиславы и видя ея нѣжный возрастъ, сильно противилась желанію сей послѣдней принять монашескій чинъ; но, замѣтивъ непоколебимую твердость ея намѣренія и уразу-

---

[1]) Хотя положительно нельзя сказать, гдѣ собственно находился этотъ монастырь въ Полотскѣ; но принимая въ соображеніе, вопервыхъ то, что пр. Евфросинія, съ дозволенія епископа, спасалась и занималась перепискою свящ. книгъ, большею частію въ уединенной комнатѣ, устроенной при Софійской церкви и называемой **голубецъ**; во вторыхъ то, что въ началѣ 17 вѣка уніатскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичь, возобновивъ древній Софійскій соборъ, устроилъ при немъ и женскій монастырь, для вызванныхъ имъ изъ Вильна монахинь около того времени возникшаго базеліанскаго ордена,—какъ сказано въ его грамотѣ, **на мѣстѣ прежде существовавшаго древняго монастыря**—и въ третьихъ, наконецъ, то, что польскій писатель Несецкій увѣряетъ на основаніи, какъ онъ говоритъ, читанныхъ имъ какихъ-то древнихъ документовъ, что полотская епископская каѳедра съ женскимъ монастыремъ (не извѣстно какого имени) учреждена при Софійской соборной церкви на Верхнемъ Замкѣ, около 1100 года, можно полагать не безъ основанія, что сказанный монастырь дѣйствительно находился при семъ соборѣ (архивъ полотской духовной консисторіи, связка 30, de unione; Nesiecki, Herb. ks. Metr. Ruska).

[2]) Романія была вдова Романа Всеславича полотскаго (**Карамзинъ**, Ист. Рос. Государ. т. II, примѣч. 251).

мѣвъ въ семъ волю Божію, пригласила тамошняго священника постричь ее въ инокини съ именемъ Евфросиніи.

Узнавъ о семъ, родители Предиславы поражены были неутѣшною скорбію и, увидѣвъ свою любимую дочь въ иноческой одеждѣ, оплакивали ее, какъ умершую. Она же, съ трогательною нѣжностію, увѣщевала ихъ не предаваться печали, напротивъ совѣтовала радоваться, что дочь ихъ обручена Жениху небесному.

Нѣсколько времени пребывала юная подвижница въ монастырѣ, повинуясь игуменіи и сестрамъ и превосходила всѣхъ въ постѣ, молитвѣ и ночномъ бдѣніи. Потомъ, желая уподобиться ветхозавѣтнымъ іерусалимскимъ дѣвамъ, которыя, подобно Богоматери, проводили жизнь при храмѣ, упросила полотскаго епископа Илію, чтобъ онъ позволилъ ей жить въ пристроенной къ каѳедральному Софійскому собору келліи, или такъ называемомъ «голубцѣ». Въ этомъ затворѣ, предаваясь всецѣло исполненію обѣтовъ иночества, преподобная любила въ часы досуга списывать собственною рукою священныя книги и плату, какую получала за нихъ, употребляла на пособіе нищимъ.

Спустя нѣкоторое время, однажды явился преподобной Евфросиніи въ сонномъ видѣніи, ангелъ Божій, который, взявъ ее за руку, вывелъ за городъ на мѣсто называвшееся *Сельце*, гдѣ была метохія, или загородный архіерейскій домъ, съ небольшою при немъ деревянною церковью, во имя Преображенія Господня, и сказалъ Евфросиніи: вотъ здѣсь надлежитъ тебѣ водвориться на жительство; ибо Господь хочетъ на семъ мѣстѣ наставить многихъ, посредствомъ тебя, на путь спасенія». Видѣніе это возобновлялось три раза. Вслѣдъ за симъ ангелъ Божій явился во снѣ и епископу и сказалъ ему: «веди рабу Божію Евфросинію къ церкви Спасителевой, что въ Сельцѣ, и посели ее при сей церкви, ибо тамъ будетъ монастырь для посвятившихъ себя Богу дѣвъ, которыхъ Богъ хочетъ спасти чрезъ эту рабу Свою». Епископъ, воставъ отъ сна, пошелъ къ Евфросиніи и сообщилъ ей сіе видѣніе, она же разсказала ему свое, и оба вмѣстѣ прославили Бога и приступили къ исполненію велѣнія Божія. Немедленно епископъ пригласилъ къ себѣ отца Евфросиніи, князя Юрія, дядю ея владѣтельнаго князя Бориса Всеславича, многихъ знатныхъ бояръ и другихъ почетныхъ гражданъ и, сообщивъ имъ волю Божію,

прибавилъ: «Богу угодно, чтобы въ вашемъ владѣніи дано было Евфросиніи мѣсто, или плацъ на Сельцѣ для постройки на немъ монастыря». Всѣ присутствовавшіе изъявили на-то свое согласіе. Пр. Евфросинія перешла на жительство въ Сельцо, гдѣ не замедлила устроиться иждивеніемъ ея родственниковъ женская обитель во имя всемилостиваго Спаса, а епископъ поставилъ Евфросинію, игуменіею сей новой обители.

По истеченіи нѣкотораго времени, святая игуменія уговорила своего отца отдать ей на воспитаніе младшую ея сестру *Градиславу*. Сія послѣдняя, усердно предаваясь изученію св. писанія и чтенію разныхъ духовныхъ книгъ, научилась презирать суету міра сего и до того полюбила монастырскую, уединенную жизнь, что, подобно своей наставницѣ, пожелала навсегда остаться въ стѣнахъ ея обители и тайно отъ родителей постриглась въ инокини съ именемъ *Евдокіи*. Узнавъ о семъ, родители съ гнѣвомъ и сердечною скорбію явились въ монастырь и жестоко упрекали пр. Евфросинію, что она не только сама навсегда оставила ихъ домъ, но еще обманомъ исторгла у нихъ и другое дитя и къ прежней ихъ скорбы прибавила новую. «Для того-ли мы васъ родили и воспитали, говорили они, что бы за-живо погреблись вы, какъ мертвыя въ могилѣ, въ черномъ одѣяніи и въ монаслырскомъ заключеніи и лишили насъ лучшаго утѣшенія въ жизни, котораго мы отъ васъ ожидали» и проч. Но пр. Евфросинія душеспасительными словами изъ св. писанія укротила ихъ гнѣвъ, печаль и упреки, такъ что родители ея возвратились домой, растворяя естественную скорбь родительскими духовными утѣшеніями.

Вскорѣ за симъ пришла къ преподобной Евфросиніи и приняла постриженіе двоюродная сестра ея, дочь князя Бориса *Звенислава*, съ именемъ *Ефразіи*, принесшая съ собою въ даръ монастырю драгоцѣнныя одежды и все приготовленное ей родителями въ приданное имущество.

Преподобная настоятельница скоро создала въ своемъ монастырѣ, на мѣсто прежней деревянной [1]), новую каменную,

---

[1]) О церкви сей **Стрыйковскій** (Kronika Litewska, ks VI,

сохранившуюся и доселѣ, церковь во имя Спасителя, устроивъ въ ней по обѣ стороны хоровъ двѣ тѣсныя келліи, гдѣ предавалась богомыслію, подвигамъ умерщвленія плоти и уединенной молитвѣ. Освящалъ эту церковь преемникъ Иліи, епископъ *Діонисій*, въ присутствіи всѣхъ членовъ княжескаго дома, и при стеченіи многочисленнаго народа. Евфросинія же при помощи богатыхъ своихъ родственниковъ и другихъ знатныхъ лицъ, снабдила ее драгоцѣнными утварями и всѣмъ нужнымъ. Изъ числа сихъ драгоцѣнностей, сохранился одинъ только напрестольный крестъ съ древомъ животворящаго креста и многими частицами св. мощей, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Преподобная завѣщала подъ клятвою, чтобы крестъ сей не былъ никогда износимъ изъ спасской обители. Клятва эта, можетъ быть, и была причиною того, что святыня эта сохранилась по настоящее время. А чтобы монастырь и церковь не нуждались въ постоянныхъ священнослужителяхъ, преп Евфросинія пожелала учредить и дѣйствительно учредила, въ недальнемъ разстояніи отъ спасскаго монастыря, другой мо-

---

roz. XII, str. 233). **Гвагнинъ** (ks. II, część 1 str. 225). **Кояловичъ** (in Miscellaneis) и другіе увѣряютъ, что Борисъ Генвиловичь, князь полотскій, дѣдъ пр. Параскевіи полотской, построилъ ее въ одно время съ Софійскою каѳедральною и монастырскою Борисоглѣбскою церквами, около 1220 года; но они ошибаются. Они смѣшиваютъ Бориса Генвиловича съ Борисомъ Всеславовичемъ. Борисъ Генвиловичъ дѣйствительно построилъ около 1220 года Софійскій соборъ и Борисоглѣбскую церковь съ монастыремъ на рѣкѣ Бѣльчицѣ, за Двиною; на что есть дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства; но и то несомнѣнно, что сохранявшаяся доселѣ Спасская церковь построена была во дни пр. Евфросиніи около 1160 года, какъ гласитъ и надпись на извѣстномъ св. крестѣ, устроенномъ пр. Евфросиніею и положенномъ въ сей церкви на вѣчныя времена. Дядя ея Борисъ Всеславичь, безъ сомнѣнія, оказывалъ всякое содѣйствіе къ созданію спаской церкви уже и потому, что въ спаскомъ монастырѣ находилась дочь его Звенислава. Къ сему можно присовокупить, кромѣ документовъ позднѣйшихъ временъ, и самое преданіе полочанъ.

настырь мужескій, съ каменною церковію во имя прес. Богородицы [1]).

Впослѣдствіи преподобная Евфросинія пожелала созданную ею церковь всемилостиваго Спаса украсить такою драгоцѣнностію, которая была бы дороже камней, золота и серебра, именно: одною изъ подлинныхъ иконъ Божіей Матери, писанныхъ рукою св. евангелиста Луки, о существованіи которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греческой имперіи она знала изъ разсказовъ

---

[1]) Теперь отъ этого монастыря и церкви никакихъ слѣдовъ не осталось. Вѣроятно, они подверглись общему разрушенію съ Полотскомъ, во время неоднократнаго нашествія на него татаръ, литовцевъ и ливонскихъ рыцарей, предававшихъ мечу и огню все, что ни попадалось на встрѣчу въ завоеванныхъ ими мѣстахъ. Даже неизвѣстно мѣсто гдѣ находился сей монастырь. Впрочемъ нѣкоторые утверждаютъ, что онъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ римско-католическое кладбище съ церковію св. Ксаверія. Что и не невѣроятно, ибо 1. кладбище это расположено вблизи Спаской обители на полъ дорогѣ къ городу. 2. Церковь св. Ксаверія построена іезуитами, когда они на основаніи привиллегіи короля Баторія, завладѣли почти всѣми полотскими православными монастырями, въ томъ числѣ Спасскимъ и Богородицкимъ, со всѣми принадлежавшими имъ церквами, имѣніями и угодьями. Быть можетъ, они сами и уничтожили сей послѣдній монастырь, какъ уничтожили всѣ прочіе;—а если находился онъ уже въ развалинахъ, то мѣсто это, какъ мѣсто священное, обратили на кладбище и на развалинахъ православной церкви построили Ксаверьевскій костелъ. Вѣроятность этаго мнѣнія подтверждается еще и тѣмъ, что въ настоящее время, при разрытіи могилъ на Ксаверьевскомъ кладбищѣ находятъ въ землѣ кирпичи и даже остатки фундамента древняго зданія, кирпичи котораго, цементъ и кладка ихъ совершенно одинаковы со стѣнами Спаской церкви. До XVII столѣтія существовала въ самомъ городѣ Полотскѣ, на Нижней улицѣ, у подножія восточной части вала Верхняго Замка, церковь подъ именемъ Богородицкой, но это была приходская, а не монастырская; притомъ же вдали отъ Спасской обители и неизвѣстно когда и кѣмъ построенная.

разныхъ путешественниковъ и изъ чтенія историческихъ книгъ. Съ этою цѣлію преподобная Евфросинія послала монастырскаго слугу, по имени Михаила въ Царь-градъ къ императору Комнину и патріарху Лукѣ—Хрисовергу съ богатыми дарами и просьбою объ уступкѣ для полотской спасской обители одной изъ сихъ иконъ Божіей Матери. Императоръ и патріархъ преклонились на просьбу русской княжны-инокини и прислали ей изъ Ефеса желаемую икону, съ грамотами и благословеніемъ патріарха. Пр. Евфросинія, украсивъ эту икону золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, благоговѣйно и торжественно поставила ее въ церкви св. Спаса, гдѣ она и находилась до временъ св. Александра Невскаго, по случаю же бракосочетанія сего князя въ 1239 съ дочерью тогдашняго полотскаго князя ***Брячислава*** [1]), икона эта отдана была симъ послѣднимъ въ благословеніе своей дочери, которая увезла ее въ г. Торопецъ и подарила тамошней соборной церкви, въ память совершившагося въ сей церкви бракосочетанія ея съ Александромъ [2]).

---

[1]) Имя сей княжны неизвѣстно; въ лѣтописяхъ (новгородской и воскресенской) сказано только: „въ лѣто 6787 (1239) оженился князь Александръ, сынъ Ерославль въ Полотскѣ у Брачислава дщерь и вѣнчася въ Торопцѣ.“ Князь же Брачиславъ могъ быть сыномъ или внукомъ Василька Крывскаго (Ист. Г. Р. Карамз. т. 4, примѣч. 21). А по мнѣнію другихъ (Стебельскаго, что вѣроятнѣе), былъ потомокъ династіи литовскихъ князей Мингайловичей, княжившихъ въ Полотскѣ со времени прекращенія въ немъ князей дома св. Владиміра. Замѣчательно, что князья полотскіе литовской династіи, любили сверхъ именъ литовскихъ и именъ даваемыхъ имъ при крещеніи, называться еще именами славянскими, что дѣлали они изъ лести русскому народу, въ угодность своимъ женамъ славянскимъ и въ подражаніе прежнимъ князьямъ дома св. Владиміра. По этому они встрѣчаются въ лѣтописяхъ подъ разными именами, отъ чего происходитъ сбивчивость и невѣрностъ въ исторіи полотскихъ князей.

[2]) Въ письменныхъ актахъ торопецкаго собора сказано: „когда въ лѣто 6747 (1239) сынъ в. князя Ярослава благовѣр-

Заботясь такимъ образомъ объ устроеніи монастырей и церквей и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ, преп. Евфросинія не отлагала материнскаго своего попеченія и заботливости о ввѣренныхъ Богомъ ея надзору множества посвятившихъ себя

ный и великій князь Александръ, сочетался бракомъ въ Торопцѣ съ дщерью полотскаго благовѣрнаго князя Брячислава, тогда сія благовѣрная княжна Брачиславля дочь, изъ Полоцка взявъ и принеся съ собою на бракъ Ефесскую икону пресв. Богородицы, поставила оную въ Торонецкой соборной церкви." Тамъ она и нынѣ находится подъ именемъ корсунской.

Съ симъ однакожъ не согласно преданіе полотское, которое хоть и говоритъ, что Ефесская икона была дѣйствительно вынесена изъ Полотска въ Торопецъ, но что это сдѣлано предъ нашествіемъ польскаго короля Стефана Баторія,—изъ опасенія, чтобъ эта драгоцѣнность не попалась въ руки папистовъ.

Еще болѣе не согласны съ исторіей и преданіями догадки объ исчезновеніи изъ города Полотска сей иконы, польскаго жизнеописателя преподобной Евфросиніи Стебельскаго,—основанныя однакожъ на показаніяхъ Кромера и Суши. Стебельскій (Żywot s. Evfrosynii etc. str. 112, 113 и 114) утверждаетъ, будто бы икона эта, по случаю нашествія татаръ, унесена была въ Бельзъ (въ Галиціи) галицкимъ княземъ Львомъ Даниловичемъ, по просьбѣ инокинь, убѣгавшихъ изъ Спасской обители, и будьто бы, по завоеваніи Галиціи польскимъ королемъ Казиміромъ, она была захвачена имъ изъ церкви белзкаго замка и подарена ченстоховскому монастырю ордена оо. павлиновъ, гдѣ и нынѣ славится чудесами. Но объ иконѣ ченстоховской Божіей Матери существуетъ совершенно другое преданіе въ актахъ ченстовхоскаго монастыря и у польскихъ писателей. Слѣдовательно въ спасской обители находилась совсѣмъ другая икона пресв. Богородицы. Другой польскій писатель, Кульчинскій (Specimen Eccl. Ruthen. Pars. II ad. d. 26 Augusti p. 162) о судьбѣ спасской иконы Пресв. Богородицы говоритъ еще съ меньшимъ правдоподобіемъ, именно, будто-бы она была похищена изъ Полотска московскими войсками, взявшими Полотскъ въ 1573 году и перенесена въ Смоленскъ,

на служеніе Богу въ ея обители святыхъ дѣвъ. Она вмѣстѣ съ ними раздѣляла всѣ иноческіе подвиги, проводила время въ постѣ, трудѣ, безпрестанной молитвѣ и во всѣхъ сихъ подвигахъ, служила образцемъ для прочихъ инокинь. Часто она обращалась къ нимъ (по свидѣтельству ея жизнеописателей) съ слѣдующими назидательными словами. «Я собрала васъ какъ кокошъ птенцевъ подъ свои крылья и какъ овецъ Божіихъ на духовную пажить. Паситесь же въ заповѣдяхъ Господнихъ и возрастайте въ добродѣтели, дабы и я радостно и безропотно могла заботиться о вашемъ спасеніи, могла поучать васъ и веселиться духомъ, видя духовные плоды трудовъ вашихъ» и мн. тому подобное твердила она. Такъ поучала Преподобная дѣтей своихъ духовныхъ и, одушевляемыя ея наставленіями, инокини преуспѣвали въ духовныхъ подвигахъ и содѣлывались избранными сосудами Святаго Духа.

Послѣ смерти родителей и многихъ лѣтъ проведенныхъ пр. Евфросиніею въ подвижнической жизни, она возъимѣла сильное желаніе посѣтить святыя мѣста палестинскія, освящен-

---

гдѣ чествуется по нынѣ, подъ именемъ Одигитріи. Но кромѣ актовъ торопецкаго собора, это мнѣніе Кульчинскаго опровергается и тѣмъ уже, что еще долго до завоеванія Полотска царемъ Іоанномъ Грознымъ монастырь и церковь св. Спаса были опустошены. Догадки же Кульчинскаго, будто бы, по случаю нашествія татаръ на Полотскъ, Ефесская икона Богородицы перенесена была изъ спасской церкви въ софійскій соборъ, а отсюда уже похищена московскими войсками, также не заслуживаетъ вѣры, ибо такого преданія нѣтъ ни въ Полотскѣ, ни у какихъ либо писателей, кромѣ одного Кульчинскаго. Вѣроятно, онъ, слыхавъ о существованіи другой иконы пресв. Богородицы въ софійскомъ соборѣ, смѣшалъ ее съ иконою спасской обители. Дѣйствительно въ софійскомъ соборѣ находилась древняя икона пресв. Богородицы, но и ее ни какъ нельзя считать за одно съ иконою спасскою, будто бы, по словамъ Кульчинскаго, похищенною московскими войсками въ 1563 году: ибо софійская икона находилась въ соборѣ до 1705 года, въ которомъ году была взята Петромъ I-мъ.

ныя стопами Спасителя и орошенныя пресвятою Его кровію,—съ тѣмъ, чтобы тамъ окончить жизнь свою. Узнавши о семъ ея намѣреніи, духовенство, инокини и полотскіе граждане со слезами умоляли Преподобную, чтобы она не сиротила монастыря и отечества. Въ числѣ прочихъ пришелъ къ ней и княжившій тогда въ Полотскѣ братъ ея, князь *Вячеславъ Юрьевичъ* [1]) (по другимъ Борисовичь) съ супругою, дѣтьми и родственниками, съ тѣмъ, чтобы отклонить святую сестру свою отъ путешествія въ Іерусалимъ; но преподобная Евфросинія утишила печаль ихъ духовными утѣшеніями и въ добавокъ еще убѣдила брата оставить въ монастырѣ, при преподобной сестрѣ ея Евдокіи, двухъ дочерей своихъ, а ея племянницъ, *Киринію* и *Ольгу*, въ которыхъ она душевными очами провидѣла избранные сосуды на служеніе Господу. По просьбѣ преподобной Евфросиніи, тогдашній полотскій епископъ постригъ ихъ въ монашество, первую *Агафіею*, а другую *Евфиміею*.

За тѣмъ, передавъ обитель въ управленіе сестры своей Евдокіи, пр. Евфросинія простилась со всѣми и, укрѣпивъ себя теплою молитвою и надеждою на Бога, отправилась на востокъ, въ сопровожденіи другаго брата, князя *Давида* и сродницы своей, княжны *Евпраксіи*. Господь благословилъ доброе предпріятіе. На пути своемъ Преподобная встрѣтилась съ греческимъ императоромъ Мануиломъ, шедшимъ противъ венгровъ [2]), посѣтила Константинополь, приняла благословеніе отъ патріарха, помолилась во храмѣ св. Софіи и другихъ церквахъ предъ мощами св. угодниковъ и благоуспѣшно достигла Іерусалима. Остановившись въ русскомъ монастырѣ пресв. Богородицы, благочестивая княжна нѣсколько разъ имѣла величайшую радость покланяться живоносному гробу, поставила на немъ золотую кадильницу, принесла многіе другіе дары церкви и патріарху и со слезами молила Господа, чтобъ Онъ сподобилъ ее и скон-

---

[1]) Вячеславъ, кажется, былъ послѣднимъ княземъ полотскимъ дома Владиміра св. Онъ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Братъ его Давидъ княжилъ ли съ нимъ вмѣстѣ или послѣ его смерти отдѣльно—неизвѣстно.

[2]) Импер. Мануилъ Комнинъ былъ родственникъ дому князей полотскихъ (Ист. Г. Р. т. II, стр. 251).

чаться въ святомъ градѣ. Потомъ обошла всѣ святыя мѣста палестинскія, съ пламенною молитвою, сопровождаемою дѣлами милосердія и усердія къ храмамъ Божіимъ и, утомленная путешествіемъ и подвигами, возвратилась въ избранный ею для жительства вышесказанный монастырь [1]), гдѣ вскорѣ занемогла и слегла въ постель. Она желала еще омыться въ Іорданѣ, но, по болѣзни, не могла сего исполнить; поэтому послала туда брата своего Давида и Евфразію, которые принесли ей Іорданской воды. Не много испивъ этой воды, пр. Евфросинія обмыла ею тѣло свое и когда послѣ того уснула, явился ей ангелъ Божій, возвѣстившій ей близкую и блаженную кончину. Тогда послала она въ лавру св. Саввы и просила у архимандрита дозволенія погребсти ея тѣло въ сей обители; но архимандритъ отказалъ ей въ сей просьбѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что монастырскими правилами св. Саввы запрещалось погребать въ его обители женщинъ, а совѣтовалъ погребстись въ томъ же самомъ монастырѣ св. Θеодосія, въ которомъ она имѣла временное пребываніе, такъ какъ въ немъ покоятся тѣла многихъ святыхъ женъ, въ томъ числѣ мать св. Саввы [2]), мать св. Θеодосія и мать св. Безсребренниковъ Θеодотія.

Услышавъ это, пр. Евфросинія возрадовалась, что тѣло ея удостоится чести почивать между святыми женами и обра-

---

[1]) Монастырь этотъ, основанный св. Θеодосіемъ Киновіархомъ, находился недалеко Виθлеема. Русскимъ же называется потому, что въ немъ устроена была гостинница для путешественниковъ въ св. землѣ, приходившихъ изъ странъ русскихъ. Впрочемъ тамъ находили пріютъ и богомольцы изъ грековъ, сирійцевъ и армянъ (Kulczynski monolog. II dnia m. Stycznia).

[2]) Имя матери св. Саввы было Софія, которая, послѣ смерти мужа своего, пришла изъ Александріи въ Іерусалимъ къ своему сыну, постриглась въ инокини и отдала св. Саввѣ всѣ свои богатства. Мать св. Θеодосія называлась Евлогіею. Она тоже овдовѣвъ сдѣлалась инокинею въ Іерусалимѣ. Обѣ онѣ скончались около 500 года (Kulczynski Monolog. въ жизни Саввы 5 декабря и въ жизни Θеодосія 11-го генваря. Четьи Минеи на эти дни и др.)

тилась къ настоятелю Θеодосіева монастыря съ просьбою указать мѣсто для ея могилы; настоятель указалъ оное въ притворѣ монастырской церкви. Когда извѣстили Преподобную, что могила для нея и гробъ готовы, она призвала къ себѣ пресвитера, изъ рукъ котораго принявъ въ послѣдній разъ Божественныя Тайны, предала Богу святую свою душу, съ молитвою на устахъ, 23 мая 1173 года [1]), послѣ 24-хъ дневной болѣзни.

Князь Давидъ и Евфразія, предавъ тѣло пр. Евфросиніи честному погребенію, возвратились въ отечество и принесли съ собою вѣсть о блаженной кончинѣ преподобной своей родственницы. Горько плакали по ней родные, знакомые и всѣ жители г. Полотска, забыть же ее не могло и самое отдаленное потомство. Память о ней пережила цѣлый рядъ столѣтій, служа доселѣ въ тѣхъ мѣстахъ предметомъ общаго благоговѣйнаго уваженія, а церковь причла ее къ лику святыхъ и память ея празднуетъ 23-го мая.

Тѣло св. Евфросиніи не долго покоилось на прежнемъ мѣстѣ погребенія. По отнятіи египетскимъ султаномъ Саладиномъ Іерусалима отъ крестоносцевъ, всѣ христіане спасались оттуда бѣгствомъ; въ томъ числѣ оставили Іерусалимъ и монахи св. Θеодосіевскаго монастыря. Забравъ всѣ драгоцѣнности и покоющіяся въ ихъ монастырѣ мощи святыхъ, взяли съ собой и гробъ пр. Евфросиніи, въ которомъ нашли тѣло ея нетлѣннымъ, перенесли въ приморскій городъ Аккону (Акръ, Птоломаида), оставшійся въ рукахъ крестоносцевъ и поселились въ одномъ изъ тамошнихъ греческихъ монастырей. Но впослѣдствіи, когда и этимъ городомъ овладѣли турки, а крестоносцы совершенно оставили Палестину, тогда и мощи пр. Евфросиніи перенесены были въ Европу, кажется, въ Константинополь, а отсюда были переданы въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ почиваютъ въ

---

[1]) Съ этимъ согласны всѣ писатели, упоминавшіе о пр. Евфросиніи въ своихъ сочиненіяхъ, за исключеніемъ только іезуита Кояловскаго (Kolendarz polityczny 23 maia) и послѣдовавшаго его мнѣнію базиліанца Стебельскаго, считавшаго годъ кончины ея 1175.

кіевскихъ пещерахъ при церкви Благовѣщенія, въ ракѣ, окованной серебромъ, въ знакъ благодарности за чудесныя исцѣленія [1]).

---

[7]) Память о жизни преподобной Евфросиніи сохранилась въ легендахъ и преданіи у разныхъ латинскихъ, польскихъ и русскихъ писателей, наконецъ въ самой созданной ею церкви во имя всемилостиваго Спаса въ г. Полотскѣ и устроенномъ ею вышесказанномъ крестѣ. Легенда или сказаніе о жизни пр. Евфросиніи на бѣло-русскомъ, т. е. древне-русскомъ, нарѣчіи ходитъ по рукамъ любителей древностей и въ настоящее время (она переведена на польскій языкъ и помѣщена была въ одномъ изъ періодическихъ сочиненій, издававшемся въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ г. Барщевскимъ). Сказаніе это приписываютъ родственницѣ преп. Евфросиніи—Евфразіи, путешествовавшей съ нею на востокѣ. Жизнеописателей пр. Евфросиніи было нѣсколько: 1). Papebrochius in acta Sanctorum. d. 23 maij; 2). Kulczynski in Specim. Ecles. Ruth. Par. 1 ad. d. 23 maij, pag. 35 et 36, (кратко); 3). Koiałowicz in Miscellaneis,—de patronis propriis M. Duc. Lithv. pag 6, (тоже кратко); 4). Poszakowski w Kalendarzu Politycznym 23 maia и въ другомъ календарѣ знаменитыхъ женщинъ (Przeswietnych dam) 23 мая; 5). Waliiki въ рѣчѣ къ Кизиміру Сапѣгѣ въ части II исторіи Коденской чудотворной иконы; 6). Stebelski Dwa swiatła na horyzoncie Połockim, albo, żywot ss. Pp. Evfrozynii i Paraskewii etc.; 7). Четьи Минеи преосв. Макарія въ степ. кн. 1, 269—282, а сокращенно въ четьи—Минеи св. Димитрія Ростовскаго на 23 мая. 8). Рукописные документы бывшаго іезуитскаго архива, находящагося въ витебскомъ губ. архивѣ и въ архивѣ витебской пал. гос. имущ.

II.

Опроверженіе мнѣнія папистовъ, будто бы пр. св. Евфросинія и другіе, древніе св. угодники русской церкви были уніяты.

Въ послѣднее время можно подслушать тамъ и здѣсь самыя нелѣпыя клеветы на православіе и народность Россіи вообще и можно подмѣтить самое жалкое навязываніе католичества и подчиненія папѣ прежней юго-западной Россіи вчастности.

Явленіе это не ново. Оно—плодъ прежде посѣяннаго сѣмени, отголосокъ на время только затихшаго религіозно-историческаго обмана. Всѣ почти позднѣйшіе писатели церковные изъ ультрамонтанъ и уніатовъ усиливалися во вредъ южно и западно-русскому православію искажать факты, насиловать историческіе документы, порой даже сочинять побасенки въ родѣ »не любо не слушай«. Многіе изъ нихъ утверждали (а вторя имъ, утверждаютъ нѣкоторые и теперь), будтобы Россія, со времени введенія въ нее христіанской вѣры, почти до брестской религіозной уніи, находилась въ подчиненіи Риму, т е., въ единеніи съ римскою церковью. По ихъ словамъ, святые угодники божіи русской церкви, напримѣръ, св. Ольга, св. Владиміръ, св. мученики Борисъ и Глѣбъ, пр. Антоній и Өеодосій Печерскіе, пр. Евфросинія и Параскевія княжны полотскія и многіе другіе, преставившіеся въ эту эпоху и причтенные къ лику святыхъ, были католики. Впрочемъ эта странная мысль возникла въ позднѣйшія времена существованія въ Россіи бывшей уніи и придумана папистами въ отвѣтъ на упреки православнымъ уніатамъ, что сіи послѣдніе безъ всякой нужды измѣнили восточной церкви и покорились папѣ. Эта нелѣпость историческая давно была опровергнута православными церковными писателями еще во времена жаркой полемики уніятовъ съ православными; но крайняя несостоятельность этой навязчивости, цѣль, для ко-

торой она пущена въ ходъ и наконецъ рѣшительная ея несообразность съ исторіею, окончательно доказана и уяснена въ недавнее время авторомъ разбора сочиненія г. Вердье (Verdier): Origines catholiques de l' eglise Russe jusqu' au XII secle, преосвященнымъ Макаріемъ въ его исторіи русской церкви; преосвященнымъ Филаретомъ, тоже въ исторіи русской церкви;— многоразличными, подлинными актами и документами, относящимися къ исторіи западной Россіи и перепискою папъ съ русскими князьями, издан. археографическою коммиссіею; актами города Вильна, Трокъ и проч. издан. въ Вильнѣ; актами городовъ Минска, Пинска, и проч. издан. въ Минскѣ; рукописными документами, хранящимися въ монастырскихъ, церковныхъ и казенныхъ архивахъ въ Бѣлоруссіи, Малой Россіи и на всемъ пространствѣ западно-русскихъ губерній; наконецъ актами, документами и статьями историческаго содержанія, помѣщенными въ »Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ« за 1858, 59 и 60 годы.

Оставляя въ сторонѣ разные историческіе миражи папистовъ, здѣсь замѣтимъ только, что мнѣніе будтобы преп. Евфросинія и Параскевія, — княжны полотскія были католички (какъ это утверждаютъ уніятскіе и латинскіе писатели, базиліанцы Кульчинскій, Стебельскій, Кояловичь, Ольшевскій и іезуиты Кулеша и Пошаковскій), есть стольже очевидная ложь, какъ убѣжденіе и себя и другихъ въ мнимомъ единеніи русской церкви съ западною. Тѣже самые паписты не смѣютъ отвергать той истины, что русская церковь, какъ вѣтьвь церкви восточной до учрежеенія въ Россіи съ согласія восточныхъ патріарховъ, самостоятельной митрополіи въ XV и патріаршества въ XVI вѣкахъ, составляла одну изъ епархій, подчиненныхъ константинопольскому патріарху, и что ни одинъ изъ митрополитовъ кіевскихъ не уклонялся отъ повиновенія ему не исключая даже Илларіона и Климента, посвященныхъ въ этотъ санъ не патріархомъ, а соборомъ русскихъ епископовъ.—Извѣстно, что оба эти митрополита сочли нужнымъ, въ знакъ подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху (когда вслѣдствіе завоеванія въ 1204 году Константинополя латинами, православный патріархъ бѣжалъ), немедленно извѣстить его о посвященіи своемъ. Русская церковь даже и тогда неизмѣнно предана была константинопольскому патріарху, когда

вслѣдствіе завоеванія въ 1204 году Константинополя латинами, православный патріархъ бѣжалъ и основалъ свое временное пребываніе въ Никеѣ. Русскіе митрополиты не обращались тогда за посвященіемъ къ папскому, константинопольскому патріарху; но всегда къ православному—въ Никею, и до тѣхъ-поръ, пока Константинополь находился въ рукахъ папистовъ (до 1264 года), ровно ни какихъ сношеній не имѣли ни съ Константинополемъ, ни съ Римомъ, не смотря на неоднократныя приглашенія къ единенію со стороны папы. Полотская епархія, гдѣ спасались пр. Евфросинія и Параскевія отъ самаго введенія въ ней вѣры Христовой всегда принадлежала къ митрополіи Кіевской; слѣдовательно, епископы сей епархіи со всѣмъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ были въ послушаніи кіевскихъ митрополитовъ, а чрезъ нихъ въ зависимости и отъ константинопольскихъ патріарховъ. Съ римскимъ же патріархомъ, т. е., съ папою, который съ XI столѣтія окончательно отдѣлился отъ единства съ церковью вселенскою, не только не имѣли ни какихъ сношеній, но едвали знали о немъ даже по наслышкѣ. Пр. Евфросинія жила въ эпоху самаго разгара раздѣленія церквей, когда церковь восточная, а за нею и дщерь ея церковь руская, считали папу еретикомъ, а его послѣдователей назвали схизматиками (слово греческое—отдѣленіе), а вѣру римскую тогдашніе предки наши, въ томъ числѣ и кіевскіе митрополиты, называли латинскую *буестію*, даже перекрещивали обращавшихся въ православіе латинянъ, что впрочемъ въ свою очередь дѣлали римскіе католики съ православными съ 10-го вѣка до начала 18-го. Это ли признаки единенія Россіи съ Римомъ? Развѣ допустить, что пр. Евфросинія, Богъ знаетъ по какимъ побужденіямъ, только одна была католичкою? Но подобная нелѣпость можетъ придти въ голову только какому нибудь іезуиту Кулешѣ или базиліанцу Стебельскому съ компаніею,—когда постригавшій пр. Евфросинію епископъ, родители и родственники ея, полотское духовенство и всѣ полочане были истинными сынами греческаго православія; когда она сама сносилась съ греческимъ императоромъ Мануиломъ Комнинымъ, своимъ родственникомъ, и патріархомъ Лукою Хрисовергомъ на счетъ уступки для спасской церкви иконы пресв. Богородицы и притомъ на пути въ Іерусалимъ имѣла съ ними личное свиданіе и отъ патріарха получила благословеніе. Между тѣмъ, если бы она бы

ла католичка, какъ считаютъ ее вышесказанные писатели: то навѣрно не захотѣла бы имѣть сношенія съ такимъ императоромъ, каковъ былъ Мануилъ Комнинъ, согласившійся на константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Михаила Анхіалія, на окончательное отсѣченіе папы отъ церкви и не рѣшилась бы искать благословенія у патріарха, врага папы и извѣстнаго въ исторіи, по особенной ревности, въ защищеніи правъ восточной церкви отъ посягательства на нее Рима, какимъ былъ Лука Хрисовергъ (Левъ Аллатій de perpet. consens. lib. II. cap. XII–XVI и другіе),—когда, наконецъ, прибывъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ, она остановилась и скончалась не въ латинскомъ какомъ-либо монастырѣ, но въ греческомъ православномъ и мощи ея перенесены въ Анкону тоже въ монастырь греческій, а потомъ въ православный Кіевъ, гдѣ и по нынѣ покоятся и чествуются въ церкви не бывавшей въ рукахъ уніятовъ, даже и тогда, когда, дѣйствительно въ послѣдствіи появилась унія въ западномъ краѣ Россіи. Тоже скажемъ и о пр. Параскевіи, жившей въ началѣ XIII столѣтія, въ такую эпоху, когда ненависть къ латинамъ грековъ дошла до крайнихъ предѣловъ, въ слѣдствіе завоеванія первыми Константинополя, изгнанія съ патріаршихъ восточныхъ престоловъ православныхъ греческихъ патріарховъ, на мѣсто коихъ папа Инокентій III поставилъ латинскихъ прелатовъ и воздвигъ страшное гоненіе на всемъ пространствѣ Востока на православное духовенство, несогласившееся покориться ни папѣ, ни симъ псевдопатріархамъ. Въ эту эпоху гоненія христіанъ константинопольскіе (по преимуществу) храмы и святыни подвергались грубому поруганію, патріархъ, сопровождаемый всякими оскорбленіями, оставилъ городъ въ одномъ рубищѣ. За нимъ послѣдовали всѣ жители столицы, оставшіеся вѣрными отечеству и православію, ограбленные, полунагіе, доведенные до крайней степени уничиженія и нищеты. Папскій легатъ заперъ всѣ церкви; непокорное духовенство, отвергавшее власть папы, выгонялось изъ столицы или томилось въ тюрьмахъ. По областямъ, православные епископы лишались своихъ каѳедръ, священники—приходовъ, иноки—монастырей. Никогда по милости латинянъ, не было эпохи несчастнѣе для восточной церкви, поэтому болѣе никогда не ненавидѣли греки латинянъ, какъ въ то несчастное время. Ненависть эту не могла не раздѣлять

единовѣрная имъ Россія,—всегда покорная дщерь церкви константинопольской, никогда не отдѣлявшая судьбы ея отъ своей. Папа Инокентій III, мечтая быть дѣйствительнымъ главою церкви, когда имѣлъ уже въ своемъ подчиненіи четыре воточныя патріаршія каѳедры, засылалъ пословъ и въ Россію къ Роману Галицкому и соблазнялъ его честолюбіе обѣщаніемъ помощи меча св. Петра; но этотъ храбрый князь, вынувъ свой булатный мечь изъ ножепъ, отвѣчалъ: »такой-ли то мечь Петровъ у папы? »Папа Инокентій IV предлагалъ сыну Романа Даніилу титулъ короля Галицкаго, съ тѣмъ, чтобы со всѣмъ своимъ русскимъ народомъ покорился Риму; точно такое же предложеніе дѣлалъ онъ и знаменитому Александру Невскому (1252 г.), обѣщавъ ему помощь противъ татаръ,—но всѣ его покушенія привлечь русскую церковь къ единенію съ римскою и совратить ее съ пути православія, остались тщетными и послѣднее даже подало поводъ къ обличительному посланію къ папѣ со стороны благовѣрнаго князя. (Въ посланіи семъ Александръ, изложивъ исторію вѣры отъ Адама до Христа и исторію христіанской церкви отъ І. Христа до 7-го вселенскаго собора, заключилъ, что русская церковь вѣру эту, заимствовавъ отъ церкви восточной, сохранила чистою и не соблазненною по настоящее время, слѣдовательно не имѣетъ ни какой надобности перемѣнять ее на латинскую.) Къ сему прибавимъ, что всѣ кіевскіе митрополиты, въ подчиненіи коихъ всегда находилась и полотская епархія, во все время жизни преп. Параскевіи (Кирилъ Грекъ, Іосифъ Грекъ, и Кирилъ Россіянинъ), рукоположены были православными патріархами, жившими тогда въ Никеѣ. Слѣдовательно, когда попытки папъ склонить къ единенію съ Римомъ русскихъ князей и народъ остаются тщетными, и когда русскіе митрополиты посвящаются и назначаются не отъ папскихъ псевдо-патріарховъ но отъ патріарховъ православныхъ, временно проживавшихъ въ Никеѣ и враждебныхъ папамъ: то какимъ-же образомъ при жизни преподобной Параскевіи Русь могла быть въ единеніи съ Римомъ?! И такъ утверждать, что преподобная Параскевія, игуменія православной спасской обители, подчиненной православному полотскому епископу, зависѣвшему отъ кіевскаго митрополита, посвященнаго въ этотъ санъ въ Никеѣ,—была католичка, есть такая грубая ложь, такое же наглое посягательство на правду историческую, какъ и то, что были католиками

св. св. Ольга, Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, пр. Евфросинія и проч.

Что касается того будто пр. Параскевія скончалась въ Римѣ и нетлѣнное ея тѣло канонизовано папою, какъ утверждаютъ вышесказанные польскіе ея жизнеописатели; и это мнѣніе не основывается ни на какихъ достовѣрныхъ историческихъ указаніяхъ. Куда удалились изъ Полотска пр. Параскевія предъ нашествіемъ на Россію татаръ, по неимѣнію современныхъ свидѣтельствъ, положительно не извѣстно. Что же касается мнимой кончины пр. Параскевіи въ Римѣ и будьтобы канонизаціи ея папою, то не смѣшиваютъ ли ее съ другою св. мученицею Параскевіею, дочерью сенатора Пуденса, пострадавшею въ Римѣ во 2 вѣкѣ и тамъ погребенною, подлѣ отца и сестры Пуденціаніи, на прискиминскомъ кладбищѣ, при саллирійской дорогѣ? Это самое утверждаетъ и польскій лѣтописецъ Стрійковскій, отвергавшій путешествіе преподобной Параскевіи полотской въ Римъ и ея тамъ кончину (Księga II Rozd. XII pag. 234.). А если бы папа, по смерти православной святой, и причислилъ ее къ лику святыхъ римско-католическихъ, слѣдуетъ ли отсюда заключать, что эта святая и при жизни была католичкою?

Кстати замѣтимъ еще, что уніятскіе писатели (базиліанцы: Янъ Дубовичь, Стебельскій, Кульчинскій, Кояловичь и проч.), въ оправданіе измѣны уніятовъ древнему православію, любили дѣлать уніятами и многихъ, чисто православныхъ кіевскихъ митрополитовъ, бывшихъ до флорентинской и послѣ флорентинской уніи. Но утверждая это, они мимовольно впадали въ самую грубую ошибку и противорѣчіе; ибо о каждомъ изъ сихъ митрополитовъ говорили, что онъ посвященъ былъ въ Константинополѣ, отъ такого то патріарха. Какіе же слѣдовательно, были они уніяты, если они зависѣли отъ православныхъ патріарховъ враждебныхъ папѣ, а не отъ папъ? Изъ множества дошедшихъ до насъ несомнѣнныхъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся со временъ флорентійской уніи, достовѣрно извѣстно, что она началась въ Россіи митрополитомъ Исидоромъ и, съ его бѣгствомъ изъ Москвы, тогда же въ его лицѣ и исчезла. Правда, папа на мѣсто его, прислалъ было въ западную Русь съ именемъ митрополита ученика Исидорова—Григорія, но ни одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ епископовъ

и никто изъ подчиненнаго имъ духовенства, а слѣдовательно и изъ паствы, не захотѣлъ ему повиноваться, а всѣ сносились съ московскимъ митрополитомъ Іоною, такъ что Григорій былъ пастыремъ безъ паствы, скитался по всей западной Руси съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, нигдѣ не могъ основать своей каѳедры и умеръ въ частномъ домѣ одного польскаго шляхтича, внѣ всякаго общенія съ церковію православною. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что флорентійская унія не привилась на русской почвѣ и ограничивалась только Исидоромъ и Григоріемъ, служитъ свидѣтельство оберъ камергера и секретаря папы Климента VIII, кардинала Сильвія Антонина, который въ 1595 году, при выслушаніи въ Римѣ двухъ русскихъ епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ѵпатія Поцѣя, посланныхъ отъ митрополита Михаила Регозы—повергнуть русскую церковь подъ власть папы,—сказалъ имъ въ рѣчи отъ лица послѣдняго и въ его присутствіи, что »вы, русскіе епископы, *чрезъ сто пятьдесятъ* лѣтъ, возвращаетесь къ матери своей римской церкви«, разумѣя подъ симъ время, протекшее отъ флорентинскаго собора, бывшаго въ 1439 году, на которомъ митрополитъ Исидоръ, отъ лица всей русской церкви, согласился на унію. По этому расчету выходитъ, что унія церквей была только при митрополитѣ Исидорѣ (хотя она на Руси не пустила ни какихъ корней), и что съ тѣхъ поръ по 1595 годъ она не существовала. Римскій писатель кардиналъ Бароній, описавшій пріемъ въ Римѣ сихъ пословъ, еще яснѣе сказалъ, что греческая церковь съ россійскою вмѣстѣ въ то же время (т. е., за 150 лѣтъ предъ тѣмъ) отпала отъ уніи, а уже по истеченіи сего времени россійская какъ бы пробудившись отъ сна (слова, разумѣется, латинянина), съ раскаяніемъ опять обратилась къ римской (?!). Наконецъ и преемникъ Рагозы, митрополитъ Поцѣй, въ духовномъ завѣщаніи своемъ, предшественниками своими въ уніи и въ покорности папѣ, со времени крещенія Руси при Владимірѣ св., называетъ только первымъ Исидора, вторымъ Григорія и третьимъ Рагозу (тогда еще не приходило никому и въ голову, такъ нахально навязывать единеніе Руси съ Римомъ, будто бы существовавшее до флорентинской уніи, какъ это дѣлали впослѣдствіи базиліанцы).

(*Окончаніе впредь*).

ИНОВѢРЦЫ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Р. Католики.

Съ тѣхъ поръ какъ папа Григорій VII, ставъ властелиномъ всего католическаго міра, и—въ 968 году въ одномъ лицѣ Мечислава I присоединилъ Польшу къ своей монархіи, вмѣнивъ ни во что распространившійся прежде уже свѣтъ вѣры православной, или какъ тогда обыкновенно называли, греческаго обряда; съ тѣхъ поръ какъ въ сосѣдней съ Волынью Польшѣ, дѣйствіемъ католической пропаганды, православная вѣра стала мало-по-малу уступать религіи католической; и послѣдняя, по свидѣтельству Лелевеля, только съ 994 г. начала брать у поляковъ перевѣсъ надъ религіею греческаго обряда: единовѣрное и единоплеменное населеніе Волыни стало испытывать и на себѣ попытки католическаго вселъничества. Твердая своимъ первымъ религіознымъ убѣжденіемъ и охраняемая своими единовѣрными князьями и боярами вся старая Волынь боролась и ограждала себя отъ иновѣрныхъ вторженій.

Святополкъ Владиміровичъ, князь туровскій женился на дочери короля польского Болеслава. Эта родственная связь привлекла все вниманіе католической пропаганды. Дочъ Болеслава прибыла въ Туровъ и—съ ней р. католическій епископъ Рейнбергъ. Узнавъ объ этомъ, великій князь кіевскій Владиміръ заточилъ Святополка съ женою и бискупомъ въ тюрьму. Между тѣмъ въ тоже время миссіонеръ Бруно извратилъ было уже многихъ къ принятію латинства; но рѣшительныя дѣйствія Владиміра и пастырей православной церкви—отвратили попытки.

Самымъ слабымъ пунктомъ былъ Галичь: съ одной сто-

роны ляхи, съ другой—венгры, употребляли всѣ средства окатоличить высшее сословіе. Ярославъ Святополковичь, князь галичскій, передавалъ ляхамъ обо всемъ, что дѣлалось на Руси; за это Ярополкъ и галичане изгнали его изъ вотчины, Ярославъ съ ляхами явился отобрать свое княжество, но былъ разбитъ вмѣстѣ съ ними въ 1138 г.

Стрыйковскій подъ 1205 годомъ говоритъ, что Романъ великій, князь галицкій, грозилъ не-только завоевать Польшу, мстя за ея религіозное надъ Русью насиліе, но и уничтожить всѣхъ латинниковъ со всѣми ихъ обрядами. Небезполезны были возгласы громовержца папы Григорія IX относительно браковъ православныхъ съ католиками: «Мы этого, писалъ онъ въ буллѣ 1230 года, терпѣть не хотимъ и не должны, чтобы *вѣрные* сочетались бракомъ съ невѣрными, по несовмѣстному соединенію *свѣта* со *тмою*; притомъ прилично-ли сочетать *члены Спасителя* Христа съ членами *погибшаго сатаны* и смѣшивать—*смолу* съ *бальзамомъ?*» Не напрасно, какъ читаемъ въ Волынской лѣтописи подъ 1253 г.—«Присла папа (Иннокентій IV) пискупа къ Данилу река ему: прими вѣнецъ королества. Никентій бо кляняше тѣхъ хулящихъ вѣру греческую—правовѣрною, и хотящу ему сборъ творити о воединеніи церкви,» хотя Данило, принявъ корону королевскую въ Дрогичинѣ на Бугѣ, и отвергъ съ презрѣніемъ присланнаго въ слѣдъ за тѣмъ архіепископа Альберта набирать овецъ и пасти католическое стадо.

Недаромъ пастыри русской церкви-Өеодосій Печерскій Георгій и Іоаннъ, митрополиты кіевскіе, своими поученіями народу и князьямъ указывали на опасныя прельщенія и сѣти, набрасываемыя на Русь православную, о чемъ послѣдній писалъ обличительное посланіе и къ папѣ Клименту Виберту.

Хотя Волынь и при русско—литовскихъ князьяхъ, со времени Гедемина, твердо стояла за невмѣшательство къ своей народности и чистотѣ церкви чуждаго элемента, защищаемая единовѣріемъ князей своихъ, но постоянный натискъ католическо-польской пропаганды успѣлъ однако на границѣ Волыни во Владимірѣ и Перемышлѣ вгнѣздить католическіе епископства въ 1376 году; и хотя Ягеллонъ—Владиславъ, этотъ

литовскій *мохнатый звѣръ* (*), говорившій только *порусски* и перекрещенный изъ *Якова* православной вѣры—въ католическую, далъ въ 1432 г. привиллегію волынскимъ обывателямъ, *абы имъ въ вѣрѣ никто насилія не чинилъ и церквамъ православнымъ не пакостилъ и до своей вѣры кто нипринуждалъ*, и обезпечилъ, что съ той поры церкви русскія на латинскіе костелы обращаемы не будутъ; но *погрѣшительное* папство всегда оставалось въ убѣжденіи, что «*Русскіе въ вѣрѣ держатся грязныхъ обычаевъ и вредныхъ заблужденій грековъ*,» и потому неудивительнымъ покажется, что въ присягѣ, выполняемой при рукоположеніи въ ксендзы, въ числѣ первыхъ клятвенныхъ обѣщаній, помѣщаемо было *преслѣдованіе разновѣрцевъ* (т. е. некатоликовъ, диссидентовъ).

Свойство фанатизма таково, что онъ неостанавливается на полумѣрахъ, или на мѣрахъ благоразумія и осторожности: для него голосъ, подобный Арнольду Бреччіо, что тогда только возможенъ на землѣ миръ христіанскій, когда церковь христова будетъ олицетворятъ царство небесное, а не земное, попирающее все подъ ноги,—голосъ вопіющаго въ пустынѣ! Со времени перваго Ягеллона, избраннаго орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей, Польша въ лицѣ арестократіи и духовенства, не переставала настаивать надъ избираемыми королями объ исполненіи обѣщанія Владислава—Ягеллы *уніи*, или политическаго соединенія обоихъ королествъ-польскаго и литовско-русскаго, до послѣдняго изъ нихъ Сигизмунда-Августа. Неповиновеніемъ на королевскій призывъ къ оружію, по случаю открывшейся войны съ царемъ Іоанномъ, вынудили послѣдняго Ягеллона исполнить обѣщаніе перваго. Король, говоритъ историкъ Лелевель, увѣщевалъ, убѣждалъ, уговаривалъ, просилъ; но все еще Литва и юго-западная Русь колебались, все еще чего-то выжидали, зачемъ-то оттягивали, чего-то было имъ жаль, какой-то кровавый призракъ пугалъ ихъ; а между тѣмъ и *іезуиты* на помощь занесли ногу на край земли польской (1566)!...

(*) Партія, благопріятствовашая сердечной склонности Ядвиги къ нѣмецкому принцу и нежелавшая брачныхъ ея узъ съ Ягелломъ, увѣряла королеву, что онъ, какъ дикарь, обросъ весь волосами.

Когда на *вальномъ* сеймѣ въ Люблинѣ 25 Мая 1569 года дошла рѣчь до *униі*, или соединенія народовъ, то многіе литовско-русскіе паны, говоритъ тотъ же историкъ, вскочивъ съ своихъ мѣстъ,—бѣжали; другіе же жертвуя, для своей личной пользы, выгодами и самостоятельностію своего народа, подписали *актъ соединенія*, какъ кіевскій воевода Остророгѣ и волынскій-князь Чарторыйскій. За Волынью и другими соединенными землями, оставлено впрочемъ, только для виду, право свободнаго отправленія своей религіи, языка и законовъ; при чемъ поляки не забыли и себя-въ домагательствѣ права-пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и юго-западной Руси, чего они до сего времени, по законамъ и привиллегіямъ страны, считаясь *чужеземцами*, не имѣли.

Такимъ образомъ католическая пропаганда открыла себѣ широкое поле дѣйствія: отъ Сана до Днѣпра и отъ Буга до Чорнаго моря.

Ограничивъ сначала до аристократическаго своеволія власть королевскую, и цѣлію оправдывая средства, она предположила: a) *ослабить* силу *русскаго* мѣстнаго *дворянства*, b) *отнять* личность у *народа*, c) *унизить* православное *духовенство* и *религію*, d) *замѣнить* народный *языкъ*—польскимъ.

a) Нѣкоторыя изъ этихъ средствъ начали уже проявляться и до *добровольнаго* присоединенія. По женитьбамъ польскіе паны, сдѣлавшись, въ нарушеніе правъ Волыни, всельниками ея дѣлали, за 40—50 лѣтъ еще до этого, мѣстнымъ дворянамъ разныя обиды и притѣсненія. За 24 еще года до событія 1569 года, королевскій совѣтникъ прибывъ въ г. Владиміръ и Луцкъ, именемъ короля требовалъ предъявленія со стороны волынскихъ князей, духовенства и дворянъ, правъ на владѣніе имѣніями, на что они хотя и отвѣчали, что «вѣдь мы и предки наши не крали у короля имѣній своихъ».... что королю «достаточно извѣстно, какъ великое раззореніе претерпѣваемъ мы отъ непріятелей; рѣдкій изъ насъ могъ сохранить не только документы, но даже имущество и жизнь; уцѣлѣвшія же грамоты истреблены пожаромъ въ луцкомъ замкѣ;—за что насъ добрыхъ и доблестныхъ слугъ, приводятъ въ такое подозрѣніе?!;» но этотъ энергическій отвѣтъ не освободилъ отъ обязанности искать королевскихъ милостей въ надачѣ стародавнимъ владѣльцамъ подтвердительныхъ на имѣнія грамотъ, волынское

дворянское сословіе устранялось отъ сейма; власть законодательная мало—по малу захвачена польскими только аристократами; староства и государственныя должности—также; судебная и исполнительная власть дѣйствовали къ явному нарушенію правъ волынцевъ; вымышляли для нихъ безпрестанно новые налоги; ксендзы съ своей стороны, безъ всякаго права, обременяли десятинами, грабежи и неистовства польскихъ жолнеровъ и преслѣдованіе православной религіи, приводили волынскихъ дворянъ въ отчаяніе. «За грѣхи наши мы покараны отъ Господа—Бога, говорили они на варшавскомъ сеймѣ, различными казнями и бѣдствіями;—мы дотого стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши едва дышутъ отъ крайней бѣдности и нужды.» Такой гнетъ, налегшій на все западно-русское дворянство, при явномъ покровительствѣ всѣмъ тѣмъ, кои исповѣдуютъ римско-католическую религію, мало-по-малу вырывалъ малодушныхъ: одни удалялись за Днѣпръ, сбывъ за ничто пришельцамъ свои имѣнія; другіе, заглушивъ совѣсть, мѣняли вѣру во Христа—Спасителя на того же Христа-Іисуса,—вѣру православную на католическую; не многіе только твердые воители, вмѣстѣ съ братствами и народомъ, стали въ оборону вѣры своихъ предковъ. Іезуитское воспитаніе и постановленіе сейма 1733 года, *воспретившее* рѣшительно *некатоликамъ занятіе всякихъ должностей и правъ гражданскихъ*—довершили въ волынской аристократіи религіозную метаморфозу. Такъ исчезли волыно-русскіе князья: Вишневецкіе, Порицкіе, Козики, Курцевичи, Головни, Ковельскіе, Коширскіе, Дубровицкіе, Воронецкіе, Соколинскіе, Крокотки, Войны, Речицкіе, Могецкіе, Велицкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Массальскіе-Мунча, Котовичи, Крупскіе, Превары, Землицкіе, Боремельскіе, Любецкіе, Гольшанскіе, Пронскіе, Путяты, Капусты, Роговицкіе, Полубенскіе, Жижемскіе, Путивельскіе, и пр., уступивъ свое мѣсто новымъ дѣдичамъ—переселенцамъ изъ Польши, поссесорамъ, полномочнымъ, экономамъ, адвокатамъ, дворянскимъ маршалкамъ, камердинерамъ, поварамъ, кучерамъ, нажившимся при панахъ своихъ; другіе же, какъ князья: Чарторійскіе, Сангушки, Радзивиллы, Четвертинскіе, съ перемѣною православной религіи на католическую, отвергли единоплеменность и народность русскую.—

Czymże oświęci ich Polska? czyliż i siebie niezbruczy?

Na zdradę tak głośno krzyczy—zdradę sama uczy! (¹)

b) Почти одновременно съ ослабленіемъ силы и значенія русско—волынскаго дворянства, въ видахъ католической пропаганды, польское правительство приступило къ разрѣшенію и другаго вопроса: *отнятіе личности* у населенія Волыни. Тѣсныя моральныя отношенія между народомъ и князьями и вообще между землевладѣльцами, связанными съ нимъ одними интерессами, одною вѣрою и языкомъ, могли всегда служить препоною Польшѣ для достиженія предположенной цѣли. Надо было разорвать эту семейно—общинную связь, и поселить между владѣльцами и народомъ, или крестьянскимъ населеніемъ, вражду и ненависть. Въ 1545 году, на требованіе прибывшаго на Волынь королевскаго совѣтника, волынскіе князя и земляне между прочимъ обстаивали свободу и независимость своихъ крестьянъ, говоря: »мы недоумѣваемъ какъ сдѣлать перепись нашимъ людямъ, потому что нынѣ мы впишемъ кого-либо въ число своихъ людей, а завтра его уже не будетъ: люди наши расходятся по волямъ княжескимъ и панскимъ, какія есть здѣсь на Волыни,« или »при вольностяхъ здѣшнихъ крестьянъ нашихъ, они, въ случаѣ малѣйшаго притѣсненія отъ пановъ, тотъ часъ же уходятъ...« Слово *холопъ* у свободнаго волынскаго народа означало раба, купленнаго или взятаго въ плѣнъ, и употреблялось съ презрѣніемъ.—Въ 1557 году составленъ былъ *Уставъ о волокахъ* (поземельный) для всѣхъ крестьянъ литовско-государственныхъ, или принадлежавшихъ господарю великому князю литовскому, въ коемъ опредѣлялись самыя точныя отношенія, ихъ права и обязанности. Сколь ни гуманнымъ въ высшей степени явился Уставъ этотъ, однако въ немъ (Ст. 29) проглянула уже мысль, что *личность крестьянина и все его имущество* принадлежатъ землевладѣльцу (²). Съ одной стороны такая гуманность и права крестьянъ, изложенныя въ этомъ Уставѣ, могущія парализовать всѣ виды польской аристо-

(¹) A. Pietruszewicz. Lwow. 1848.
Чѣмъ же украситъ ихъ польша? Да не покроетъ ли срамомъ себя? —Противъ вѣроломства кричитъ она такъ громко,-а вѣроломству сама учитъ!

²) См. Памятники Врем. Коммиссіи для разбора древ. актовъ т. II. отдѣлъ 2. стр. 3 Кіевъ. 1846.

кращіи, а съ другой намѣреніе воспользоваться за заслуги свои раздѣломъ между собою огромныхъ велико-княжескихъ имѣній, внушили ей мысль заставить короля, какъ литовскаго господаря, отказаться отъ всѣхъ вотчинныхъ и синьоральныхъ правъ на всемъ пространствѣ великаго княжества литовскаго; король отказался въ 1566 году, и отнятыя у одного короля права, перешли во многія руки аристократіи польской съ самовольно присвоеннымъ себѣ надъ крестьянами правомъ суда, жизни и смерти, передаваемымъ отъ себя уже арендаторамъ и Амбрамкамъ Шмойловичамъ, Пейсахамъ Несвижскимъ и Абрумамъ Турійскимъ [1]). Такимъ образомъ что началъ въ Польшѣ Сигизмундъ I, то довершилъ на Волыни Сигизмундъ II: у народа отнята личность гражданская и изъ *свободнаго* и вольнаго—сталъ онъ рабомъ и *хлопомъ*. Отъ свободы воли оставался одинъ только шагъ къ свободѣ совѣсти,—и—католическая пропаганда не замедлила начать противъ нея свои дѣйствія.

c) Православная религія, какъ истинная послѣдовательница Христова, никогда не пятнала страницъ всемірной исторіи насиліемъ и кровію: она проникала всегда кроткими мѣрами, отъ чего и пути ея иногда ускользали отъ исторіи, большею частію наполняющей страницы свои трескомъ орудій и потоками крови. Мирно она водворилась на Руси, неслышно проникла въ Польшу, безъ шума освѣтила Литву. Тѣмъ же духомъ кротости и смиренія проникнуты были ея пастыри, подъ видомъ простоты часто украшенные истиннымъ образованіемъ и глубокою ученостію. Распространяя ученіе православной вѣры, они не знали, какъ проповѣдники иныхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ ученій, другаго оружія кромѣ Слова Божія, другой силы,—кромѣ дѣйствія совѣсти. Зато, если въ прошедшемъ ненаходимъ на страницахъ бытописанія кровавыхъ ея пятенъ, то настоящее указываетъ пути православія въ созданныхъ храмахъ Божіихъ, богатыхъ церковныхъ утваряхъ, въ недвижимыхъ собственностяхъ, благоговѣйными ея исповѣдниками съ древнѣйшихъ временъ добровольно принесенныхъ въ даръ въ славу Божію. Русскіе и литовско-русскіе князья и *земляне* вездѣ по всей Волыни оставили слѣды своего усердія къ вѣрѣ пра-

---

[1]) См. Памят. Врем. Коммисіи для разбора др. актовъ т. I-IX, X, XI.

вославной. Одни строили церкви и монастыри, даже нынѣшними немногими уцѣлѣвшими остатками приводящіе въ изумленіе, и надѣляли богатыми церковными принадлежностями; другіе—старались обезпечить благосостояніе церквей и всего духовенства въ будущемъ *вѣчно* и *нерушимо*, съ тѣмъ, чтобы *пастыри церкви за нихъ* и *потомковъ ихъ, а равно объ общественномъ благѣ съ ихъ синклитомъ молили Господа-Бога, яко пастыри* и *отцы ихъ, при совѣщаніяхъ князей и бояръ рядили* и *сеймовали, помѣщеніемъ бѣдныхъ, госпиталями, школами, странно-пріимными домами—управляли* [1]). Владиміръ Васильковичь князь владимірскій, не только созидаетъ пышные храмы по всей Волыни, но украшаетъ драгоцѣнною утварью храмы во Владимірѣ, Перемышлѣ, Черниговѣ, Луцкѣ, Любомлѣ; Ярополкъ Изяславичь—владимірскій даритъ церкви св. Богородицы Небльскую волость, Деревскую и Луцкую, а княгиня его—пять селъ; князья литовскіе особенно Любартъ (въ православіи—*Өеодоръ)* и Свидригайло (въ православіи—*Лавръ*) надѣляютъ епископіи луцкую и владимірскую богатыми имѣніями, въ числѣ коихъ находилось 5 мѣстечекъ и 45 селеній; князья Сангушки, Пронскіе, Корецкіе, Чарторыйскіе, Острожсскіе—строятъ церкви и монастыри, учреждая при нихъ на свой счетъ школы и богадѣльни.—При такомъ уваженіи ко внѣшнему благолѣпію православной религіи, *духъ единенія* и *любви* между князьями и землянами, духовенствомъ и народомъ—господствовалъ до того, что все дѣлалось по взаимному совѣщанію, какъ въ дѣлахъ мірскихъ, такъ и духовныхъ: ни духовенство безъ князей, землянъ и народа, ни народъ самъ собою—ничего непредпринимали, что касалось общихъ интерессовъ страны Высшее сосло-

---

[1]) См. любопытную запись князя Любарта (1322 г. декабря 8), данную луцкой соборной церкви Іоанна Богослова въ лицѣ Климента, владыки луцкаго и острожскаго, напечатанную, въ Арх. юго-западной Россіи ч. 1. Т 1. стр. 206. Нѣтъ сомнѣнія, что подлинникъ былъ писанъ на языкѣ русскомъ, но истребленъ католическимъ духовенствомъ или іезуитами въ числѣ многихъ подвергшихся такой же участи; сохранился же въ польскомъ переводѣ, записанномъ въ луцкіе акты только въ 1738 г.; также какъ на стр. 181 и запись князя Свидригайла, въ 1459 году октября 7 дня, данная луцкому пречистенскому монастырю.

віе не иначе считало духовныхъ, какъ своими пастырями и отцами, а народъ—неиначе относился къ лицу духовному, какъ дѣти къ отцу своему, связавъ и увѣковѣчивъ въ языкѣ понятіе отца духовнаго съ отцемъ естественнымъ—*батюшка, панъ—отецъ, пани—матка*. Хотяже короли польскіе: Александръ (1499 г.), Сигизмундъ I (1511 г.) и Стефанъ Баторій (1583 г.) подтверждали своими привилегіями права и преимущества православному духовенству, но всѣ эти подтвержденія мало-помалу обращались въ мертвую букву безъ жизненной силы дѣйствія. Раздвинувъ территоріальныя преграды, какъ выше сказано, т. е. добившись права всельничества на Волыни, аристократія польская и отрекшаяся отъ вѣры отцевъ своихъ и народности, или къ тому уже подготовленная, руководимая католическою пропагандою, начала постепенно прибирать къ рукамъ своимъ церковныя имущества, дабы, отнявъ сначала у православной церкви матеріальныя средства, приступить далѣе *къ уничиженію* духовенства. Справедливыя жалобы на такія своеволія, хотя и заставили Сигизмунда III дать охранительный универсалъ на варшавскомъ сеймѣ 23 апрѣля 1589 г.—что *теперь имъ* (чѣмъ) *болѣй отъ часу, тымъ ся большее опустошеніе и здешніе тымъ наданямъ и добрамъ церковнымъ чрезъ разные особы — дѣетъ, что — воеводове и подскарбіе, земскіе старосты, державцы наши и ихъ намѣстники имѣнія, наданія церковныя, также монастыри, церкви и всѣ скарбы церковные, у котораго што воеводствѣ, альбо староствѣ будетъ, то все заразомъ въ моцъ, справу и завяданіе свое беруть и на себе уживаютъ; что-маючи въ рукахъ своихъ не-только имѣнія и фольварки нищатъ и подданныхъ врадники и слуги ихъ бранемъ и вытяганемъ на нихъ незвыклыхъ чиншовъ и податей пустошать и разгоняють*, и что по этому повелѣлъ такимъ лицамъ—*никоторымъ обычаемъ въ тые вси церкви, скарбы, именія и наданя церковные ничимъ ся вступовати и ніякихъ пожитковъ оттоль соби привлащаты не мають и не будуть мочи* [1]); но такое повелѣніе, продиктованное конечно или совѣстію, или же для того, дабы этимъ прикрыть дальнѣйшій ходъ задуманныхъ событій,

[1]) Dzieje dobroczynności za 1826 rok.

безсильно было для самовольной польской шляхты и католической пропаганды, продолжавшихъ свои нахальныя дѣйствія еще съ большимъ ожесточеніемъ. Въ случаѣ смерти епископа, или даже еще и при жизни, мѣсто его, подъ видомъ нареченнаго, но уже близко приготовленнаго къ вѣроотступничеству, заступалъ какой-либо шляхтичъ, который, владѣя огромными на правахъ собствености церковными и епископскими имѣніями, пользовался и извлекалъ всѣми средствами доходы, раздѣлялъ имѣніе по частямъ между дѣтьми и родственниками, отдавалъ въ приданное за дочерьми, мѣнялъ на другія; при назначеніи, какъ нерѣдко бывало, на его мѣсто другаго нареченнаго же, или настоящаго епископа, все церковное богатство въ сосудахъ и разныхъ священныхъ драгоцѣнностяхъ грабилъ и увозилъ съ собою; или же, не допуская другаго къ мѣсту, давалъ поводъ къ обоюдной дракѣ, обливая кровію храмы Божіи. Монастыри и монастырскія имущества, по королевскимъ грамотамъ, отдавались въ пользованіе частнымъ лицамъ, а отъ нихъ передаваемы были въ аренду нерѣдко евреямъ; на другіе — вооруженными толпами нападали, стрѣляли, грабили церковную утварь, св. Тайны топтали ногами. Духовныя лица подвергались публичной брани, побоямъ, остриженіямъ волосъ и оскорбленіямъ въ самыхъ храмахъ, гдѣ совершались иногда презрительныя католическія оргіи. Къ этому присоединялись и евреи: и они начинали грабить и оскорблять, бросая камнями въ священниковъ, при торжественныхъ ходахъ. Унизивъ церковь и духовенство въ глазахъ народа и возвышая всѣхъ тѣхъ, кои переходили въ католическую церковь, католическая пропаганда обратилась къ массѣ самаго народа. Переходнымъ для этого средствомъ была избрана религіозная *унія*, подобная уніи политической 1569 года. Три лица высшей духовной православной іерархіи являются виновниками этой, задуманной польскимъ правительствомъ подъ руководствомъ іезуитовъ, религіозной реформы: ***Ипатій Потѣй***, королевскимъ приказомъ возведенный изъ кастеляновъ въ епископа во Владиміръ, собственными руками въ ильинской церкви ободравшій престолъ, сбросивъ съ него на полъ всѣ священныя вещи, и изорвавшій священный антиминсъ, на коемъ совершается служба Божія [5]); Кирилъ

---

5) Арх. юго-запад. Россіи Т. I. ч. I стр. 505.

Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, человѣкъ умный и дѣятельный, испытавшій на себѣ: наглое отнятіе церковнаго и епископскаго имущества въ Фалимичахъ и разграбленіе всего имущества въ г. Острогѣ,—постыдное взыманіе мыта за входъ въ луцкую соборную церковь съ духовенства и народа,—двухъсуточное заключеніе его самаго, прибывшаго на служеніе въ страстную субботу, въ луцкомъ замкѣ безъ пищи и питья, когда между тѣмъ въ притворѣ соборнаго храма совершались танцы и разныя игры, заводимыя пьянымъ луцкимъ старостою Симашко, при стрѣльбѣ въ золоченый сверхъкупольный крестъ на томъ же храмѣ,—недозволеніе ему починять въ немъ куполъ; и *митрополитъ* кіевскій *Михаилъ Рогоза*, опутанный іезуитскою лестію и обѣщаніями ему большихъ еще благъ въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Втроемъ эти іерархи ввергли всю страну, не только землю волынскую, въ бездну величайшихъ бѣдствій со всѣми ихъ послѣдствіями, неизглаженными даже до настоящаго времени. Послѣ собора епископовъ въ Соколѣ для разсужденія о духовныхъ дѣлахъ, обидахъ отъ миттополита и вообще бѣдственномъ состояніи православной церкви, воспользовавшись данными луцкому епископу Терлецкому четырьмя бланковыми чистыми листами съ подписями четырехъ епископовъ, бывшихъ на этомъ съѣздѣ (27 іюня 1594 г.), Терлецкій, вмѣсто жалобъ на притѣсненія, написалъ на ихъ и—подалъ королю и сенату прошенія о принятіи православной церкви въ соединеніе съ римскою. Узнавъ объ этомъ предательскомъ поступкѣ, львовскій епископъ *Гедеонъ Балабанъ*, тотчасъ явился во Владиміръ, и, въ присутствіи лучшихъ волынскихъ вельможъ, занесъ протестъ о семъ въ городскіе акты; а между тѣмъ епископы отступники Терлецкій и Потѣй, собирались ѣхать въ Римъ — лобызать туфли папы, заложивъ, съ разрѣшенія короля, всѣ имѣнія луцкой епископіи на 20 лѣтъ. Ни всеобщій ропотъ и негодованіе, выраженныя княземъ Константиномъ Острожскимъ въ личномъ протестѣ королю; ни такой же протестъ князя Друцкаго-Горскаго; ни синодальный универсалъ брестскаго собора 1596 г. октября 9; ни протестъ на ономъ всего православнаго духовенства противъ уніи и обязательство противудѣйствовать ея распространенію—не отвели черной тучи, нависнувшей надъ церковью православною. Тайное донесеніе митрополита Рогозы князю Радзивиллу, вое-

водѣ троцкому, еще предъ съѣздомъ на брестскій соборъ, что на этотъ соборъ, по пригласительнымъ письмамъ воеводы кіевскаго, намѣрены съѣхаться всѣ безъ исключенія русскіе и еретики *съ большимъ числомъ людей* — волынцами, греками, подольцами и подгорцами; что, какъ ему извѣстно, почти всѣ еретики условились ѣхать, и что по этому можно надѣяться много зла отъ предстоящаго сборища такихъ злыхъ людей [1]); и полученная имъ во время самаго собора, королевская грамота, въ коей говорилось: »поелику вы просили насъ, что-бы мы дозволили собраться въ Брестъ для открытія синода, то, радуясь такому благочестивому дѣлу, удовлетворяемъ желанію вашему, желая, чтобы дѣло общаго единенія съ вселенскимъ косцёломъ *вами начатое*, на этомъ собраніи приведено было къ желаемому окончанію« —не доказываютъ ли, что *митрополитъ Михаилъ Рогоза*, какъ глава церквей православныхъ, былъ главнѣйшимъ, но скрытымъ, виновникомъ и двигателемъ этого вѣроотступничества?—Такъ совершились у насъ двѣ *добровольныя* уніи, первая въ 1569 г. подъ угрозою *конфискаціи имѣній* за сопротивленіе, вторая въ 1596 году—подъ страхомъ отвѣтственности за *неуваженіе* королевской *власти*. Непоколебимый однако въ своихъ убѣжденіяхъ старшій изъ епископовъ — львовскій Гедеонъ Балобанъ остался таковымъ до смерти, не смотря на двукратныя попытки отравою лишить его жизни. Послѣ увѣренія святѣйшаго отца, что онъ »нехочетъ властвовать надъ нами, но хочетъ немощи и слабости наши на себѣ носить«; послѣ убѣжденія королевскаго манифеста, что »никакихъ новыхъ перемѣнъ въ церковныхъ обрядахъ не будетъ, что всѣ догматы и обряды православной церкви сохранены будутъ не прикосновенно«: тотъ часъ начали оказываться послѣдствія *добровольнаго* религіознаго единства—»къ водворенію и помноженію, какъ сказано въ томъ же манифестѣ, между народами взаимной *любви и мира*«.— Консисторіи превращены въ капитулы; уніатскіе епископы въ сенатъ не допущены; всѣ церковныя имѣнія, по постановленію кобринскаго синода въ 1626 году, обращены на построеніе и украшеніе уніатскихъ церквей, на уніятско-католическія училища, типографіи польского шрифта; введена краткая обѣдня

---

[1]) Dzieje dobroczynności za rok 1826.

(нша шептана); инструментальная музыка; выброшенъ иконостасъ и измѣненъ внутренній и внѣшній видъ церквей и наружный видъ священническаго сана; введенъ польскій языкъ и католическое управленіе; измѣнены обряды и напѣвъ; приняты толкованія римскихъ богослововъ; католическіе праздники и календарь стали обязательны; крестили кто ни—попало, по праву—единства,—ксендзъ—ли, или уніатскій священникъ. Народъ и несовратившееся еще дворянство вооружались страшно, католическая пропаганда—еще усильнѣе: дѣло доходило до жестокости и варварства, вызвавшія кровавыя событія: 1593, 1596, 1630, 1635, 1638, 1648, годовъ; а между тѣмъ католическое духовенство раскинуло вездѣ: францисканов, реформатовъ, кармелитовъ (босыхъ и обутыхъ), тринитаровъ, бернардиновъ, капуциновъ, доминикановъ, августиновъ, маріановъ, піаровъ, бонифратровъ, венедиктинокъ, бригатокъ, шаритокъ, и проч. проч., но всѣхъ главнѣе іезуитовъ, этихъ ловкихъ рыбарей, которые, по уставамъ своимъ, одни подъ видомъ исключительнаго занятія садоводствомъ, воспитаніемъ дѣтей, другіе—ухаживаніемъ за больными и бѣдными, тѣ–подъ видомъ странно–пріимства, иные — молчанія, а тѣ–выкупа плѣнныхъ, ловили православныхъ въ свои сѣти и—обращали въ католическую вѣру. Эти событія вызвали самое горячее усердіе въ охрану православной церкви и народности со стороны *братствъ*, главною заботою коихъ было внѣшнее благолѣпіе церквей, строгое соблюденіе церковнаго чина и начальное обученіе; выдвинули три высокія личности, съ полнымъ самоотверженіемъ принесшія все достояніе и жизнь въ жертву любви къ православію и русской народности, это: *князь* Константинъ *Острожскій*, заботившійся объ уцѣлѣвшихъ еще монастыряхъ, для народнаго и духовнаго образованія, на свой счетъ заводившій школы, устроившій типографію для печатанія церковно—славянскихъ книгъ, ратовавшій за православіе словомъ и дѣломъ; ***Петръ Могила***, сынъ молдавскаго господаря, митрополитъ кіевскій, на учрежденіе учебнаго заведенія въ Кіевѣ для высшаго духовнаго образованія пожертвовавшій всѣмъ полученнымъ отъ родителей достояніемъ; ***Богданъ Хмѣльницкій***, поднявъ всю русскую землю, во имя любви къ вѣрѣ праотцевъ и своей народности, отъ низовьевъ Днѣпра до западнаго Буга, и отъ Сана до Днѣпра, съ козацкой саблей, мушкетомъ и прапоромъ,

очищавшій русскую землю отъ утѣснителей православія и народности—ляховъ и сподручниковъ ихъ евреевъ; три эти мужа, въ тройственной группѣ, по всей справедливости, стяжали себѣ право на подножіе памятника тысячелѣтняго величія Россіи.— Событіями послѣ 1654 года, освободившаго навсегда лѣвую сторону Днѣпра, съ кіевскимъ округомъ, отъ вліянія польской аристократіи и католическаго гнёта, съ изгнаніемъ оттуда всѣхъ польскихъ всельниковъ, осѣвшихъ въ возмездіе за-то во владимірскихъ епископскихъ имѣніяхъ, правая сторона, оставшись опять подъ польскимъ владычествомъ, приняла на себя двойную тяжесть. Отсюда произошло на 150 лѣтъ раздвоеніе одной огромной силы русскаго народа, по лѣвой сторонѣ Днѣпра названной *украиною* русской, или *Малой Россіей*, по отношенію къ Великой, и по правой сторонѣ—по отношенію къ Польшѣ — польскою *Украиной*, въ которую вошли: Волынь, Подоль и кіевская земля (безъ Кіева). Лишенные лѣвобочныхъ приднѣпровскихъ братій своихъ, правобочные подверглись еще горшей прежняго участи Дворянство, прежде грудью стоявшее за свою единоплеменную и единовѣрную низшую братію, окатоличившись для сохраненія жизни и своихъ имуществъ, стало для народа чуждо; вѣра не только измѣнила самую единоплеменность и кровь братнюю, но изъ друзей народа обратила ихъ въ заклятыхъ враговъ ему. Въ равной мѣрѣ, съ угнѣтеніемъ народа, увеличивались и бѣдствія православной церкви и духовенства.—Хотя наглый уніятскій епископъ Ипатій Потѣй, немедленно послѣ объявленія уніи, обратилъ весь почти владимірскій уѣздъ въ унію, но въ нынѣшней Галиціи, въ епископіи луцкой и Вильнѣ вводимая унія встрѣтила большую борьбу съ братствами Медленный ходъ задуманнаго религіознаго плана, въ параллели съ быстрымъ окатоличеніемъ дворянства, не нравился іезуитамъ. Это заставило ихъ на бывшемъ въ Варшавѣ *нѣмомъ* сеймѣ 1717 года, подать государственнымъ чинамъ новый проэктъ: *уничтоженіе православнавнаго и уніатскаго вѣроисповѣданій, а также и русской народности въ русскихъ областяхъ подвластныхъ Польшѣ*. Главная задача этого проэкта состояла въ томъ, какъ греческій законъ (православная религія) противенъ римскому, то его уничтожать: презрѣніемъ, преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ и всякими дѣйствительними средствами, дворянство русскаго закона, хотя

бы и состояло уже въ уніи, не должно быть допускаемо ни къ какимъ государственнымъ должностямъ; каждый полякъ долженъ чуждаться русскаго; не должно допускать русскихъ къ такимъ службамъ, кои бы давали имъ случаи къ образованію: оставаясь въ невѣжествѣ, они дойдутъ до нищеты и не будутъ въ состояніи помочь себѣ ни деньгами, ни умомъ. Такъ-какъ духовенство русское составляетъ самый трудный узелъ, то нужно владыкъ—одурачить, а священниковъ — стѣснить, дабы они не мечтали о повышеніи, не могли ни думать, ни желать, ни дѣлать чтобы владыки имѣли только титулъ викарныхъ, и чтобы какъ они, такъ и ихъ священники подвергались ревизіи католическихъ прелатовъ; безъ ихъ вліянія народъ, находясь подъ римскимъ начальствомъ, удобнѣе отступитъ отъ своихъ обрядовъ; держать русское духовенство въ невѣжествѣ,—тогда они, не зная источника своихъ обрядовъ и не будучи въ состояніи поучать народъ,—склонятся удобнѣе къ перемѣнѣ религіи, къ чему самимъ радикальнымъ средствомъ служитъ невѣжество и бѣдность, въ которой они какъ оставались до сихъ поръ, такъ и останутся; въ пользу церквей не дѣлать никакихъ записей; брать деньги отъ поступающихъ въ священство, подобно прежнимъ полякамъ, кои отъ священниковъ получали доходы, если не болѣе, то никакъ не менѣе, какъ и отъ мужика. Крестьянамъ, по отношенію къ ихъ священникамъ, должно оказывать всякія поблажки: мужиковъ преклонимъ на свою сторону, а къ священникамъ—поселимъ въ нихъ ненависть; разглашать, что сыновья священниковъ не освобождаются отъ крестьянства; убѣждать священниковъ къ безбрачной жизни. Мѣщанскимъ и крестьянскимъ дѣтямъ—воспретить учиться въ школахъ при церквахъ: наблюдать, чтобы крестьянскія дѣти приучаемы были не къ книгамъ, а къ плугу, сохѣ, ралу и цѣпу. Религіозные обряды порочить, охуждать и разглашать ихъ съ смѣшной стороны, прибѣгая, въ случаѣ недостатка фактовъ,—къ вымысламъ. Когда успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ то поощреніемъ, то обманомъ, то силою передѣлать русскихъ на римлянъ, тогда—во всей *Русской* странѣ процвѣтутъ римскіе обряды; въ случаѣ же недѣйствительности этихъ средствъ,—поелику трудно *перебить* всѣхъ русскихъ, по малочисленности нашей,—то-отдать ихъ въ рабство татарамъ, а на ихъ мѣсто населить край народомъ польскимъ и мазовец-

кимъ; если передѣлаемъ въ римлянъ, то навсегда лишимъ Москву надежды на возвратъ, и изъ тѣсной ихъ связи съ нею сдѣлаемъ ихъ же для нее врагами«. [1])—Послѣдствіемъ этого было: a) постановленіе замойскаго синода 1720 г., подъ предсѣдательствомъ уніатскаго митрополита Кишки, послѣ котораго православные храмы были опечатаны, священниковъ, неприступившихъ къ уніи, — изгоняли, не дозволяли крестить дѣтей, вѣнчать, погребать; за исполненіе же священниками церковныхъ требъ, за богослуженіе и колокольный звонъ—казнили; b) Сеймъ 1733 года воспретилъ всѣмъ некатоликамъ занятіе какихъ—либо должностей и права гражданскія; городскіе жители, неприсоединившіеся къ уніи, изгонялись изъ ратушъ, магистратовъ, лишали ихъ права голоса, торговли и отлучки отъ мѣста жительства, отягощали ихъ чрезмѣрными налогами, подводами, общественными работами, отнятіемъ полей, луговъ, лѣса и другихъ потребностей жизни; c) на конвокаціонномъ сеймѣ 1764 г. постановлено: 1) священническіе сыновья безъ службы и промысла принадлежатъ къ сословію *черни*, 2) не обучавшіеся ни въ школахъ, ни ремеслу, должны быть *въ крѣпостномъ состояніи*, и 3) если бы кто и по окончаніи курса наукъ не поступилъ въ духовное званіе, или не вписался въ цехъ, долженъ остаться *въ крестьянствѣ*.—Вся дворская прислуга, находясь постоянно при панахъ своихъ, не должна была иначе объясняться, какъ по–польски, и иначе молиться какъ по–польски въ тѣхъ же косцелахъ, гдѣ и паны ихъ, и потому не удивительно, что почти вся она обратилась прямо, безъ перехода въ унію,—въ вѣру католическую. Такъ, во имя *единенія*, объявленнаго королевскимъ манифестомъ, *любви и мира*, произошло у насъ двѣ церкви—*панская* (римская) и *хлопская* (съ презрительно уродлывымъ польскимъ выговоромъ *цыркивъ*). Какого ты исповѣданія?–Спросите вы крестьянина: *мужыцького*, отвѣчаетъ онъ, кланяясь, съ прибавкою унизительною, *проше пана!* Всѣ эти угнетенія кореннаго населенія и его исповѣданія, небывалыя въ исторіи образованныхъ государствъ, произ-

[1]) См. № 42 Витеб. губ. вѣд. 1858 г.; № 17 и 20; газеты „День" и Вѣст. юго-западной и западной Россіи 1862 г. Іюль стр. 17, гдѣ можно прочесть этотъ проэктъ во всей цѣлости: ибо нами сдѣлано только краткое извлеченіе.

вели новый взрывъ раздраженія. Народное возстаніе, подъ предводительствомъ *Железняка* и *Гонты*, было отвѣтомъ на притѣсненія, превосходящія мѣру благоразумія и терпѣнія. Въ тогдашнихъ воеводствахъ кіевскомъ и браславскомъ страшная участь постигла всѣхъ пановъ, евреевъ и ксендзовъ, не смотря ни на полъ, ни на возрастъ, ни на званіе, и—если бы русское правительство не дало помощи подавить этотъ по-истинѣ кровавый пожаръ, онъ грозилъ далекимъ разливомъ. Страшная эта катастрофа еще жива и нынѣ въ преданіи народномъ подъ названіемъ *коліевщины*, *паліевщины*, *гайдамащины*. Послѣдовавшій за симъ трактатъ (1778), между Россіей и Польшей, облегчилъ нѣсколько участь православнаго народа и духовенства [1]).—Непрошло однако и двадцати лѣтъ, какъ польская аристократія нашла случай выместить на народъ, и особенно на духовенствѣ, недавнюю гибель своихъ братій; но, къ счастію, этотъ случай, былъ уже послѣдній, послѣдній пиръ на разставаніе. Война Россіи съ Турціею заставила русское

---

[1]) Памятникомъ этой католической пропаганды остались только и до-нынѣ въ Польшѣ православные, соединённые съ русскою церковью, въ области краковской, Подляхіи и губерніяхъ августовской и люблинской до 250,000 душъ об. п. Мѣсто-пребываніе греко-унитскаго епископа — въ Хелмѣ; благочиній—21, церквей—287, монастырей мужескихъ 5, въ нихъ братіи до 100. Въ Хелмѣ-православный образъ Пречистой, писанный согласно преданію, рукою евангелиста Луки. Кромѣ епископа и его помощника, управленіе епархіею состоитъ изъ 5 прелатовъ и 7 канониковъ, украшенныхъ дистинкторіальными осьмиконечными крестами, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Пресвятой Дѣвы, а съ другой—бѣлаго орла и на груди: по-вензелямъ Императора Александра I. Независимо отъ сего такихъ же православныхъ, или греко-унитовъ, находится въ нынѣшней Галиціи до 2,350,000, раздѣленные на два епископства: львовское и перемышльское; но въ Буковинѣ и до нынѣ сохранилась чистая православная вѣра, въ коей состоитъ до 270,000 душъ и сверхъ того раскольниковъ до 2,300 д. Мѣстопребываніе православнаго епископа—въ Черновцахъ.

правительство отправить комиссаровъ для закупки въ здѣшнемъ краѣ продовольствія своимъ войскамъ. Волынскіе владѣльцы потребовали отъ комиссаровъ, чтобы наличныя деньги за всю фуражную и. продовольственную пропорцію были заплочены впередъ и что тогда только они станутъ доставлять на мѣста. Къ тому жъ на варшавскомъ въ томъ же 1788 году сеймѣ при всемъ разномысліи о дѣлахъ своихъ и отношеніяхъ Россіи, всѣ были того мнѣнія, что она берется къ старому своему достоянію. Сознаніе преступленія—всегда пугливо. Издавна московскіе *офены*, *ходебщики*, *коробочники*, или, какъ ихъ здѣсь обыкновенно называютъ, *пилипоны* разъѣзжали по этому краю съ разными товарами, останавливаясь для безопасности у священниковъ. Пущенная молва, что двѣ тысячи повозокъ сихъ маркитантовъ, при двухъ человѣкахъ на каждую, въѣхало въ тогдашніе предѣлы Польши съ ножами вмѣстѣ съ другими товарами, встревожила напуганное уже воображеніе недавными событіями, а убійство въ тоже время въ с. Невирковѣ помѣщика Тележинскаго съ его женою дворскою прислугою, дополнило картину воображеннаго ужаса отъ *хлопскаго* общаго бунта. Всѣ сбѣжались подъ защиту крѣпостей. Коронныя войска нахлынули на Волынь. Въ Луцкѣ открыта инквизиторская судная коммисія. Несчастныхъ маркитантовъ и особенно священниковъ по оговорамъ ловили, забивали въ дыбы (колодки), грабили, мучили пытками, наполняли тюрьмы въ Кременцѣ, Луцкѣ, Дубнѣ. Жолнеры и ихъ начальники неистовствовали въ селахъ. Комиссія луцкая, присвоивъ себѣ право конечнаго суда надъ невинными, въ теченіи двухъ недѣль, *пять* несчастныхъ узниковъ повѣсила въ Луцкѣ и *тринадцать* — въ Дубно. несчитая погибшихъ отъ голода, холода, розогъ и разныхъ истязаній. »Заглушенъ голосъ религіи; попраны права ея служителей; чувство человѣческое отупѣло и отвергло прирожденное ему состраданіе: головы служителей алтаря влекомы были подъ сѣкиру палача, или же, коная въ отдаленныхъ темницахъ, дѣлались жертвою звѣрскаго жестокосердія«, — говоритъ современникъ и очный свидѣтель сей по-

[1]) Луцкій архи-пресбиторъ Ѳеодосій Бродовичъ, котораго страшную картину этого событія въ Польшѣ 1789 года, мы постараемся современемъ передать въ русскомъ переводѣ.

слѣдней кровавой тризны. Наступилъ 1792 годъ, и польскій орелъ, заключаетъ тотъ же самовидецъ, съ подрѣзанными крыльями и отдѣленіемъ чужихъ перьевъ, служившихъ ему для украшенія, но съ цѣлою головой и шубой, поступилъ подъ охрану сосѣдей.

d) Мы видѣли какъ волынское населеніе охраняло свою народность въ неприкосновенныхъ правахъ своего дворянства, религіи и народа, и какія насилія должно было выдержать оно отъ польско-католической пропаганды. Высшее сословіе уступило гнѣтущей силѣ: перемѣнивъ религію отцевъ своихъ, отрекалось оно отъ племени и языка; народъ,—изъ свободнаго и вольнаго ставъ рабомъ или хлопомъ и потерявъ гражданскую личность, не измѣнилъ однако религіи своихъ предковъ, а съ нею и языка роднаго. Однимъ и тѣмъ же языкомъ говорили прежніе его князья, дворянство и земляне; этотъ же языкъ употреблялся при дворѣ великихъ князей литовскихъ, на немъ писались законы, грамоты, позвы, декреты и всѣ акты. По присоединеніи литовскаго княжества, а съ нимъ и всѣхъ земель русскихъ на правахъ равенства къ Польшѣ, на варшавскомъ сеймѣ 1632 года, для воеводствъ: волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго подтверждено было *на вѣчныя времена*, чтобы всѣ акты писались непремѣнно на языкѣ русскомъ, въ противномъ случаѣ они не имѣли ни какой силы и обязательства; не допускалась при томъ никакая иноязыческая примѣсь.» Мы просимъ вашу королевскую милость,—напоминали дворяне брацлавскіе Стефану Баторію,—чтобы къ намъ присылаемы были листы на языкѣ русскомъ« Съ постепеннымъ окатоличеніемъ дворянства сталъ мало-по-малу входить и языкъ польскій между высшимъ сословіемъ, которое отчуждая себя отъ народа и разрознивъ съ нимъ интерессы, стало считать и языкъ его-*хлопскимъ, бараньимъ*. *Не мувъ до мнѣ тымъ бараньимъ ензыкѣмъ*—грозно повелѣвалъ панъ своему хлопу, лакею и всей дворовой прислугѣ, и—челядь дворская стала ломать родной языкъ на языкъ *панскій*, оставивъ первый для родныхъ и всего крестьянскаго міра; но простой народъ, составляющій главную массу населенія, твердо сберегалъ языкъ свой неприкосновеннымъ, кромѣ тѣхъ только вкравшихся въ него выраженій, кои обусловливали понятіе рабскихъ и унизитель-

ныхъ отношеній къ панамъ своимъ.—Что же доказала Польша надъ этимъ добрымъ простымъ народомъ?? Лишила его собственности и отняла гражданскую личность, наложивъ на него ярмо и цѣпи. Но успѣла ли она въ триста тяжелыхъ лѣтъ привить къ его народности— что либо свое?—Ничего. Развила ли круговзоръ его понятій образованіемъ и сообщила ли ему нѣчто отъ своей знаменитой цивилизаціи? Ровно ничего, кромѣ умышленнаго невѣжества, унизительнаго раболѣпства и дворскаго разврата. Расположила ли она его къ себѣ нынѣ, или когда-либо? Никогда. На всѣ тяжкія насилія отвѣчалъ онъ молчаливымъ и упорнымъ сопротивленіемъ, давшимъ поводъ къ польской поговоркѣ: *упарты якъ русинъ*. *Твердая Русь усе перебуде и ляха не буде*,—думалъ въ-тайнѣ народъ, и—съ непоколебимою твердостію, любя свою отчизну и народность, терпѣливо стоялъ за ея основы—религію и языкъ, какъ единственное достояніе своихъ предковъ.

Вотъ какими жестокими мѣрами и какими кровавыми путями католическая пропаганда ввела своихъ адептовъ въ среду кореннаго православнаго населенія! Не ужели можно сказать, что это—»высшая культура подчинила и ассимилировала себѣ культуру низшую,« или что »Польша своею цивилизаціею завоевала и пріобрѣла себѣ право обладанія«?!!, какъ заявилъ объ этомъ уполномоченый отъ *своихъ* М. Грабовскій. *) Нѣтъ,—такой *культурѣ* и такой *цивилизаціи* должно быть другое, болѣе соотвѣтственное названіе.

Въ настоящее время, по свѣденіямъ волынскаго статистическаго комитета за 1862 годъ, католическое населеніе, въ средѣ кореннаго, группируется слѣдующимъ образомъ по городамъ и уѣздамъ волынской губерніи: въ г. *Житомирѣ* м. п.—3000, ж. п. 3900; въ уѣздѣ—м. п. 15712, ж. п. 15752; въ г. *Новоградволынскѣ*—м. п. 193, ж. п. 337; въ уѣздѣ—м. п. 11900, ж. п. 12732; въ г. *Староконстантиновѣ*—м. п. 624, ж. п. 610; въ уѣздѣ—м. п. 8352, ж. п. 8828, въ г. *Владимірѣ*—м. п. 348, ж. . 462; въ уѣздѣ—м. п. 6994, ж. п. 7588; въ г. *Кременцѣ*—м. п. 789, ж. п. 965; въ уѣздѣ—м. н. 7176, ж. п. 6 811; въ г. *Заславлѣ*—

*) И недавно журналъ „Время," въ статьѣ на писанной по заказу польскаго революціоннаго комитета „**Роковой Вопросъ**."

м. п. 316, ж. п. 456; въ уѣздѣ—м. п. 6411, ж. п. 6317; въ г. *Ровнѣ*—м. п. 352, ж. п. 475; въ уѣздѣ—м. п. 5763 ж. п. 4980; въ г. *Луцкѣ*—м. п. 935, ж. п. 1105; въ уѣздѣ—м. п. 5132, ж. п. 5441; въ *Острогѣ*—м. п. 172, ж. п. 219; въ уѣздѣ—м. п. 4063, ж. п. 3956; въ г. *Дубнѣ*—м. п. 358, ж. п. 571; въ уѣздѣ—м. п. 3440 ж. п. 2546; въ г. *Овручѣ*—м. п. 129, ж. п. 143; въ уѣздѣ—м. п. 2298, ж. п. 2322: въ г. *Ковлѣ*—м. п. 202; ж. п. 231; въ уѣздѣ—м. п. 1713, ж. п. 1876; итого—м. п. 86372, ж. п. 88622; а всего обоего пола 174994. Родившихся въ истекшемъ году обоего пола 6669, (въ томъ числѣ, по показанію полицій, *незаконно*—315),—умершихъ обоего пола —4613; сочеталось бракомъ—1947. *) Въ семъ же году выбыло изъ католической церкви обращеніемъ въ православную—обоего пола—89.**)

Вообще група католическаго населенія составляетъ *десятую часть* по отношенію ко всей массѣ народонаселенія губерніи. Самое большое населеніе католическое находится: относительно къ другимъ исповѣданіямъ изъ городовъ—въ Луцкѣ, составляющее *треть* всего городскаго населенія, чему причиною было долговременное нахожденіе въ немъ бискупской каѳедры, именно съ 1428 г., пребываніе іезуитовъ и множества монашескихъ орденовъ; изъ уѣздовъ же болѣе сгущено—въ житомірскомъ и смѣжномъ съ нимъ новоградволынскомъ, чему причиною-учрежденіе г. Житомира административнымъ пунктомъ съ 1667 года, основаніе монастыря съ іезуитскою семинаріей (1726 г.), основаніе римско-католической бискупской каѳедры съ 1751, взамѣнъ утраченной въ Кіевѣ, бернардинскаго монастыря съ 1761 г, въ коемъ нынѣ помѣщается семинарія, и тогда-же монастыря сестеръ милосердія (шаритокъ).

Римско-католическая эпархія нынѣ состоитъ подъ управленіемъ луцко-житомирскаго епископства и состоящей при немъ

---

*) Эти данныя основаны на свѣдѣніяхъ р. кат. консисторіи.

**) По академическому мѣсяцеслову за 1863 годъ число жителей въ волынской губерніи 1528328; въ томъ числѣ православныхъ 1,171,356; р. католиковъ 172,264; протестантовъ 2202, евреевъ 185,833 (больше чѣмъ католиковъ), караимовъ 253; магометанъ 289. Ред.

консисторіи; въ ней къ 1 Января 1763 года находится: a). *Приходскихъ церквей,* или костеловъ 113, въ томъ числѣ каменныхъ 80, при монастыряхъ каменныхъ же—3, и деревянныхъ 28; *) кромѣ того съ 1858 года начата постройка деревяннаго костела въ м. Народичахъ (овруч. уѣзда) и подъ перепиской—сооруженіе косцела въ г. Ковлѣ; б., *монастырей мужескихъ*—штатныхъ 4 и заштатный—1, *женскихъ*—штатный—1 и заштатныхъ—3; с) *каплицъ*—каменныхъ 120, деревянныхъ — 275 и домашнихъ — 26.—Духовенства бѣлаго высшаго, т. е. прелатовъ и канониковъ—9, приходскаго—146, *монашествующихъ*: мужескаго пола 95 и на искусѣ—14, женскаго пола 35 и на искусѣ—2—. Для образованія ксендзовъ, или римско-католическихъ священниковъ, находится въ г. Житомирѣ *семинарія,* съ каменною при ней церковію; ее составляютъ: ректоръ, инспекторъ, экономъ, духовникъ и викарный, преподавателей духовныхъ—4, миссіонеръ и свѣтскихъ учителей—для русской исторіи и русскаго языка—2; учащихся—43.

Ѳедоръ Китченко.

(*Окончаніе впредь*).

---

*) При возвращеніи сего края находилось косцеловъ 85 и монастырей—56; кромѣ того завлеченныхъ въ унію изъ православныхъ—монастырей (базиліанскихъ 26 и приходскихъ церквей—154.

ОТНОШЕНІЕ

древне-русскаго общества къ церкви въ періодъ до—монгольскій.

Въ позднѣйшій періодъ распространенія христіанства между новыми народами, судьба церкви у этихъ народовъ и ея характеръ опредѣляются съ одной стороны центромъ, отъ котораго заимствуется христіанство, съ другой—тою средою, куда она приходитъ — формами быта и направленіемъ характера націи, среди которой она является. Чтобы понять характеръ и жизнь церкви въ первое время ея существованія въ извѣстной странѣ, нужно обратить вниманіе на то, какъ общество отнеслось на первыхъ порахъ къ церкви, ея строю и пр. и равнымъ образомъ какъ церковь отнеслась въ свою очередь къ строю общественному,—это должно быть первымъ вопросомъ при опредѣленіи характера церкви въ извѣстной странѣ. — Эти вопросы должны обратить на себя вниманіе изслѣдователя русской церковной исторіи—при опредѣленіи характера жизни русской церкви.—Какъ жила въ древнее время церковь въ нашей землѣ,—стояла ли она изолировано отъ общества, — принимало ли это общество и на сколько принимало участіе въ дѣлахъ церкви—рѣшеніе этихъ вопросовъ уяснитъ намъ характеръ и направленіе церкви,—дастъ—понять, на сколько церковь стала національною.

Христіанство перешло въ Русь изъ Греціи уже съ установившимися и вполнѣ развившимися формами церковной жизни. Перешедши въ Русь, оно естественно должно было формулировать еще несложившуюся русскую жизнь по своимъ формамъ, отлить ее въ свои готовыя рамки, выработанныя вѣковою жизнію византійской церкви. Но то, что выработала для своего общества византійская церковь,—то устройство церковное, ка-

кое выросло на греческой почвѣ, какъ родное и пригодное только ей не могло быть во всѣхъ подробностяхъ навязано новой церкви русской. Восточная церьковь, представительницею которой была Византія, никогда не отличалась духомъ мертвящаго единства, никогда не подавляла индивидуальности національной. Передавая новымъ націямъ богатое сокровище свое—православную вѣру, она никогда не старалась ихъ обезличить, напротивъ всегда предоставляла имъ самостоятельно устроить свою жизнь по духу Христову. Не въ духѣ церкви восточной было то, что мы видимъ въ западной римской церкви, гдѣ всякое стремленіе націи къ самостоятельности, всякое заявленіе національной особности въ дѣлахъ и устройствѣ церкви подавлялось гнетомъ непогрѣшимаго деспотизма папъ. Весь строй церковной жизни, выработанный римскимъ обществомъ, всецѣло, во всѣхъ своихъ подробностяхъ и мѣлочахъ прилагался и къ націи французской, и германской и пр. Каждому вновь обращенному обществу приходилось повторять, въ своей церковной жизни то, что было выработано римскою церковію. Эта церковь такъ попечительно заботилась о своихъ новыхъ духовныхъ чадахъ, что самимъ имъ рѣшительно не давала мѣста и времени подумать объ устройствѣ своей собственной церковной жизни. Въ восточной церкви небыло, говоримъ, этаго подавляющаго духа всецѣлой опеки. Передавая новымъ народамъ вѣру Христову, церковь восточная конечно не оставляла ихъ на произволъ судьбы; она ревностно заботилась о воспитаніи этихъ юныхъ ея членовъ въ духѣ Христовомъ, старалась устроить ихъ жизнь сообразно съ своими правилами, но ихъ воспитаніе и устроеніе было благоразумное, умѣренное. Оно не исключало участія въ дѣлахъ церкви того общества, о воспитаніи и устроеніи котораго заботилась восточная церковь.—Такъ было у всѣхъ народовъ, принявшихъ христіанство отъ восточной церкви, такъ было и при обращеніи Руси. Въ Руси это должно было быть тѣмъ болѣе, что Русь приняла христіанство свободно и добровольно, по собственному желанію и выбору. Владиміръ съ своею дружиною, руководясь своими языческими воззрѣніями, хочетъ завоевать вѣру. Онъ считаетъ какъ бы унизительнымъ для себя и своего народа принять вѣру, какъ даръ, какъ благодѣяніе. Онъ хочетъ добыть ее оружіемъ. Послѣ этого, разумѣется, онъ не былъ расположенъ *рабски* склонить голову

предъ властію церкви, какъ склонялись предъ нею западные короли и пр.—Въ силу того, что характеръ восточной церкви не допускалъ духа преобладанія надъ новыми народами, и въ силу того, что Владиміръ и народъ русскій приняли вѣру свободно и добровольно, они не могли не принять участія въ устройствѣ церковной жизни, въ ходѣ церковныхъ дѣлъ;— они должны были отнеестись къ церкви также свободно и добровольно, какъ свободно и добровольно приняли св. Вѣру.

Церковъ съ образовавшимися внѣшними формами большею частію, какъ показываетъ исторія, является въ обществѣ тогда, когда въ немъ возникнетъ жизнь государственная. Ко времени Владиміра и особенно при немъ государственный принципъ въ Руси началъ уже обнаруживаться. Пришлый элементъ варяжскій сглаживается; Владиміръ чувствуетъ себя больше туземнымъ, чѣмъ пришлымъ членомъ общества. Общинно-земскій бытъ славянскаго племени беретъ перевѣсъ надъ военною организаціею княжеской дружины и мирный земледѣльческій характеръ славянъ сглаживаетъ черты бродяжничества и воинственности пришлаго варяжскаго элемента. Полагаются основы правильнаго государственнаго развитія. Среди этаго возникающаго государственнаго порядка является церковь, какъ организующее начало—является не съ господственнымъ характеромъ, какъ это видимъ на западѣ, а становится въ ряду другихъ сторонъ жизни общественной и становится наравнѣ съ ними. Понятно отсюда, что участіе общества въ дѣлахъ церкви должно быть самое дѣятельное и непосредственное, и что въ этомъ участіи долженъ выразиться характеръ тогдашней общественной жизни; — въ сферу церковной дисциплины общество внесетъ многое изъ своихъ законовъ и обычаевъ, которыми оно руководилось въ періодъ доцерковной жизни — сдѣлаетъ церковь своею собственною національною церковію. Намъ необходимо, по этому, сказать, хотя въ короткѣ, о характерѣ государственно-общественной жизни того времени,—объ отношеніи князей и народа между собою, чтобы потомъ говорить, на основаніи этого, какое они принимали участіе въ дѣлахъ церкви — въ созданіи храмовъ и ихъ содержаніи, въ избраніи лицъ на іерархическія степени и въ администраціи и судѣ церкви.

Какъ мы сказали, церковь большею частію является въ

обществѣ вслѣдъ за возникновеніемъ въ немъ государственнаго порядка. Въ Руси она явилась именно при этомъ условіи, при этихъ обстоятельствахъ. Государственная жизнь всякаго общества выражается въ признаніи единства принципа, которымъ должно жить общество и который долженъ быть единственнымъ связующимъ началомъ всей разносторонней жизни общества, во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ. Было ли это единство принципа въ Руси въ то время, о которомъ идетъ рѣчь?— Въ главѣ общества стоитъ князь—пришлый, призванный членъ; но, какъ уже сказано, Владиміръ чувствуетъ себя болѣе туземнымъ, онъ ославянился, хотя и не до того, чтобы совершенно слиться съ землею и принадлежать ей. У него тѣже отношенія къ землѣ и къ обществу, какъ у прежнихъ князей, только онъ сталъ крѣпче къ землѣ русской. Для него уже невозможны стали такія передвиженія, какія были возможны для Аскольда и Дира, для Олега и Святослава, хотѣвшаго основать столицу на Дунаѣ. Народъ изъ племенной разрозненности сталъ переходить къ единству земскому. Общино-земское начало все шире и шире захватывало славянскія племена и образовалось понятіе *земли русской*. Народныя передвиженія становились слабѣе и рѣже, народъ осѣдалъ, становился крѣпкимъ землѣ. Такимъ образомъ полагались основанія государственной жизни русскаго народа. Эти основанія—власть князя—начало государственное, и общинноземскій строй и порядокъ—начало общественное. Изъ отношенія этихъ началъ развивается жизнь государственная. Въ разсматриваемое нами время въ Руси не было еще государства въ полномъ смыслѣ. Власть князя и общино-земское начало не стояли еще въ опредѣленныхъ отношеніяхъ между собою, для насъ важно здѣсь то, что въ это время оба эти начала имѣютъ одинаковую силу. Князь является какъ бы верховнымъ правителемъ народа, онъ его судитъ, онъ правитъ и володѣетъ имъ; но въ то-же время и народъ имѣетъ свой судъ общинно-земскій, свою мірскую власть и можетъ изгнать князя, если онъ нелюбъ міру—землѣ. Князь дѣйствуетъ въ обществѣ съ самимъ же обществомъ и его власть только высшая утвердительная, или лучше, объединяющая въ себѣ власть общинъ частныхъ, на которыя дробилась тогда Русь. Въ кругу своихъ дѣйствій, касающихся общества, князь согласуется съ его бытомъ и характеромъ. Эти—

то формы зараждающагося государства должны были войти и въ церковную жизнь—въ дѣлахъ церкви должны были принять участіе князья и народъ въ той степени, въ какой относилась власть князя къ власти народа–міра.

Вѣра христіанская принимается Русью въ слѣдствіе общаго желанія князей и народа. Доколѣ это желаніе не сдѣлалось общимъ, доколѣ принятіе христіанства было дѣломъ частныхъ лицъ, хотя бы и князей, до тѣхъ поръ вѣра христіанская не могла проникнуть въ общество. Аскольдъ и Диръ по преданію были христіяне, однакоже они не могли обратить народъ въ исповѣдуемую ими религію, только дружина, и то не вся, послѣдовала ихъ примѣру. Св. Ольга, принявъ христіанство, не утвердила его силою своей власти въ своей странѣ. Святославъ не принимаетъ вѣры своей матери потому, что боится насмѣшекъ своей дружины. — Значитъ христіанство у насъ не могло явиться безъ воли самаго народа. Князья лично могли перемѣнять религію, но не могли принудить къ тому народъ, не могли, противъ его воли, ввести въ государство ту или другую религію. Эта воля народа въ принятіи такой или другой религіи высказалась ясно и положительно при Владимірѣ. Владиміръ не самъ собою склоняется въ пользу пропаганды христіанской религіи православной, но проповѣди миссіонеровъ предлагаетъ на разсмотрѣніе дружинѣ и выборнымъ отъ народа лицамъ, и потомъ изслѣдованіе вѣры на мѣстѣ снова представляетъ выборнымъ народнымъ.—Послѣ того, какъ состоялся общій выборъ вѣры, князь является главнымъ дѣятелемъ при ея введеніи, какъ исполнитель земскаго, мірскаго рѣшенія. Радость съ какою кіевляне спѣшили, по выраженію преосвященнаго Макарія [1]), ко крещенію на зовъ своего князя, была бы неумѣстна, если бы князь здѣсь дѣйствовалъ безъ вѣдома и воли народа. Слѣдов. князь является главнымъ насадителемъ вѣры и устроителемъ церкви въ своемъ государствѣ по уполномочію народа. Изъ Корсуня князь беретъ священниковъ, какъ необходимыхъ лицъ для обращенія народа къ вѣрѣ и церкви: »*Владиміръ же по семъ поемь Анастаса царицу и попы корсунски*« [2]). Съ этими попы корсунскими

---

[1]) **Исторія Русской Церкви пр. Макарія Т. I. стр. 5.**

[2]) **Лавр. Л. стр. 50.**

и тѣмъ духовенствомъ, которое было въ Руси до признанія церкви государственною, Владиміръ совершаетъ крещеніе всей земли русской и такимъ образомъ пріобщаетъ ее къ вѣрѣ и церкви. Какъ только Владиміръ ввелъ въ государство церковь по уполномоченію отъ народа, то очевидно, что не одинъ онъ долженъ былъ принять въ ней участіе. Участіе въ дѣлахъ церкви долженъ былъ принять и народъ, котораго эта перемѣна касалась ближе всего. На сторонѣ князя было то преимущество, что онъ долженъ былъ дать собою примѣръ для народа въ дѣлѣ вѣры, быть попечителемъ и руководителемъ народа въ новой вѣрѣ и церкви. Изъ своихъ собственныхъ доходовъ князь Владиміръ строитъ храмы и строитъ ихъ по преимуществу на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были языческія капища, это для того, чтобы скорѣе пріучить народъ къ хожденію въ церковь, и заставить его скорѣй забыть прежнюю вѣру. Прежде всего Владиміръ строитъ церковь во имя своего ангела Василія, затѣмъ Десятинную, которая имѣла болѣе общественное значеніе, какъ церковь соборная, потомъ строитъ церковь въ одинъ почти день, по случаю побѣды надъ печенѣгами, далѣе церковь Преображенія Господня въ Бѣлгородѣ, любимомъ своемъ мѣстопребываніи.—Вообще митрополитъ Илларіонъ замѣчаетъ о Владимірѣ, что онъ »*по всей этой землѣ* (русской) *воздвигъ церкви Христу, мнихъ Іаковъ замѣчаетъ*« *что онъ всю землю русскую украси св. церквами.* [1]). Какъ бы то ни было, но изъ числа указанныхъ преосв. Макаріемъ церквей, построенныхъ Владиміромъ, кромѣ Десятинной, всѣ строятся по личному чувству и расположенію св. князя. Это же личное чувство въ сооруженіи церквей видимъ и въ его дѣлахъ. Мстиславъ, когда пошелъ на Косоговъ, (1022 г.) далъ обѣтъ пресв. *Богородицѣ*, въ случаѣ побѣды надъ косожскимъ княземъ Роделемъ, создать церковь во имя ея: »*если я одолѣю, то созижду церковь во имя твое*«. [2]) Ярославъ также по одержаніи побѣды надъ печенѣгами, тоже вѣроятно по обѣту, заложилъ величественый каменный храмъ во имя св. Софіи или Vпостасной премудрости Божіей [3]). Далѣе

---

[1]) Истор. Рус. Церк. пр. Макарія Т. I. стр. 39.

[2]) Пол. собран. рус. л. I. стр. 63.

[3]) Ист. Рус. Церк. пр. Макарія Т. I. стр. 42.

Ярославу, какъ князю Кіева, хочется, чтобы его городъ не терпѣлъ горя и бѣдствій, и вотъ въ слѣдствіе этого на золотыхъ воротахъ онъ строитъ церковь Благовѣщенія для того, »да радость будетъ граду тому св. благовѣщеніемъ и молитвами Богородицы и архангела Гавріила«. [1]) Тоже личное чувство религіознаго благоговѣнія руководило князей въ созданіи монастырей. Ярославъ строитъ мужескій монастырь во имя своего ангела Георгія, и женскій во имя ангела жены своей Ирины. [2]) Въ первой половинѣ XII вѣка Новгородскій князь Мстиславъ строитъ монастырь на островѣ Липпю послучаю явленія тамъ иконы святителя Николая, отъ которой онъ получилъ чудесное исцѣленіе. Такимъ образомъ въ созданіи храмовъ князья руководились личнымъ чувствомъ благоговѣнія и усердія къ св. храмамъ.

Примѣру князей въ этомъ отношеніи слѣдовалъ и народъ. Всякій зажиточный членъ общества могъ построить церковь въ силу своего религіознаго чувства. Нѣкто Воигостъ построилъ въ Новгородѣ даже каменную церковь во имя св. Θеодора Тирона (1115 г.); еще какой-то Прокшедъ-тоже каменную церковь во имя Николая.—[3]) Теперь если частныя лица по своимъ личнымъ побужденіямъ могли строить церкви, то намъ понятенъ будетъ смыслъ и достовѣрность Несторова свидѣтельства, что многіе монастыри явились въ Руси отъ богатства бояръ. И если возмемъ во вниманіе, что монастырь гораздо тяжелѣе построить, чѣмъ одну какую либо церковь, и если монастырей, по Нестору, было много, то сколько-же должно было существовать церквей?—Предположеніе о многочисленности церквей можно подтвердить тѣмъ, что постройка церкви стоила не дорого; церкви у лицъ частныхъ большею частію были деревянныя и имѣли форму клѣти (т. е. избы). Основываясь на этомъ, можно повѣрить свидѣтельству Дитмара, что въ одномъ Кіевѣ, на Подолѣ еще при Владимірѣ было до 400 церквей и другому свидѣтельству, записанному подъ 1124 г., что ихъ сгорѣло заразъ въ томъ же мѣстѣ еще большее число (600).—Люди недостаточные, бѣдные, немогшіе по-

---

[1]) Пол. Соб. Р. Л. I. стр. 65.

[2]) Ист. Рус. Церк. пр. Мак. Т. I. стр. 44.

[3]) Пол. Соб. Рус. Л. III. 4. 7. 123. 124. 218.

строить для себя отдѣльной церкви, дѣлали складчину и общими пожертвованіями общиною строили для себя церковь. Такъ общиною построена была церковь во имя святаго Іоанна въ Кіевѣ на Копыревѣ концѣ; въ Бѣлгородѣ св. апостолъ, и въ Новгородѣ 6 деревянныхъ церквей. [1]) И такъ основываясь на свидѣтельствѣ Дитмара объ огромномъ количествѣ церквей, можно заключить, что у большей части зажиточныхъ лицъ были домовыя церкви — свои, собственныя, у простаго народа церкви общинныя. Снабженіе церквей ихъ принадлежностями, украшеніе принадлежало конечно тѣмъ, кто ихъ строилъ, и въ этомъ случаѣ великолѣпіе церкви соразмѣрялось съ богатствомъ и положеніемъ въ обществѣ тѣхъ лицъ, которые строили эти церкви. Князю, конечно, стыдно было имѣть у себя такую по богатству и великолѣпію церковь, какую имѣлъ его дружинникъ; послѣдній въ свою очередь не могъ уступить превосходства въ этомъ отношеніи какому либо низшему по положенію члену общества. Великій князь, какъ высшее лице въ государствѣ, долженъ былъ превзойти въ украшеніи своей церкви князей удѣльныхъ. Андрей Боголюбскій, какъ только сталъ великимъ княземъ, то, создавши городъ Володимеръ, »построилъ церковь каменну соборную св. Богородицы пречудну вельми, и всѣми видами различными украси ю и злата и сребра, двери же церковныя золотомъ устрои, каменемъ и жемчугомъ украси«. [2]) Ростиславъ князь смоленскій до того простеръ свою ревность въ украшеніи церкви, что лѣтописецъ къ расказу о созданной имъ церкви счелъ нужнымъ прибавить слѣдующія слова: »и такой небяшеть во всей той полунощной странѣ«. [3]) Это стремленіе украшать и снабжать свои церкви дорогими вещами, обращалось въ страсть, которая тоже можетъ быть была поводомъ къ усобицамъ князей. Лешковъ приводитъ любопытный фактъ, что (1066 г.) новгородскіе колокола и паникадило возбуждали зависть у Всеслава полоцкаго [4]). Сюда же должно отнести стараніе князей достать въ свои церкви предметы дорогіе для благочестиваго чувства.

---

[1]) Пол. Собр. Р. Л. II, 9. 18. III, 10. 214.
[2]) Ипат. Л. стр. 112.
[3]) Тамъ же.
[4]) Русскій народъ и государство. Лешков. стр. 363.

Такъ икона Божіей Матери — Одигитріи отдана Владиміромъ Мономахомъ въ сооруженный имъ въ Смоленскѣ Успенскій соборъ. [1])Жена вел. князя Святополка Варвара принесла мощи св. великомученицы Варвары и отдала ихъ въ кіево-Михайловскій соборъ, вѣроятно, находившійся подъ ея покровительствомъ [2]); также вѣроятно и частныя лица и общины заботились о пріобрѣтеніи для своихъ церквей то явленныхъ—чудотворныхъ иконъ, то другихъ какихъ либо вещей, дорогихъ религіозному чувству.

Итакъ какъ князья такъ и народъ русскій изъ своихъ собственныхъ средствъ самъ строилъ для себя церкви. Понятно послѣ этого, что само же общество, построивъ для себя церкви, должно было заботиться и о содержаніи ихъ, само должно было доставлять какъ имъ, такъ и ихъ служителямъ средства для существованія; также должно было и распоряжаться этими средствами по своему усмотрѣнію, короче—явиться хозяиномъ и распорядителемъ въ этомъ отношеніи. И здѣсь судьба храма и его служителей много зависѣли отъ положенія въ обществѣ тѣхъ лицъ, которыя строили церкви Такъ княжескія церкви въ матеріальномъ отношеніи должны были отличаться отъ церквей частныхъ лицъ, общинныхъ; потому что князь занималъ въ обществѣ особое мѣсто и пользовался такими правами, которыми не пользовались другіе. Чтоже дѣлаютъ въ этомъ отношеніи для церкви князья и народъ?—Съ начала наши князья не имѣли земли въ собственность; они получали дани, пользовались доходами съ судовъ, съ полюдья, съ виръ,—это была ихъ собственность. [3]) Изъ этой собственности они удѣляютъ на содержаніе храма и его служителей. Князь Владиміръ жертвуетъ Десятинной церкви и ея служителямъ десятую часть изъ своихъ доходовъ; въ своемъ уставѣ онъ говоритъ: «съ здахъ церковь святыя Богородицы Десятинную и далъ ей десятину изъ всего своего княженія, и такожде и по всей земли русской изъ княженія въ соборну церковь—отъ всего княжа суда десятую вѣкшу, изъ торгу десятую недѣлю, а изъ до-

---

[1]). Достоп. города Смоленска Музаркевича въ Чт. Имп. Моск. истор. общест. III-й годъ № 1 отд. 4. стр. 9—11.

[2]). Чети миней 4. Декаб. описаніе к. соф. соб. стр. 49.

[3]). Рус. нар. и госуд. Лешкова стр. 284.

мовъ на всякое лѣто, отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита чудному Спасу и чуднѣй Богородицѣ» [1]). Этуже десятину давали и Ярославъ и удѣльные князья созданнымъ ими церквамъ. Новгородскій князь Святославъ въ 1137 сказалъ: «уставъ бывшій прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ имѣти пискупомъ десятину и отъ даній и отъ виръ и отъ продажи, что входитъ въ княжи дворъ отъ всего.» Другой новогородскій князь Всеволодъ свидѣтельствуетъ, что софійскій соборъ въ Кіевѣ и софійскій въ Новгородѣ пользовались десятинами съ самого начала. Сохранилось тайно сказаніе, что Владиміръ завѣщевалъ десятину для туровской епархіи изъ всего туровскаго княжества [2]). Эти десятины были располагаемы такъ, что соборные церкви удѣловъ получали десятины только изъ удѣльныхъ княжескихъ доходовъ, напротивъ того, соборная церковь стольнаго города Кіева получала десятины изъ доходовъ всего государства. Такъ въ уставной грамотѣ Всеволода различаются двѣ десятины: одна, которая шла въ Кіевъ на кіево—софійскій соборъ, а другая назначалась св. Софіи въ Новгородѣ [3]), судныя же пошлины всегда шли на мѣстную епископію. Впослѣдствіи при умноженіи удѣловъ, когда князьямъ становится недостаточно доходовъ съ полгодья и виръ, они начинаютъ пріобрѣтать незанятые общиною клочки земли. Ставши землевладѣльцами, князья въ силу своего благоговѣнія могли жертвовать церкви и эту часть своей собственности. Великій князь Изяславъ уступаетъ землю подъ кіево-печерскій монастырь, которая до тѣхъ поръ была ни кѣмъ не занята [4]). Андрей Боголюбскій, кромѣ десятинъ въ стадныхъ и торга десятого прилагаетъ еще къ Золотоверхней своей церкви «многія имѣнія и слободы купленныя и съ даніями и села лѣпшая» [5]). Но предоставляя такія огромныя пожертвованія въ пользу церкви и ея служителей, князья не отдаютъ эти суммы въ произвольное распоряженіе церковной іерархіи, они сами указываютъ куда и

---

[1]). Востокъ. опис. стр. 294.

[2]). См. въ примѣчаніяхъ Ист. Рус. Цер. пр. Макарія 2 и 3 томахъ.

[3]). Повѣсть о началѣ и основаніи Псков. мон. стр. 98—104.

[4]). Рус. народъ и государство Лешкова, 284 стр.

[5]). Исторія рус. народа Полевого III т. 77 стр.

на что они должны быть употребляемы. Владиміръ предписываетъ статьи расхода церковныхъ суммъ, именно: расходъ на больницы, на гостинницы, странноприимницы, на церковные люди богадѣльные, какъ то: поломниковъ (т. е. странниковъ, возвращавшихся изъ Іерусалима съ пальмовою вѣтвію), лекаря, задушнаго человѣка (т. е. раба, отданнаго церкви господиномъ за поминъ души), на храмцевъ и слѣпцовъ. Далѣе въ своей дарственной грамотѣ онъ опредѣленно говоритъ для-чего предназначаются церковныя пожертвованія: «церковное богатство есть богатство нищихъ, возраста дѣля, сиротъ и старости, немощи и въ недугѣ впадшихъ нищихъ, въ прокормленье чадъ мнози, страннымъ прилежаніе, сиротамъ и убогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе и дѣвицамъ потреба, обидимымъ заступленіе, въ напастяхъ поможеніе въ пожарѣ и потопѣ и полоненнымъ искупленіе. въ гладѣ прокормленіе, въ худобѣ умирающимъ и покровы и гробы и погребеніе, церквямъ пустымъ и монастырямъ въ поднятіе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе и мертвымъ память; того ради на потребу церковную люди своя имѣнія давали» [1]). А потому десятины эти имѣли не одно назначеніе-содержаніе храма и его служителей; у нихъ еще было задачею помогать несчастнымъ членамъ общества. И само собою понятно, что церковная іерархія не могла здѣсь. распоряжаться этими суммами по своему произволу, она должна была подлежать въ этомъ отношеніи контролю общества, которое слѣдило за добросовѣстнымъ расходованіемъ этихъ суммъ. Такъ новг. князь Всеволодъ въ своей уставной грамотѣ, предоставляя вѣдѣніе за вѣсами, попримѣру всѣхъ князей владыкѣ, и предназначая пошлины вѣсовыя въ пользу Софійской и Предтеченской церкви, епископу онъ узаконяетъ «блюсти это безъ пакости, ни умаливати ни умножати« [2]); наблюденіе за этими доходами онъ поручаетъ избраннымъ имъ же самимъ и народомъ старостамъ. Злоупотребленіе-кража и утайка, по его уставу, наказывается смертію виновому и конфискаціею »живота его« (т. е. имущества) на трое: одна треть живота его св. Софіи, другая св. Ивану, а третія сотскимъ и Новгороду [3]). Но такъ какъ и при бли-

---

[1]). Восточ. опис. Руси. Муз. стр. 310. 312. 313.

[2]) Повѣсть о началѣ и основ. Псков. печер. мон. стр. 88—104.

[3]) Рус. достп. I. 82—85 у Карам. Т. II, примч. 267.

тельномъ надзорѣ общества за этими суммами, все таки не могли быть устранены различныя неудобства и затрудненія уже потому, что здѣсь не разграничивалось сколько должно идти на содержаніе храма, сколько служителямъ его, и сколько удѣлять бѣднымъ, то Святославъ князь новгородскій рѣшился устранить служителей храма отъ участія въ пожертвованіяхъ церкви. Въ своей уставной грамотѣ, право епископа на пользованіе десятиною, онъ замѣняетъ опредѣленнымъ жалованьемъ, въ сто кунъ въ годъ. Потомъ онъ опредѣляетъ сколько должно идти владыкѣ денегъ съ подаренныхъ ему погостовъ, соляныхъ вирницъ, и даже сколько подносить ему при объѣздѣ епархій. Точно также какъ князья назначали отъ себя содержаніе храму и его служителямъ и распоряжались въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, и частныя лица въ своихъ созданныхъ церквахъ дѣлали тоже. Содержаніе же общинныхъ церквей было дѣломъ общинъ. Эти общины въ городахъ составляли посады и стояли каждая отдѣльно. Выраженія лѣтописей: рядокъ, посадокъ такой то, а въ немъ церковь Николая Чудотворца деревянная вверхъ, да теплая Димитрій Солунскій, храмъ и утварь и все церковное строеніе рядовичь, т. е. посадскихъ людей, показываютъ, что эти посады, эти рядки не смѣшивались между собою, и церкви въ нихъ были какъ-бы ихъ центромъ, къ которому они тяготили. Внѣ города эти общины группировались въ села и тянули къ себѣ деревни, починки, сельца и займища, и такимъ образомъ составляли приходъ, по просту называвшійся, какъ и въ первомъ случаѣ, братчиною, потому что прихожане извѣстной церкви были какъ-бы родственны другъ другу по своимъ интересамъ; ихъ связывали общія заботы о церкви, общія попеченія о нищихъ своей общины, о содержаніи причта. Эти общины въ особенные, для этого назначенные, праздники устроивали пиры и на нихъ дѣлали или сборъ въ свою церковь, или же разсуждали вмѣстѣ съ священно служителями о другихъ какихъ либо нуждахъ церковныхъ. Древнія свидѣтельства показываютъ, что эти пиры совершались большею частію весною о святой недѣли и осенью на Николинъ день, и кромѣ этого въ день праздника Христова воскресенья [1]). На общую складчину

---

[1]). И теперь, во многихъ мѣстахъ Россіи, сохранился еще обычай совершать богомолье цѣлыми деревнями въ день пречис-

варилось пиво и медъ для братчины и приготовлялись яства. Въ самый день назначеннаго праздника зажигалась мірская свѣча, совершалось богомолье и дѣлался обѣдъ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, или при церкви въ притворахъ, а зимою въ домахъ священнослужителей. Такіе пиры еще устроялъ Владиміръ, онъ собиралъ на церковный праздникъ бояръ, посадскихъ и старшинъ, по замѣчанію Нестора, и уставная грамота Владиміра церкви прибавляетъ, что Владиміръ съ ними думалъ и гадалъ о нуждахъ церкви [1]. Такіе пиры задаетъ Владиміръ при закладкѣ и освященіи церквей; такъ онъ дѣлаетъ пиръ по избавленіи отъ печенеговъ, при заложеніи церкви преображенія Господня, и празднуетъ восемъ дней; потомъ скоро даетъ другой пиръ;—и всякій разъ подобные пиры устроиваются при церквахъ и сопровождаются раздачею нищимъ до 300 гривенъ и распоряженіями по дѣламъ церкви. Эти братчины—эти пиры церковные такъ были распространены и обще приняты, что зашли даже въ монастыри, что видно изъ отвѣтовъ митрополита Іоанна черноризцу Іакову и что на этихъ пирахъ бывали соблазны: играніе, гудѣніе и плясаніе [2], по словамъ христолюбца, гаданія [3], а по Нестору бывали «трубы, скоморохи, гусли, русалки игрища и позоры» [4]. Свободный входъ въ эти братчины былъ открытъ для каждаго, только бы онъ взнесъ въ общую складчину на церковныя нужды извѣстное число денегъ. Братчины эти съ ихъ патріархальнымъ устройствомъ такъ были близки и дороги сердцу русскаго народа, что онъ увѣковѣчилъ память ихъ въ своихъ пѣсняхъ: о гостѣ Садко и о Василіѣ Буеславичѣ. Вотъ нѣсколько словъ изъ этихъ пѣсней:

А и гой вы еси мужики новгородскіе!
Примите меня въ братчину Никольщину,
А я вамъ плачу сыпь не малую.
А и тѣ мужики новгородскіе

той Богородицы (въ иныхъ мѣстахъ, это богомолье совершается въ день большой Пречистой) т. е. 15 авг.), а въ иныхъ малой (т. е. 8-го сент.) далѣе, въ день св. Флора, Димитрія и проч. (Флоровщина Дмитровка).

[1]. Нест. лѣт. Кениг. 125. стр.

[2]. Рус. дост. ж. 1. 95. 100.

[3]. Опис. Рус. муз. 228 стр.

[4]. Пол. соб. рус. л. т. 1.

Принимали его въ братчину Никольщину
Далъ имъ молодцамъ 50 рублевъ.

Почти тоже самое передаетъ и другая пѣсня о Василіѣ Буэславичѣ:

Послышавъ Васька Буеслаевичь
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій съ дружиною
Пришелъ въ братчину Никольщину:
Не малу мы тебѣ сыпь платимъ
За всякаго брата по пяти рублевъ,
А за себя Василій даетъ 50 рублевъ
А и тотъ староста церковный
Принималъ въ братчину Никольщину.

Изъ отрывочныхъ сказаній лѣтописей о событіяхъ нашей древней рус. жизни трудно представить вполнѣ организацію церковныхъ братчинъ. На этотъ разъ только одинъ фактъ и переданъ лѣтописью болѣе или менѣе обстоятельно, гдѣ видно какъ далеко простиралось участіе князей и народа въ хозяйственной церковной части. Въ первой половинѣ 12-го вѣка (1134—1135) новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичь строитъ въ Новгородѣ на урочищѣ, называемомъ Петрино дворище, церковь во имя св. Іоанна Предтечи, самъ же онъ назназначаетъ и доходы въ пользу этой церкви, на свой счетъ содержитъ причтъ церковный и остаточныя суммы—30 гривенъ беретъ въ свою казну, короче–распоряжается здѣсь какъ полный хозяинъ. Но князь лицо не вѣчное, а ему хочется, что бы его церковь существовала во вѣки. И вотъ онъ сдаетъ ее въ вѣдѣніе общины—братчины, и съ этого времени въ эти права хозяйственнаго отношенія вступаетъ община-братчина, которую самъже князь формируетъ такъ: изъ житыхъ почетныхъ людей Новгорода Всеволодъ Мстиславичь выбираетъ къ этому храму трехъ старостъ, кромѣ того изъ купцовъ новгородскихъ—ихъ сословія торговаго еще присоединяетъ двухъ старостъ. Что же должны дѣлать эти выбранные княземъ старосты, чѣмъ они будутъ поддерживать благолѣпіе храма, на что, на какія суммы они будутъ содержать его? При ивановской церкви устрояется купеческое общество—братство; выбранныя княземъ лица суть члены этого общества, они купцы неполные—пошлые. Въ

это ивановское купеческое братство может вписаться всякій, кто дастъ неполнымъ купцамъ ивановскимъ пятьдесятъ гривенъ вкладу, половина которыхъ идетъ въ церковь. Это братство составляетъ торговую гильдію съ цѣлью взаимно поддерживать себя въ нуждахъ, оно завѣдываетъ торговыми вѣсами и собираетъ дань съ пріѣзжающихъ купцевъ въ пользу церкви, которая въ тоже время есть ихъ собственная общинная польза. Эта община сама управляетъ церковнымъ имуществомъ безъ вмѣшательства митрополита, епископа, бояръ и посадниковъ, и остаточныя отъ содержанія церкви суммы употребляетъ на свои общинныя нужды. Въ денъ рождества Предтечи и храмовой праздникъ, эта община устрояетъ всю церковную почесть и даетъ пиръ, для чего изъ церковныхъ суммъ беретъ 25 гривенъ, приглашаетъ въ этотъ день служить архіерея съ сосѣдними игуменами и сама назначаетъ имъ плату. По отношенію къ своему причту эта община является полнымъ хозяиномъ, она сама избираетъ для себя этотъ причтъ и вступаетъ съ нимъ въ ряду-договоръ, назначаетъ не только годовое жалованье священнику, діакону, но опредѣляетъ одни службы «потомъ пѣти у св вел. Ивана вседневная служба, а св. Захаріи (придѣлъ) по недѣлямъ во вѣки, а діакону пѣти у св. Іоанна суббота и недѣля изъ того оброку во вѣки». Здѣсь опрѣделяется даже число свѣчь, которыя должны быть зажигаемы во время службы. Изъ этого учрежденія Всеволода Мстиславича видно, что на Руси еще въ XII вѣкѣ составлялись, вслѣдствіе общиннаго духа, этого зиждительнаго начала др. русской исторіи, частныя общины съ опредѣленными какими либо гражданскими цѣлями и составлялись при церквахъ. При стремленіи др. Руси къ составленію частныхъ общинъ, можно думать, что каждая такая община составляла нѣчто въ родѣ братства съ цѣлію поддерживать благосостояніе храма и причта [1]).

Послѣ этого остается спросить, что же такое были храмы въ др. Руси, какъ смотрѣло общество на нихъ въ тогдашніе время? (о причтѣ или вообще о духовенствѣ сказано будетъ ниже) Какъ показано выше, князья и народъ сами строили церкви, сами содержали ихъ и распоряжались въ нихъ какъ заботливые хозяева. Основываясь на этомъ, можно заключить,

---

[1]). Рус. бесед. за 1857 г.

что церкви были исключительною собственностію лицъ, строившихъ и содержавшихъ эти храмы, онѣ были во владѣніи ихъ, считались собственностію ихъ какъ полагаетъ г. Лохвицкій [1]). За неимѣніемъ фактовъ нельзя сказать, могли ли продаваться и закладываться церкви тѣми, кто строилъ ихъ. Но можно предполагать, что если было много церквей домовыхъ, то по поступленіи дома въ продажу, могла продаваться при немъ находившаяся и церковь вмѣстѣ съ домомъ. Такое частное владѣніе храмами продолжалось до 1667 г., когда московскій соборъ освободилъ ихъ отъ этого. Но это явленіе др.—русской церковной жизни, столь согласное съ тогдашнимъ общественнымъ бытомъ, отвергаетъ г. Бѣляевъ [2]). Онъ говоритъ противъ Лохвицаго, что этого не было въ др. Руси, что соборъ 1667 г., положившій «и продавати и закладывати церкви нельзя» этимъ самымъ только утвердилъ правило Номоканона, имѣвшее силу у насъ на Руси всегда, и исполнявшееся строго. Но почему собору захотѣлось утверждать это правило номоканона, а не другое какое либо, г. Бѣляевъ не рѣшаетъ этого вопроса, и если бы каждому собору приходилось утверждать только то, что было на прежнихъ соборахъ, то этимъ отнималась бы у нихъ вся существенная ихъ обязанность—устроивать дѣла церкви, сообразуясь съ духомъ времени. Какъ извѣстно, всякій соборъ составлялся не иначе какъ противъ чего нибудь, какое нибудь явленіе или прямо нарушавшее догматическое положеніе церкви, или же отжившее уже, несовременное вызывало святителей церкви къ дѣятельности. Не для одного только подтвержденія того, что было прежде установлено и утверждено разъ и навсегда, не для безплоднаго повторенія стараго собирались соборы, съѣжались изъ далекихъ странъ святители и пастыри церкви, истрачивались на это огромныя суммы, а для разъясненія вопросовъ, дотолѣ можетъ быть темно понимаемыхъ, для согласія дѣлъ церкви съ прогрессивнымъ ходомъ общества—вотъ общинность соборовъ. Слѣдовательно, если соборъ 1667 г. уничтожилъ частное владѣніе церквами, значитъ до собора такое

---

[1]). Смот. рус. Вѣст. за 1857 г. статью Лохвицкаго: Цер. администрація въ др. Руси.

[2]). Рус. Бесѣда 1857 г. 7. 3. крит. разборъ г. Бѣляева на означенную статью Лохвицкаго.

владѣніе существовало. Соборъ уничтожаетъ это владѣніе, имѣя въ виду номоканонъ.

Въ церковной администраціи, какъ и въ другихъ сторонахъ церковной жизни, должны были также принять участіе князья и народъ. Церковь должна была подчиниться въ этомъ отношеніи строю земскому; обычаи и правила земли нашли мѣсто въ церковной администраціи. Номоканонъ, которымъ церковь управлялась въ Византіи, долженъ былъ потерпѣть измѣненія, подчиняясь иному общественному строю. Эти измѣненія и принаровленія были необходимы. Какъ только появился на Руси новый классъ людей—духовенство, общество должно было такъ или иначе поставить себя въ опредѣленное къ нему отношеніе. Какъ отнестись къ этимъ новымъ нравственно служивымъ лицамъ, какъ смотрѣть на ихъ права, привиллегіи, въ какое стать отношеніе къ самой ихъ дѣйствительности, принять ли намоканонъ во всѣхъ подробностяхъ и пр?—Эти вопросы должны были возникнуть съ появленіемъ новаго нравственно-служиваго людей—духовенства, и вопросы эти должны были скоро рѣшиться. Номокононъ Византіи состоялъ изъ двухъ частей—въ первой заключались правила св. Апостоловъ, 4-хъ вселенскихъ и 6 помѣстныхъ соборовъ,—эта часть, какъ догматическая, необходимо должна быть принята и быть правиломъ церковной жизни. Вторая часть номоканона, состоящая изъ постановленій императоровъ греческихъ касательно церкви, выражающая отношеніе государства къ церкви, должна была подвергнуться значительнымъ перемѣнамъ, сообразно съ строемъ и нарядомъ земли русской. Какъ та, такъ и другая часть номоканона стали извѣстны на Руси съ самыхъ первыхъ временъ. Онѣ списывались и переводились съ греческаго языка даже самыми князьями. О Ярославѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: «и бѣ Ярославъ любя церковныя *уставы*, попы любяше по велику, излиха же черноризцы, и книгамъ прилѣжа, и почитая и часто въ нощи и во дне и собра птицы многы, и прекладаше отъ грекъ на словенское письмо и спесаша книги многи [1]).

Вторая часть нимоканона немогла, какъ мы сказали, остаться безъ перемены. Правила родившіеся на греческой почвѣ, постановленія, сдѣланныя для греческаго общества, должны были

[1]). Пол. Собр. Р. Л. т. I. стр. 65.

потерпѣтъ измѣненіе при переходѣ въ русскую жизнь. Наши князья на этотъ разъ должны были давать новыя законоположенія для церкви, которыя, не выходя изъ круга, очерченнаго каноническими правилами церкви, въ тоже время примѣнялись бы къ строенію и быту русскаго общества. Еще о Владимірѣ замѣчено, что онъ собиралъ пастырей и совѣщался съ ними о томъ, какъ установить законный порядокъ среди неокрѣпшаго молодаго общества, среди людей, недавно познавшихъ Бога [2]), и составилъ въ слѣдствіе этихъ совѣщаній уставъ, который, съ одной стороны, есть приложеніе и принаровленіе къ условіямъ жизни русской общаго церковнаго, и въ частности византійскаго, законоположенія,—съ другой, опытъ мѣстнаго, самобытнаго церковно—общественнаго законодательства въ Руси. Изъ устава Владиміра, подтвержденнаго князьями Ярославомъ, Всеволодомъ и др. видно, что всѣ они охотно уступаютъ суду церковному, кромѣ дѣлъ духовныхъ, много дѣлъ не церковнаго характера, дѣлъ мірскихъ—кромѣ губныхъ. Такая уступка была съ одной стороны результатомъ уваженія къ духовенству, съ другой и главнымъ образомъ то, что духовенство обладало большею суммою административныхъ способностей, какъ классъ людей болѣе образованный. Въ грамотѣ вел. кн. Владиміра подробно перечисляются всѣ суды, которые отдаются въ вѣденіе духовенства. Послѣ завѣщанія дѣтямъ, не вступаться въ церковныя дѣла и суды, онъ такъ перечисляетъ дѣла, которыя онъ отнесъ къ суду духовному: »роспускъ, смилное заставаніе, пошибаніе, а умычки, промежи мужемъ и женою о животѣ ихъ, въ племени или въ сватовствѣ поимутся, вѣдовьство, потвори, чародѣаніе въ въхвованіе, зеленничьство, уреканіа три: блѣднею, и зелій, и еретичствомъ, зубосажа, или сынъ отца біетъ, или матерь дочька біеть или сноха свекровь, или кто уречется скверными словы и прилагая отца и матерь, или сестры, или дѣти, а любо племя, тягнутся о задніци (наслѣдствѣ), церковная татба, мертвецы сволочать, крестъ посѣкутъ, или на стѣнахъ трески емлють изъ креста, скотъ, или псы птици безъ великі нужда въ ведеть въ церковь, или что неподобно церкви съ дѣеть, или два друга имѣтася бити единого жена другаго иметь за лоно и раздавить

---

[2]). М. Илар. похв. Влад.—приб. тв. св. О. 11, 277.

или кого застануть съ четверокожною, или кто подъ овиномъ молится, или въ ржи или подъ рощенiемъ, или у воды, или дѣвки дитя поврьжеть. Тыя вси суды церквамъ Божьимъ даны суть закономъ Божьимъ, по правиламъ святыхъ отецъ, христiаньскими цари и князи во всѣхъ христiанскихъ людехъ... Князю, и бояромъ и судiамъ не прощено отъ закона Божья вступатися втыя суды» [1]). Такимъ образомъ князья часть своей власти въ судѣ предоставляютъ духовенству. Оно должно было вѣдать и судить преступленiя семейныя, семейныя тяжбы за наслѣдство (задници), проступки противъ чистоты нравственной и тѣ дѣйствiя, которыя стали преступленiями съ принятiя христiанства и были отголоскомъ язычества, каковы: моленiе подъ овиномъ, въ ржи, подъ рощенiемъ (въ рощахъ), у воды и т. п. Эти пороки духовенство должно было искоренять, и чтобы были дѣйствительнѣе духовныя эпитимiи, налагаемыя пастырями за подобныя проступки, имъ данъ былъ и судъ надъ ними. Эти проступки духовенство, по уставу Ярослава, обличало денежными пенями въ пользу свою и князя. Но предоставивъ епископамъ такую обширную дѣятельность, князья неотказались съ одной стороны отъ надзора за правильностiю ихъ суда и приговоровъ, съ другой—тѣмъ самымъ поставили духовенство въ столкновенiе съ общественными формами государственной жизни. Судебная дѣятельность духовенства въ силу этого должна была раздѣлиться на два вида: по дѣламъ духовенства—по духовнымъ дѣламъ и по дѣламъ мiрскимъ. Въ послѣднемъ видѣ судебной дѣятельности духовенства необходимо должны были принять участiе князья. Въ этой дѣятельности духовенство по дѣламъ мiрскимъ, въ этомъ судѣ, вызванномъ то столкновенiемъ лицъ духовныхъ съ свѣтскими, то дѣлами сговорными, брачными, разбойными и пр. куда были замѣшаны интересы общества, судъ долженъ былъ производиться при участiи общества, на основанiи кореннаго обычая русскаго: въ дѣлахъ общихъ судъ смѣсный. Такъ еще въ уставѣ Владимира замѣчено о столкновенiи лицъ духовныхъ съ свѣтскими: «аще будетъ иному человѣку съ тѣмъ человѣкомъ (духовнымъ) рѣчь,

---

[1]). Рвп. Рум. Муз. № CCXXXII. л. 198; Опис. Восток. стр. 294.

[2]). Jbid.

то судъ обчій [2]). Слѣдов. здѣсь мірскіе люди судили на ровнѣ съ духовными. Что касается до суда духовенства мірскихъ дѣлъ, гражданскихъ преступленій, то здѣсь опять судъ смѣсный; въ уставѣ князя Ростислава читаемъ: «а съ уволочетъ кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ на полы иди посадникъ что возметъ свои тяжи то съ епископомъ на полы.» [1]) А потому здѣсь какъ пошлина съ суда, такъ и самый судъ у князя съ епископомъ былъ общій. Такимъ образомъ, хотя духовенству, по грамотамъ Владимріа, Ярослава, Всеволода и другихъ, многія гражданскія преступленія предоставлены были суду духовныхъ лицъ, но этотъ судъ производится съ участіемъ князей. Собственно духовенство только принимало участіе въ судахъ по дѣламъ мірскимъ,—и степень участія въ этихъ судахъ невсегда и не вездѣ была одинакова. Иногда духовенство судило наровнѣ съ свѣтскими лицами, иногда присутствовало только по судахъ, подобно нашимъ депутатамъ, и оберегало своихъ людей отъ обидъ по суду. Въ дѣлахъ тяжебныхъ, въ искахъ по обязательствамъ, духовенство судило своихъ вмѣстѣ съ тіунами; въ дѣлахъ сговорныхъ и по участію лицъ духовныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, духовные судьи только засѣдали въ судахъ. [2])

Участвовали ль князья и народъ въ дѣдахъ собственно по духовному вѣдомству? Въ уставахъ Владиміра, Ярослава, Всеволода, Ростислава выражаетъ общее положеніе: » въ дѣлѣ церковныхъ людей не вступаются на князи, ни княжи волостели, а вѣдаютъ ихъ епископы по правиламъ св. Отецъ.» Въ самыхъ новгородскихъ грамотахъ епископамъ усвояется полная власть въ этихъ дѣлахъ каждый разъ, какъ возникаетъ судъ, касающійся вѣры и церковнаго дѣла, то онъ судится соборомъ іерарховъ, гдѣ князья и народъ присутствуютъ какъ свидѣтели и принимаютъ на себя власть только исполнительную. При Глѣбѣ въ Новгородѣ являются волхвы и проповѣдуютъ антихристіанское ученіе. Эти волхвы преслѣдуются княземъ Глѣбомъ послѣ осужденія ихъ епископомъ предъ всѣмъ народомъ. [3]). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ князья вмѣшиваются и въ церковныя

---

[1]). Допол. къ Акт. Ист. т. I, № 4. стр. 7.
[2]). Акт. Ист. I. № 106. Акт. Арх. Экс. 4. № 161.
[3]). Пол. Собр. Р. Л. I, 63—64.

дѣла и часто поступаютъ по своему усмотрѣнію. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба подало поводъ къ вмѣшательству князей въ это церковное дѣло: «распри же бывши между Володимеромъ и Давидомъ и Олегомъ. Володимеръ хотяше и поставити средѣ церкви, и теремъ серебряный поставити надъ ними, а Олегъ и Давидъ хотяшета поставити я въ камору, идѣже отецъ мой, рече, назнаменовалъ, на правой сторонѣ, идѣже бяста устроенѣ камора има.» [8]) Митрополитъ, для прекращенія распри, предложилъ рѣшить дѣло жребіемъ «верзите жребіи, да гдѣ изволита мученика, ту и поставимъ, и вгодно се бысть и положи Володимеръ свой жребій и Олегъ свой, и постави я въ камору.» [9])

Судъ надъ людьми духовными и *церковными* принадлежалъ епископамъ. По грамотѣ Всеволода эти люди перечисляются такъ: «а се церковныя люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ;— а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задумный человѣкъ, изгойской: поповъ сынъ грамотѣ неумѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се же и четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще князь оспротѣетъ; монастыреве, больницы, гостинницы, странно пріимницы, то люди церковныя, богодѣльные, или митрополитъ, или Епископъ: тѣ вѣдаютъ между ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница (наслѣдство), или будетъ иному человѣку съ тѣми людьми рѣчь или общій судъ—своимъ тіупомъ приказываю суда церковнаго необидѣти. [1]). Всѣ эти лица подлежали суду мѣстнаго епископа. Но иногда князья давали нѣкоторымъ монастырямъ несудныя грамоты, по которымъ настоятель судился у князя, а братія у настоятеля, минуя епископа. Потомъ, хотя немного позже, встрѣчаемъ грамоту къ митрополиту Кипріану отъ вел. кн. Василія Димитріевича 1389 г. гдѣ, за отсутствіемъ митрополита, судъ надъ церковными людьми беретъ на себя самъ князь:» а не пригодится митрополита въ великомъ княженіи, коли кудѣ отъѣдетъ въ свою митрополью далѣе, а ударитъ кто челомъ мнѣ,

---

[8]). Ипат. Л. стр. 5.
[9]). Jbid.
[1]). Повѣс. о нач. и основ. псков. печ. мон. стр. 99.

великому князю, на митрополичьяго человѣка, и мнѣ великому князю судити.» Иногда князья чинять управу и надъ самими епископами. Въ 1208 г. Всеволодъ, князь Владимірскій, раздраженный непокорностью рязанцевъ, приказалъ сжечь ихъ городъ, а ихъ самихъ отводить въ плѣнъ,—вмѣстѣ съ прочими арестуетъ епископа ихъ Арсенія и содержитъ его въ заточеніи четыре мѣсяца [1]).

Что касается до общинъ, составлявшихъ приходъ при церкви—братчину, то они участвовали въ судахъ духовенства чрезъ своихъ выборныхъ. Судъ этихъ общинъ—братчинъ, въ особенности въ Новгородѣ, гдѣ народная власть была велика, имѣлъ важное значеніе: «а братчина судитъ, какъ судья.» [2]) Вѣроятно объ этихъ то общинахъ или братчинахъ, судившихъ какъ судья, и писалъ митрополитъ въ посланіи своемъ къ Псковичамъ 1395 года:» что есмь слышалъ, ажъ псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ христіанскаго закона; негодится міряномъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него немолвити; но кто ихъ ставитъ святитель, ино тотъ ихъ и судитъ и казнитъ и учитъ.» [3]). Въ Новгородѣ, когда новгородцы призвали управлять епархіею больнаго, онѣмѣвшаго Антонія, они дали ему въ помощь, для управленія дѣлами епархіи, два мужа: Якуна Моисеевича и Микифора Щиткина.

Такимъ образомъ и въ административной части духовенство не стояло отдѣльно отъ общества; напротивъ изъ народной юридической практики, изъ обычаевъ народныхъ оно само внесло многое въ свою судебную дѣятельность, въ свою администрацію церковную. Оно судило вмѣстѣ съ народомъ свои дѣла, и поелику духовенство принадлежало обществу наровнѣ съ прочими лицами и классами, поелику оно составляло часть его: то очевидно оно могло быть судимо этимъ же обществомъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя затрогивали общественные интересы. Это и немогло быть иначе. Наше духовенство, хотя въ началѣ и чужеземное, не составляло касты; общественныя формы древнерусской жизни и самый характеръ восточнаго православія не-

[1]). Пол. Собр. Р. Л. стр. 183.
[2]). Въ Русск. Бесѣд. За 1857 г.
[3]). Истор. Акт. т. I. № 9.

могли допустить того, чтобы духовенство образовало изъ себя замкнутый институтъ. Христіанская вѣра, принятая Русью добровольно, стала вѣрою народною, національною. Духовенство, какъ служители вѣры, должно было сдѣлаться также національнымъ. Интересы земли должны были сдѣлаться и ихъ интересами; ибо наше духовенство не имѣло въ Византіи такихъ интересовъ, какіе западное духовенство имѣетъ въ Римѣ. Отсюда въ дѣлахъ церковныхъ вездѣ въ древней Руси проходитъ начало національное то въ видѣ власти князя, то въ видѣ власти братчинъ и под. Потому что самая церковь русская съ самыхъ первыхъ временъ, стала церковію національною, народною—въ полномъ смыслѣ *Русскою*. Въ ней по этому долженъ былъ отразиться и своеобразный русскій духъ и своеобразный общинно—земскій строй русскаго народа.

(Окончаніе впредъ).

XIX.

ЕЩЕ О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(*По поводу статьи г.* **Чечурина** *въ 72, 74, 76* №№ *С. Петерб. Вѣдомостей:* **Народныя училища въ югозападномъ краѣ**).

На дняхъ мы прочитали вышедшую въ Кіевѣ маленькую брошюру: *Народныя училища гражданскаго вѣдомства въ кіевской епархіи.* Авторъ ея коротко и просто, на основаніи *оффиціалныхъ источниковъ*, излагаетъ причины и ходъ открытія этихъ школъ, указываетъ ошибки дѣла, кривые пути, которые дозволили себѣ исполнители его и тѣ грустныя слѣдствія, къ какимъ неминуемо и непосредственно ведутъ они.—Въ тоже время мы прочитали въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статью г. Чечурина о томъ же дѣлѣ. Авторъ широко раскинулъ свой планъ, и обнялъ все положеніе народныхъ школъ въ кіевской губерніи. Но онъ излагаетъ это дѣло въ иномъ совсѣмъ видѣ: онъ пишетъ апологію учебному вѣдомству, учредившему народныя гражданскія школы, и сильно обвиняетъ духовенство въ несправедливости и неискренности, съ какими оно будто отнеслось къ «раціональнымъ» дѣйствіямъ его, въ невѣжествѣ и грубости, отъ которыхъ будто страдаетъ въ этой губерніи народное образованіе.—Кто правъ, кто виновенъ? Уже одно то, что г. Чечуринъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій кіевскаго генералъ губернатора самъ же участвовалъ въ этихъ дѣлахъ учебнаго округа, былъ однимъ изъ агентовъ его (вмѣстѣ съ г. Туловымъ), слѣдова-

тельно хвалитъ самаго себя, заставляетъ посторонняго слушателя осторожнѣе относиться къ его симпатіямъ и антипатіямъ. А безусловность, съ какою онъ обвиняетъ духовенство, и въ которой слышатся только общія, старыя, избитыя фразы, и ничего мѣстнаго, собственнаго, прямо дышетъ пристрастіемъ, предъубѣжденіемъ. Г. Чечуринъ говоритъ въ концѣ своей статьи: «Надѣемся, что глубокое наше убѣжденіе, откровенно высказанное, оградитъ насъ отъ *несправедливыхъ* подозрѣній и *неблагонамѣренныхъ* обвиненій.» Такая надежда не основательна; потому только, что мы убѣждены глубоко и высказываемся откровенно, нельзя напередъ называть всякое подозрѣніе несправедливымъ и всякое обвиненіе неблагонамѣреннымъ. Можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, въ чемъ нужно бы убѣждаться осторожнѣе и раціональнѣе, и что, при болѣе спокойномъ, правильномъ отношеніи нашемъ, дало бы иныя убѣжденія; можно откровенно высказывать то, чего вовсе не слѣдовало бы высказывать, что не справедливо. Наши подозрѣнія и обвиненія г. Чечурина въ пристрастіи и предубѣжденіи совершенно оправдались, когда мы повѣрили дѣло *подлинными* документами,—мы увидѣли, что онъ убѣдилъ себя поспѣшно и— въ несправедливости, откровенно высказалъ то, что на дѣлѣ далеко не такъ было. Незнакомый съ самимъ дѣломъ можетъ подумать, что г. Чечуринъ, какъ очевидецъ и участникъ въ немъ, знаетъ его хорошо и излагаетъ вѣрно Статья его, поэтому, пріобрѣтаетъ особенное вниманіе, и мы рѣшаемся раскрыть подлинную степень справедливости ея.

Г. Чечуринъ обнимаетъ всю исторію школъ въ югозападномъ краѣ, и описываетъ сначала школы священниковъ, а потомъ—процессъ учрежденія школъ министерскихъ, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, народныхъ.

Сначала онъ говоритъ объ учрежденіи приходскихъ школъ. Онъ напираетъ здѣсь на то, что *инииіатива* этихъ школъ принадлежитъ *гражданской власти*,—что духовенство *не само взяло* на себя трудъ народнаго образованія, а онъ *возложенъ* на него,—что дѣятельность духовенства была въ этомъ дѣлѣ *недобровольная*, вызванная *не любовію къ ближнему и желаніемъ общей пользы*,—что правительственная власть возложила этотъ трудъ на духовенство только потому, что необходимость школъ «застигла ее (*насъ* выражается г.

Чечуринъ) совершенно въ расплохъ,»—что такъ поступила она только «въ крайнемъ случаѣ.» На этомъ онъ основываетъ потомъ оправданіе мѣстной правительственной власти, которая могла поступить съ школами священниковъ, какъ съ своею собственностью, основываетъ и обвиненія духовенству, которое не захотѣло впослѣдствіи безусловно подчинить свои школы всѣмъ требованіямъ этой власти.—Что сказать объ этомъ? Народъ нашъ, до извѣстнаго манифеста, находился въ такомъ положеніи, что съ какой бы стороны ни подойти къ нему, вездѣ встрѣчались такіе щекотливые вопросы, которыхъ никто не въ силахъ былъ разрѣшить, кромѣ власти правительственной, замкнувшей въ своихъ рукахъ всякое чужое свободное возбужденіе. Само министерство просвѣщенія, въ пятдесятъ слишкомъ лѣтъ своего существованія, ничего почти не сдѣлало въ этомъ отношеніи для народа. Даже, наконецъ, само верховное правительство не могло сдѣлать тутъ ничего. Екатерина II-я съ Бецкимъ долго мечтали о народномъ образованіи, но успокоились только на проэктахъ, и сочли лучшимъ обратиться къ смольному институту. При Александрѣ I-мъ, еще жарче взялись за это дѣло, и опять ничего не сдѣлали. Въ 1828 году, Высочайше утвержденъ даже проэктъ и программа народныхъ школъ, но на этомъ и покончили. Но кому же принадлежитъ у насъ честь перваго, дѣйствительнаго учрежденія народныхъ школъ? Духовенству. Еще въ 20-хъ годахъ въ южныхъ губерніяхъ видны были слѣды народныхъ школъ въ каждомъ приходѣ. Въ свое время, эти школы удовлетворяли тогдашнимъ потребностямъ народа, и между послѣднимъ было тогда несравненно больше грамотныхъ, чѣмъ въ настоящее время. Но мѣстная гражданская власть не хотѣла и знать этихъ школъ, и школяровъ разгоняла, какъ бродягъ, или какъ дармоѣдовъ. Крѣпостное право усилилось, отецъ не могъ располагать свободно и 8 лѣтнимъ сыномъ, помѣщикъ имѣлъ для него свою всегдашнюю *панщину*. Учитель такой школы, носившій названіе *директора*, занимавшій въ тоже время должность церковнаго пѣвца, обреченъ только на эту послѣднюю должность, которая затѣмъ унижена въ глазахъ народа, оставаясь при одномъ названіи *дьячковства*. Каковы бы ни были эти школы, выдержавшія борьбу съ польскимъ гнетомъ онѣ,

при поддержкѣ, могли бы выполнить свое назначеніе, какъ выполняли его въ своемъ началѣ (16 и 17 вѣкѣ), онѣ поддерживали бы и развивали бы въ народѣ православно-русскій элементъ, какъ это дѣлали прежде, и нынѣшнія продѣлки польской пропаганды не застали бы никого «врасплохъ.» Но поддерживать ихъ не могла тогда никакая сила, кромѣ правительственнаго содѣйствія *Правительственная власть* не старалась даже знать о нихъ, и потому онѣ всѣ уничтожились.— Съ 1835 года духовенство начало хлопотать о постоянныхъ школахъ для народа. Побужденіемъ къ этому для однихъ былъ расколъ увлекавшій во многихъ губерніяхъ цѣлыя массы народа, для другихъ—простая и великая польза для народа отъ образованія. Къ 1843 году духовенство кіевской губерніи открыло школы при каждой почти церкви. Но грустно вспоминать объ этихъ школахъ. Помѣщики приказывали палками выгонять учениковъ изъ школы *на панщину*, преслѣдовали священниковъ, раззоряли ихъ хозяйство. Одинъ помѣщикъ кіевскаго уѣзда, генералъ N., прямо запретилъ священнику своей деревни заводить школу, и, потребовавъ къ себѣ письменное распоряженіе кіевской консисторіи объ учрежденіи школъ, объявилъ, что отошлетъ его «къ губернатору для уничтоженія.» Такъ дѣйствовали тогда русскіе патріоты, нечего и говорить уже о шляхтичахъ. Всѣ жалобы духовенства, просьбы о содѣйствіи оставались тщетными: гражданская власть, къ которой обращаемы были эти просьбы и жалобы, льстила патріотамъ—генераламъ, исправники и становые жили на хлѣбахъ у шляхтичей. Понятно, что школы эти не могли устоять. Остаются до сихъ поръ только тѣ изъ нихъ, которыя заведены священниками въ деревняхъ государственныхъ имуществъ, потому что министерство не стѣсняло ихъ, а въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, взяло ихъ въ непосредственное свое управленіе. Наконецъ явился манифестъ о созваніи дворянъ для освобожденія крѣпостныхъ. Прежде чѣмъ гражданская власть пришла къ мысли объ учрежденіи школъ, духовенство кіевской губерніи по мѣстамъ уже открывало ихъ. Такъ школа въ м. Ольховцѣ (звенигород. уѣзда) открыта свящ. Вас. Олтаржевскимъ въ 1858 году; въ томъ же году существовала уже школа въ с. Ступичной (звенигород. уѣзда), въ с. Соловіевкѣ (рад. уѣз.) и въ др. Дѣло это, по мѣрѣ приближенія завѣтнаго срока

освобожденія, безъ всякаго сомнѣнія, развилось бы и устроилось само собою, безъ участія гражданской власти, которая, послѣ освобожденія крестьянъ, не такъ уже нужна для священника, только бы не мѣшала она ему.—Послѣ сего, какой смыслъ въ фразахъ г. Чечурина: духовенство *не само взяло* на себя народное образованіе, а оно *возложено* на него правительственною властью,—«дѣятельность духовенства въ этомъ дѣлѣ была *недобровольная*, вызванная *не любовію къ ближнему и желаніемъ общей пользы*, а возложено на него?» Справедливо ли, что *иниціатива* школъ народныхъ въ кіевской губерніи принадлежитъ гражданской власти? Если гражданская власть, возбуждаемая съ одной стороны успѣхами польской пропаганды, съ другой стороны напряженною, при всей матеріальной безпомощности своей, дѣятельностію православнаго духовенства поднялась наконецъ на подвигъ народнаго образованія, и пригласила духовенство къ этому дѣлу, вовсе незнакомому для нея, и давно знакомому для духовенства, которое столько хлопотало предъ нею объ этомъ прежде; то можно ли отрицать въ духовенствѣ любовь къ ближнему и желаніе общей пользы, а представлять его только черствымъ и пассивнымъ исполнителемъ распоряженій гражданской власти, которыя—прибавимъ при этомъ—не имѣютъ въ подобныхъ дѣлахъ для духовенства обязательной силы?—Далѣе: г. Чечуринъ утверждаетъ, что гражданская власть только потому обратилась къ духовенству, что сама застигнута была «врасплохъ» (г. Чечуринъ и не подозрѣвалъ, какой сарказмъ говоритъ онъ этимъ гражданской власти! Необходимость народнаго образованія, понятая турецкою и японскою гражданскою властью, давно провозглашаемая у насъ всѣми почти сословіями, кіевскую гражданскую власть, въ 1860 году, застигла «врасплохъ»), и находилась «въ крайнемъ случаѣ» (опять комплиментъ!), и значитъ, вовсе не желала бы видѣть народное образованіе въ рукахъ духовенства, не симпатизировала его вліянію на народъ въ этомъ дѣлѣ. Не то читаемъ въ оффиціальныхъ отношеніяхъ князя Васильчикова къ епархіальному начальству въ 1860 году: въ нихъ щедро разсыпаны похвалы духовенству, подробно и опредѣленно (было, значитъ, время подумать) доказывается, что народное образованіе сроднѣе и ближе всего къ духовенству, что ни отъ кого другаго нельзя ожидать такихъ успѣховъ для этого дѣла, какъ отъ священни-

ковъ, которые одни могутъ положить прочныя основы для нравственнаго народнаго развитія. Выходитъ одно изъ двухъ: или г. Чечуринъ клевещетъ на гражданскую власть, и значитъ не заслуживаетъ довѣрія въ своихъ показаніяхъ, или же онъ обнаруживаетъ такія свойства въ прежней кіевской гражданской власти, по которымъ никакой честный и прямодушный человѣкъ не долженъ имѣть довѣрія къ ней.

Перейдемъ къ первоначальному состоянію школъ, открытыхъ духовенствомъ въ каждомъ приходѣ. Г. Чечуринъ представляетъ его въ самомъ жалкомъ видѣ, онъ видитъ только недостатки, и притомъ самые крайніе и случайные, соединяетъ ихъ въ одно общее представленіе, исключающее всякое движеніе мысли и жизни, одуряющее и развращающее народъ, и это представленіе выдаетъ за вывѣску самой сущности священническихъ школъ. Это состояніе приходскихъ школъ полагаетъ онъ прямымъ слѣдствіемъ того состоянія умственнаго и нравственнаго, въ которомъ находится духовенство. По мнѣнію г. Чечурина, вся послѣдующая дѣятельность гражданской власти и учебнаго вѣдомства въ отношеніи къ народному образованію, зависѣла преимущественно отъ неспособности къ нему духовенства, и потому онъ старается возможно ярче представить эту неспособность его: умъ, нравственность, религіозность, администрація, домашній бытъ—все выдвинулъ онъ и представилъ въ безобразномъ видѣ. Мы не будемъ защищать духовенство отъ этихъ жалкихъ обвиненій, это значило бы сражаться съ мыльными пузырями, которыми бросаютъ въ васъ дѣти. Г. Чечуринъ положилъ себѣ цѣлію оправдать «дѣйствія учебнаго вѣдомства» въ такомъ дѣлѣ, къ которому судьба привязала и его; но эти дѣйствія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оправданы, если не будетъ обвинено духовенство, нужно, значитъ, обвинять изо всѣхъ силъ. Потому здѣсь и могли быть только общія мѣста, описанія и фр зы, давно разбросанныя въ нѣкоторыхъ журналахъ, и теперь въ невинности сердца повторяемыя людьми, которыхъ притиснетъ нужда и безплодіе на половинѣ дѣла, о которомъ по увлеченію, они взялись написать статью.—Намъ могутъ возразить, что г. Чечуринъ лично наблюдалъ бытъ сельскаго священника и приходскихъ школъ, слѣдовательно говоритъ о свѣжихъ дѣлахъ. Посмотрите же на его опыты и наблюденія: указать ихъ начало

и способъ значитъ раскрыть степень вѣроятности тѣхъ описаній, которыя построены на нихъ.— Г. Чечуринъ однако, имѣя возможность лично дознать то или другое, самъ не всегда полагается на свой опытъ, и занимаетъ его у другихъ. Такъ, онъ обращается къ опыту *Помяловскаго*: «Бурсацкіе типы,» чтобы доказать «безобразіе духовныхъ училищъ»—аргументъ весьма важный для него, потому что изъ него, какъ по маслу плывутъ увѣренія, что духовенство неспособно къ народному образованію, что оно только уродуетъ умъ и нравственность крестьянскихъ дѣтей. На этотъ опытъ мы и тогда не согласились бы, если бы вы признали, что напр. «Губернскіе очерки»—*Щедрина* списаны съ высшаго кіевскаго чиновничества. Въ *Отеч. Запискахъ* тогда же объявили, что типы Помяловскаго крайне изуродованы и рѣшительно невѣрны. Самъ же Помяловскій потомъ, когда нѣкоторые писатели признали его первый очеркъ за вывѣску современности, выразилъ свою досаду на нихъ, и объявилъ, что его типы относятся къ давно минувшимъ днямъ. «И жаль, и досадно, говоритъ онъ въ заключеніи «Бурсацкихъ типовъ» что нѣкоторые писатели заявили, будто я все исчерпалъ въ «Зимнемъ вечерѣ въ бурсѣ».... Бурса будетъ въ моихъ очеркахъ, *какъ и на дѣлѣ было, постоянно улучшаться*. Чтобы постепенно дойти до современнаго состоянія своего предмета, онъ требуетъ «восемь очерковъ,» восемъ степеней, и въ послѣднихъ обѣщаетъ вывести «симпатическіе типы,» свѣтлыя стороны. «Но если придется, говоритъ онъ, ограничиться этими двумя очерками, то будетъ очень жаль, потому что читатель тогда не получитъ полнаго понятія о томъ, что такое бурса, и потому относительно составитъ о ней *ложное* представленіе.»—Въ другомъ случаѣ г. Чечуринъ, утверждая, что духовенство до того узко понимаетъ свои улучшенія, что ограничиваетъ ихъ одною матеріальною стороною, ссылается на духовные журналы. Но кто читалъ духовные журналы хотя въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ, для того эта ссылка г. Чечурина покажется крайне легкомысленною и недобросовѣстною.–Такъ онъ пользуется чужими опытами. Онъ знаетъ о нихъ по отрывкамъ, по слухамъ, передаваемымъ въ извѣсномъ кружкѣ, въ которомъ вся сумма представленій и выводовъ состоитъ изъ сплетней, потому что у него нѣтъ ни времени, ни охоты вникать въ дѣло.

Понятно, послѣ сего, каковы будутъ собственные опыты

г. Чечурина, какая односторонность и ложь будетъ въ его наблюденіяхъ. Онъ крѣпко стоитъ на точкѣ аристократо—чиновничьей, и преданъ ей въ невинности сердца, какъ единственному спасенію грѣшнаго міра. Съ этой-то точки онъ дѣлаетъ свои наблюденія, ею измѣряетъ достоинство каждаго предмета. Въ одномъ случаѣ онъ является глубоко вѣрующимъ въ образовательное и нравственное значеніе паркета, comme il faut—наго общества, которое коробитъ одна мысль о домашнемъ хозяйствѣ, бѣдной хатѣ, обращеніи съ мужикомъ. «Священникъ *бѣденъ*—наблюдаетъ г. Чечуринъ—живетъ въ *тѣсной и бѣдной хатѣ*. Все время его, свободное отъ церковной службы и духовныхъ требъ, занято заботами *о хозяйствѣ и матеріальномъ его положеніи*. Такая жизнь—дѣлаетъ онъ выводъ изъ своего наблюденія—какъ извѣстно (кому же кромѣ одного кружка?) *мало способствуетъ развитію духовной стороны человѣка и убиваетъ всякую умственную дѣятельность*, не говоря уже о томъ, что отрѣшеніе отъ *общества* (какого же?) и пребываніе *въ грубой средѣ* (бѣдный русскій народъ! когда же наконецъ аристократическій взоръ увидитъ въ тебѣ другую твою, свѣжую и здоровую сторону?) влечетъ за собою разные *пороки*.» И такъ, священникъ, въ глазахъ г. Чечурина, находится въ умственной летаргіи, сталъ жалкимъ существомъ потому, что не ходитъ по паркетному полу, не живетъ въ хорошемъ обществѣ! Можетъ быть это, можетъ быть и совершенно другое въ деревенскихъ обстановкахъ, такъ же какъ и въ *хорошемъ образованномъ* обществѣ выростаютъ и глупцы и люди умные. Другой опытъ. Представивъ учебную и административную часть священническихъ школъ въ самомъ безобразномъ видѣ (съ точки аристократизма и типовъ Помяловскаго), а отсюда потомъ—необходимость для народа особыхъ школъ, онъ захотѣлъ сдѣлать все это голосомъ и желаніемъ самаго народа. Кто же теперь изъ передовыхъ людей не прибѣгаетъ къ голосу народа? Но грустно смотрѣть, какъ они вытягиваютъ изъ народа его голосъ! Въ рукахъ г. Чечурина одно изъ могущественныхъ средствъ—заставить народъ дать такой голосъ, какой ему угодно, именно—чиновничество, онъ и держится всѣхъ правилъ бюрократизма. «Въ каждомъ селеніи, говоритъ онъ есть *нѣсколько* передовыхъ крестьянъ, которыхъ можно назвать прогрессистами; весьма часто правдивый голосъ

ихъ заглушается дикими и упорными криками невѣжественнаго *большинства.*» И такъ, въ цѣломъ обществѣ онъ выдѣляетъ для себя только нѣкоторыхъ лицъ, и отъ нихъ хочетъ узнать голосъ народа; большинство гдѣ кроется дѣйствительная мысль и нужда народа, онъ презираетъ какъ дикое и упорное невѣжество. Но кто же эти лица «передовые крестьяне, которыхъ можно назвать прогрессистами?» «Они—говоритъ г. Чечуринъ о себѣ и о г. Туловѣ, по пріѣздѣ въ селеніе, тотчасъ собирали *выборныхъ должностныхъ лицъ*, и обращались къ нимъ..!! И такъ, старшины, десятскіе—вотъ «передовые крестьяне, которыхъ можно назвать прогрессистами.» Какъ чиновникъ, онъ не хочетъ имѣть дѣла съ нечиновною толпою. Но кто же, кромѣ рьяныхъ чиновниковъ, не видитъ, что выборные чины у народа теперь не тѣ лица, которыхъ желалъ бы народъ, а тѣ, которыхъ подставили ему посредники, помѣщики и земская полиція,—что народъ поэтому не довѣряетъ имъ,—что эти простодушные хранители невѣдомаго имъ закона теряются въ присутствіи высшей власти, и всякое слово ея принимаютъ какъ приказъ, карающій за неисполненіе его? Но «передовые, прогрессисты» созваны: наѣхали чиновники отъ губернатора, ступай слушать приказъ. Какъ же дознаютъ эти чиновники отъ нихъ народный голосъ! Спрашиваютъ ли ихъ просто о мнѣніи народа? Нѣтъ, напередъ дадутъ имъ почувствовать весь ореолъ своего значенія, потомъ декламируютъ цѣлыя тирады о попечительности начальства, о благѣ народномъ отъ нея и проч., наконецъ уже спрашиваютъ—простодушный прогрессистъ даетъ имъ какой угодно отвѣтъ «Они собирали.... и обращались къ нимъ *съ рѣчью* (!) о необходимости грамотности и о пользѣ просвѣщенія, въ чемъ крестьяне по большей части соглашались.» Какъ это дико! Къ чему тутъ *рѣчь*, въ которой мужикъ ничего не пойметъ? Вы говорили о пользѣ просвѣщенія, а вашимъ прогрессистамъ за спинами вашими виднѣлся грозный становой приставъ, еще грознѣе событія, сопровождавшія предъ тѣмъ введеніе уставныхъ грамотъ. «*Затѣмъ* имъ предлагали учредить у нихъ народное училище.» Старшины, разумѣется, вполнѣ согласились «Всегда при этомъ имѣлось въ виду побудить крестьянское общество (съ которымъ вы и не видѣлись) участвовать въ дѣлѣ учрежденія училища какимъ либо денежнымъ сборомъ.» Опять полное согласіе. Прогрессисты

возвращаются по деревнямъ и объявляютъ: «царь приказалъ уничтожать священническія школы, и заводить другія.» Народъ недоумѣваетъ, къ чему это, когда онъ доволенъ вполнѣ священническою школою, ему отвѣчаютъ, что они и сами не знаютъ, къ чему это, но—«сами чиновники говорили,» отвѣчаютъ они. Народъ упрямится, ему грозятъ наказаніемъ, напоминаютъ обстановки введенія уставныхъ грамотъ Когда священникъ м. Мошенъ Левъ Крамаренковъ пришелъ на сходъ по этому дѣлу, то засталъ тутъ всѣ горькіе плоды рѣчей гг. Тулова и Чечурина: «какъ только кто изъ присутствовавшихъ крестьянъ начинаетъ говорить противное, старшина тотчасъ прерываетъ его словами: «*мы уже разъ напуганы царскою волею, и теперь боимось іи не слухать,*» напоминая тѣмъ о послѣдствіяхъ волненія по дѣлу уставныхъ грамотъ.» А гг. Чечуринъ и Туловъ, выѣхавши такъ же послѣ своей рѣчи изъ селенія, доносятъ начальству, публикуютъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «можетъ быть мы ошибаемся? Можетъ быть мы слишкомъ пристрастнымъ и поверхностнымъ взглядомъ окинули двухлѣтнюю дѣятельность сельскаго духовенства? Спросите *самихъ крестьянъ*: и они, при ихъ неразвитости, при всей ихъ нетребовательности, *скажутъ вамъ тоже*; и это невыгодное, но вполнѣ справедливое *мнѣніе ихъ* о теперешнемъ обученіи ихъ дѣтей, доказываетъ сознаніе необходимости лучшей грамотности, основанной на болѣе прочныхъ и справедливыхъ началахъ.»

Вотъ опыты г. Чечурина, аргументы, на основаніи которыхъ онъ безусловно анаѳематствуетъ религіозность, умъ, нравственность и всю духовную дѣятельность сельскаго духовенства. Прибавимъ къ этому, что, передавая какой либо фактъ, говорящій не въ пользу духовенства, онъ говоритъ: «въ *одномъ* мѣстѣ..!!, а защищая учебное вѣдомство выражается: (это сдѣлано) «по *разнымъ* причинамъ.» Манера, скажутъ, деликатная: и ловкая, прибавимъ мы, потому что устраняетъ всякую возможность повѣрить фактъ.

Но мы должны еще, для полной обрисовки аргументовъ г. Чечурина, представить и логику его соображеній, при обвиненіи духовенства. Сразу взваливъ на духовенство всю вину неудовлетворительности школъ, онъ, чрезъ нѣсколько строкъ, вдругъ, самъ не сознавая, что это ведетъ къ уничтоженію толь-

ко что сказаннаго, рисуетъ непобѣдимыя трудности для успѣшнаго хода дѣла, за которое принялось духовенство. «Если у насъ весьма часто не исполняется законъ, напечатанный русскими буквами въ Сводѣ, то еще чаще не исполняются многія частныя распоряженія правительства. Исполнители *очень ловко умѣютъ парализировать* дѣйствія распорядительной власти своимъ *нехотѣніемъ и небрежностью*... «Это говоритъ онъ въ самомъ началѣ, когда приступаетъ къ оцѣнкѣ учебной дѣятельности духовенства. Но чрезъ 15 строкъ онъ уже забылъ объ этомъ свойствѣ духовенства, и описываетъ забитость духовной стороны въ священникѣ, неспособность его къ обученію. Какъ же помирить *очень ловкое умѣнье парализировать* чужія мудрыя распоряженія съ душевною забитостью, крайнею ограниченностью?—нехотѣніе и небрежность съ неспособностью и неумѣньемъ? Что нибудь одно изъ двухъ: или неспособно, или ловко отдѣлывается, хоть и можетъ. Но г. Чечуринъ не хочетъ сообразить подобныхъ мелочей, и ровно чрезъ столбецъ въ томъ же № газеты описываетъ то, что уже опровергаетъ оба эти противорѣчія, именно—что дѣло учрежденія и развитія школъ покинуто было всѣми сословіями края, боролось съ громадными препятствіями отвсюду, и держалось только на рукахъ духовенства. «*Крестьяне или народъ.... непріязненно и холодно* глядѣлъ сначала на усилія правительства (которое, однакожъ, усиливалось только на бумагѣ) и духовенства обучить молодое поколѣніе.» (Приводится нѣсколько отговорокъ крестьянскихъ, совершенно вѣрныхъ въ это время крѣпостной зависимости). «*Помѣщики*—польская шляхта, жившая крѣпостнымъ трудомъ южно-русскаго крестьянина, встрѣтила съ *недоброжелательствомъ* починъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа. *Непріязненныя отношенія ея къ нашему сельскому духовенству парализовали совершенно усилія послѣдняго* (усилія? а нехотѣніе и небрежность?! Парализовали помѣщики? А внутренняя сословная неспособность, духовная мертвенность священниковъ?!) склонить ее къ какимъ либо матеріальнымъ пожертвованіямъ. Шляхтичи смотрѣли на это дѣло какъ на совершенно имъ чуждое и *могущее* противудѣйствовать ихъ собственнымъ стремленіямъ и мечтамъ. Впрочемъ—спѣшитъ онъ замять этотъ аргументъ, совершенно справедливый—понимая вполнѣ матеріальную несостоятельность

вновь открываемыхъ школъ, а такъ же *слабую ихъ сторону въ учебномъ отношеніи*, (они рѣшительно не видали этихъ школъ!) помѣщики не дѣлали серьозныхъ препятствій.» Но правда неотступчива: «но это отрицательное положеніе, въ которое они поставили себя относительно приходскихъ школъ, было, можетъ быть, *вреднѣе противудѣйствія*.» «*Другія сословія края* здѣшняго въ дѣлѣ учрежденія школъ грамотности при сельскихъ приходахъ *не участвовали*, оставались къ нему *совершенно равнодушными*... *Общественная благотворительность*... такъ же *не замѣтила* того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилось народное образованіе.» Со стороны *гражданскаго правительства*, «единственнымъ матеріальнымъ пособіемъ при учрежденіи этихъ школъ, было извѣстное количество пожертвованныхъ букварей.» Что же— скажетъ безпристрастный читатель—можетъ сдѣлать тутъ хоть какой человѣкъ? При всѣхъ недостаткахъ этихъ школъ, духовенству нужно отдать полное сочувствіе и помощь за то, что оно одно удержалось среди общей антипатіи къ народ. образованію и противудѣйствія ему... Нѣтъ, отвѣтитъ г. Чечуринъ, духовенство «очень ловко парализовало это дѣло своимъ нехотѣніемъ и небрежностью,» виновато одно оно....

Вотъ способы, посредствомъ которыхъ г. Чечуринъ получилъ и передаетъ увѣренія, что духовенство нерелигіозно, безнравственно,—что воспитаніе его самаго, а отъ него и народа—безобразное, уродливое. Духовенство исполняло свой долгъ добросовѣстно: на первыхъ порахъ, побѣждая всеобщее равнодушіе сословій, оно открыло повсюду въ своихъ домахъ школы, покупало книги для учениковъ на свой счетъ (кромѣ учебниковъ, народные журналы и др. сочиненія для простаго народа), нѣкоторые священники строили на свои деньги особые училищные домы) жертвовали для всѣхъ учениковъ полный уборъ. Въ учебномъ отношеніи школы свои они довели до значительнаго по многимъ мѣстамъ совершенства, такъ что крестьяне государственныхъ имуществъ отбирали своихъ дѣтей изъ казенныхъ школъ, жители городскіе отбирали изъ приходскаго министерскаго училища (напр. въ г. Таращѣ) и отдавали въ сосѣднія священническія. Плодомъ этой дѣятельности было то, что сознаніе необходимости образованія проникло въ массу народа, тогда какъ въ началѣ она холодно и недовѣрчиво глядѣла на

призывъ къ образованію. Прогрессисты, соглашавшіеся съ словами гг. Тулова и Чечурина о пользѣ просвѣщенія, не съ неба же упали, но масса гораздо лучше ихъ понимаетъ это дѣло, что засвидѣтельствовала она, вслѣдъ за формальнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, многочисленными пожертвованіями на свои школы, постройкою домовъ для нихъ, наймомъ помощниковъ священникамъ и под., тогда какъ «прогрессисты» разжирѣвшіе на выгодномъ хлѣбѣ, только глядѣли, нѣтъ ли въ этихъ сходкахъ народа чего нибудь незаконнаго, за что власть можетъ оштрафовать и смѣнить ихъ самихъ. Только аристократо-чиновничій формализмъ и школьное педантство не могутъ замѣтить этихъ внутреннихъ вліяній и успѣховъ священническихъ школъ.

Переходимъ къ самому дѣлу, для оправданія котораго г. Чечурину необходимо было такъ глубоко унизить духовенство. Видно, дѣло непрямодушное. Чтобы раскрыть это дѣло, мы не будемъ напередъ, подобно г. Чечурину, прибѣгать къ отвлеченнымъ соображеніямъ о чиновничествѣ и учебномъ вѣдомствѣ,— не будемъ судить о первомъ по «Губернскимъ Очеркамъ»— Щедрина, о послѣднемъ, объ гимназическомъ и университетскомъ образованіи по описаніямъ «Ясной Поляны» графа Толстого, а раскажемъ самое дѣло по живымъ документамъ.

Въ началѣ 1862 г., покойный князь Васильчиковъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ, не ожидая времени приведенія въ дѣло министерскаго проэкта о народномъ образованіи, открыть такія школы въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, *гдѣ населеніе православное смѣшано съ католическимъ* и гдѣ потому духовенству *неудобно* имѣть школы для всего населенія. Такъ гласитъ формальная сторона этого дѣла. Но не секретъ другая сторона, толки и вліянія, вызвавшія это ходатайство. Учебное вѣдомство, спокойно почивавшее, пока дѣло школъ представляло огромныя трудности, теперь, когда эти трудности побѣждены духовенствомъ, явилась возможность предаться исключительно учебной сторонѣ школъ, оно стало предъявлять свои права и привиллегіи на *народное просвѣщеніе* съ устраненіемъ отъ него духовенства. О взаимномъ участіи не было и и рѣчи: люди, не видѣвшіе ни разу священническихъ школъ, стали говорить, что священники не способны къ обученію на-

рода, что они только уродуютъ крестьянскихъ дѣтей; нелѣпые слухи выдавались за живой фактъ, мимолетный, узкій взглядъ какого нибудь пролетарія—прогрессиста, накропавшаго безсвязную статейку въ газетѣ, принимаемъ былъ за сильный аргументъ; враждебныя духовенству мнѣнія посредниковъ—поляковъ, польско-католическихъ стремленій которыхъ сами прежде боялись, возбуждая духовенство противудѣйствовать имъ, теперь получили вѣсъ и значеніе. Словомъ, составилось то мнѣніе и описаніе школъ и духовенства, какое выдаетъ г. Чечуринъ за собственныя наблюденія. Государь Императоръ повелѣлъ «школы духовенства оставить неприкосновенными, съ тѣмъ чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности.» Г. министръ народнаго просвѣщенія въ то же время писалъ къ попечителю кіевскаго учебнаго округа: «1). Заботиться *не о числѣ, а болѣе о достоинствѣ* народныхъ школъ; 2). Стараться *устроить положеніе священниковъ въ этихъ школахъ такъ, чтобы мѣстное духовенство желало учрежденія ихъ,* и чтобы приходскій священникъ считалъ себѣ въ награду учрежденіе въ его селѣ народной школы; 3). *Не привлекать въ нихъ учениковъ священническихъ школъ никакими мѣрами убѣжденія*; 4). При открытіи этихъ школъ имѣть въ виду, чтобы заботливость министерства о распространеніи ихъ не была принята, *какъ новое бремя на низшее сословіе.*» Очевидно, это распоряженіе не согласовалось съ тѣмъ, что желалось. Что же дѣлаютъ? Оставляютъ ли школы духовенства неприкосновенными? Идутъ ли къ миролюбивому соглашенію съ духовенствомъ?

11 мая 1862 года управляющій кіевскимъ учебнымъ округомъ обратился къ высокопреосвященному Арсенію съ предложеніемъ слить школы существующія при церквахъ съ имѣющими открыться школами учебнаго округа. Это сліяніе понималось такъ, что учитель и главный распорядитель школы будетъ назначенъ учебнымъ вѣдомствомъ, которое переводитъ на себя и всю иниціативу школы, священникъ остается только законоучителемъ, подчиненнымъ учителю. Раціонально ли было такое предложеніе? Мы уже не говоримъ о томъ, что имъ уничтожались школы священническія; во имя блага народнаго, можно было принять сліяніе, еслибы оно принесло гораздо луч-

щее состоянie этимъ школамъ и разумное устройство. Но кто такой учитель и распорядитель школы, которому будетъ подчиненъ священникъ? Г. Чечуринъ ловко заходитъ общественное мнѣнie, называя этихъ учителей магическимъ титломъ «молодаго поколѣнiя;» онъ боится описать познанiя, способности и нравственное достоинство этого сорта «молодаго поколѣнiя,» и когда ему приходится рѣшительно сказать, что это «молодое поколѣнiе»—исключенные семинаристы и гимназисты, юнкера, дьячки, онъ простодушно увѣряетъ, будто не понимаетъ, что тутъ смѣшнаго, и, стараясь увѣриться, что тутъ рѣчь идетъ *о званiи* (?), смѣло отвѣчаетъ: «Мы не видимъ тутъ ничего смѣшнаго, и отвѣчаемъ, что въ педагогической школѣ, (въ которой обучали этихъ лицъ методамъ преподаванiя) есть люди, отъ которыхъ не требуютъ *ни дворянскихъ метрикъ, ни аттестатовъ*, весьма часто свидѣтельствующихъ о препровожденiи времени въ извѣстномъ учебномъ заведенiи, а требуютъ опредѣленныхъ (въ чемъ же? Нигдѣ объ этомъ не говорится у него) познанiй и желанiя посвятить себя дѣлу народнаго образованiя.... Вѣдь предлагаютъ же образовать учителей для народа *изъ среды самаго народа*.» Словоохотливый въ описанiи духовной стороны священниковъ, г. Чечуринъ вотъ какъ обходитъ ту же сторону новыхъ народныхъ учителей. Пишущiй эти строки весьма хорошо знаетъ многихъ изъ бывшихъ учениковъ педагогической школы и нынѣшнихъ народныхъ учителей. Двое изъ нихъ—числившiеся два года вольнослушающими въ университетѣ, а одинъ окончившiй курсъ семинарiи. Эти три кандидата были такою счастливою находкою для учебнаго вѣдомства, что для нихъ сочли низкимъ пройти трехмѣсячный курсъ педагогической школы, и отправили ихъ на первыя мѣста тотъ часъ по заявленiи ими желанiя. Но эти лица (да простятъ они намъ) ни въ какомъ случаѣ не идутъ въ рядъ съ обыкновеннымъ священникомъ. Но если эти 3 лица были находкою, то что сказать объ остальныхъ? Одинъ изъ нихъ исключенъ изъ семинарiи въ 50-хъ годахъ, и, до поступленiя въ педагогическую школу, былъ дьячкомъ; и этотъ оказался лучшимъ изъ 40 учениковъ школы, и потому опредѣленъ учителемъ вслѣдъ за первыми. Другie ученики этой школы—исключенные изъ 5 класса семинарiи и изъ гимназiи, юнкера и под. Какiя же у нихъ *опредѣленныя* познанiя? Къ

чему туманить людей, приписывать этимъ лицамъ «желаніе *посвятить* себя дѣлу народнаго образованія,» когда имъ просто некуда было дѣваться, рады готовому куску хлѣба, а между тѣмъ предлагаютъ 100 руб. отъ министерства, 100 руб. или и болѣе отъ общества, такъ же квартиру, огородъ и съѣстные припасы, участокъ поля (содержаніе, превышающее окладъ профессора семинаріи!)? Въ педагогической школѣ этихъ лицъ обучали методамъ преподаванія, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и менѣе. Обучаютъ напр. методамъ преподаванія русской исторіи того, кто не слушалъ самой исторіи! или же о методахъ преподаванія русскаго языка такихъ лицъ, которыя пяти словъ не умѣютъ написать грамотно! И всѣ такіе учители поѣхали на службу—просто, америку открывать! Было ли бы раціональнымъ подчинять такимъ учителямъ священниковъ? Въ с. Исайкахъ священникъ Креминскій, окончившій курсъ семинаріи студентомъ, былъ шесть лѣтъ учителемъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, а учебное вѣдомство послало туда учителемъ бывшаго дьячка!! Въ с. Гребенкахъ священникъ имѣетъ академическую степень кандидата богословія—какой же смыслъ подчинять его исключенному ученику, котораго туда послали учителемъ?! Что касается нравственности этихъ учителей, которая въ народномъ учителѣ едвали не важнѣе образованія умственнаго, то учебное вѣдомство не представляло никакихъ ручательствъ за нее. «Влѣзть въ чужую душу, говоритъ г. Чечуринъ съ точки чиновничьяго формализма, трудно (вотъ бѣда!), но въ государствѣ есть законъ, который караетъ преступленіе и охраняетъ соблюденіе гражданскихъ и нравственныхъ обязанностей.» Насколько въ этой наивной фразѣ знакомства съ духомъ и силою преподаванія, видитъ всякій нечиновникъ и не невѣжда. Будете поджидать, пока становой привезетъ вамъ мнимаго возмутителя народнаго. Дальше съ государственнымъ закономъ не пойдете, духъ обыкновеннаго нравственнаго вліянія не доступенъ ему. Учителя новыхъ народныхъ школъ—исключенные изъ разныхъ вѣдомствъ, или совершенно не имѣвшіе хода въ нихъ, а потому далеко неразвитые нравственно. Въ своемъ дѣлѣ они предоставлялись самимъ себѣ, будучи удалены отъ мѣстъ учебнаго вѣдомства. По всѣмъ этимъ причинамъ, его высокопреосвященство кіевскій митрополитъ Арсеній соглашался на сліяніе церковныхъ школъ только съ

условіемъ—подчинить новыхъ учителей священникамъ и духовнымъ наблюдателямъ школъ. Въ случаѣ несогласія на такое вліяніе, митрополитъ предложилъ г. попечителю открывать особыя школы, обѣщая дать въ нихъ особыхъ законодателей, съ жалованьемъ, какое можетъ дать учебное вѣдомство. Г. Чечуринъ желчно описываетъ это послѣднее предложеніе. Но онъ забываетъ или скрываетъ то, что оно вынуждено самимъ учебнымъ вѣдомствомъ. Каждый священникъ занятъ своимъ приходомъ и школою, возлагать на него преподаваніе еще въ министерской школѣ было бы не всякому по силамъ; поэтому необходимо было раздѣлить этотъ трудъ, иначе дѣло не пошло бы успѣшно ни въ той, ни въ другой школѣ. Тяжело духовенству дѣлить скудные доходы прихода, но оно принесло вамъ эту жертву. Притомъ же, новые законоучители назначались не по принужденію, а по свободному согласію. Учебное вѣдомство удѣлило имъ 50 руб. сер. въ годъ, и г. Чечуринъ скорбитъ, что это цифра большая! Но почему же для учителя не большая цифра 100 р. отъ министерства, 100 отъ общества, квартира и проч.? Если вы заботитесь «не о числѣ, а о достоинствѣ школъ,» какъ говоритъ министръ, то нѣтъ мѣста вашимъ жалобамъ на скудость отпущенныхъ вамъ суммъ (5 т. р. сер.). Но достоинство поставлено на второмъ планѣ, главное—число....

Г. попечитель кіевскаго учебнаго округа не далъ опредѣленнаго отвѣта на условія митрополита. Признали не раціональнымъ, подчинять новыхъ учителей священникамъ—соединить свои учебныя средства съ нравственнымъ вліяніемъ, какимъ пользуется въ деревнѣ священникъ, и какого никогда не могутъ имѣть эти учители, а значитъ и удовлетворять нуждамъ деревни, давать силу и значеніе образованію. Учитель такой достигнетъ апогея своей славы, когда наплодитъ въ деревнѣ бойкихъ знатоковъ ариѳметики, русскихъ склоненій и спряженій, князей и царей; знаніемъ городовъ, рѣкъ и под въ Англіи, Франціи; больше этого онъ не въ силахъ сдѣлать, какъ по количеству, такъ и по характеру своихъ свѣдѣній, вынесенныхъ изъ 5—6 класса гимназіи или семинаріи (будучи притомъ въ нихъ худшими учениками), отрывочныхъ, непредставляющихъ для крестьянина очевидной связи съ дѣйствительными, насущными потребностями его. Какимъ образомъ—спрашиваетъ и теперь крестьянинъ—знаніе Азіи и Африки, Англіи и Фран-

ціи улучшить его матеріальный быть? Какъ можетъ знаніе склоненій и спряженій и разныхъ былей и небылицъ—сдѣлать его честнымъ человѣкомъ, лучшимъ, чѣмъ онъ теперь? На всѣ эти справедливыя требованія школа не даетъ отвѣта ему, потому что не имѣетъ его въ себѣ: во всѣхъ школахъ эти предметы не имѣютъ образовательнаго значенія, а только подготовляютъ ученика для другихъ, высшихъ наукъ, образующихъ его, и невозможныхъ въ нынѣшней деревенской школѣ, между прочимъ и по той простой причинѣ, что сами учителя ихъ не проходили, или знаютъ въ предѣлахъ только учебника. Чрезъ два-три года и лучшіе ученики забудутъ и склоненія и спряженія, забудутъ *говорить по русски*, дѣлать дроби и именованныя числа, будутъ полагать Парижъ въ Китаѣ, а Пекинъ въ Россіи, останутся тѣми же мужиченками, какими ихъ сверстники, не бывавшіе въ школѣ, а отцы ихъ будутъ грустно поговаривать, глядя на нихъ: «и правда, что наука безполезна.» Эти познанія не принесутъ никакой пользы не потому, чтобы они были сами въ себѣ для крестьянина безполезны, но потому, что они сами получаютъ свою жизнь и силу изъ другой науки, основной при первоначальномъ образованіи, возбуждающей міросозерцаніе, развивающей интересъ къ знанію, стремленіе искать и усвоивать полезное въ природѣ, книгѣ и проч. Что же способно вызвать эту силу въ душѣ крестьянскаго дитяти, оживлять и двигать его способность пониманія? Укажемъ здѣсь на опытъ человѣка, долгая и неоцѣненная практика котораго надъ образованіемъ крестьянскихъ дѣтей, его глубокія познанія въ народной педагогіи признаны людьми, вполнѣ изучившими народъ,—графа Л Н. Толстого. Всѣ познанія, какія передавалъ онъ своимъ ученикамъ, усвоялись ими холодно, механически: училъ онъ «грамотѣ, объяснялъ явленія природы, расказывалъ какъ въ азбучкахъ, что плоды ученія сладки,» читалъ русскую исторію, принимался за всеобщую и географію,—выходили отвѣты часто бойкіе, но отвѣчавшій видимо не понималъ дѣла, всѣ были безучастны къ познанію, и скоро забывали выученное. «Я попробовалъ читать имъ библію, и вполнѣ завладѣлъ ими. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше.» Возобновились потомъ прежнія науки, и пошли весьма успѣшно. Онъ повторилъ этотъ опытъ во многихъ крестьянскихъ шко-

лахъ и семействахъ, и всюду получилъ одинаковые результаты: отрывочныя безцѣльныя свѣдѣнія систематизировались, получали живую силу, интересъ для учениковъ, развивайшійся все больше и больше. Толстой убѣдился, что возбудить въ крестьянскомъ ученикѣ міросозерцаніе не можетъ ничто, кромѣ Библіи. «Я не могу себѣ представить, какое возможно было бы образованіе, если бъ не было этой книги? «Толстой увлекся, по обыкновенію, этимъ фактомъ, и сдѣлалъ о немъ поэтому одностороннее заключеніе. Но, очевидно, что въ библіи дѣйствовалъ на учениковъ религіозный духъ, религіозныя начала, присутствующіе здѣсь во всей своей цѣльности и общедоступности. Таинственный механизмъ простой души разрѣшается самъ собою при соприкосновеніи съ ключемъ религіи, покоющіяся силы природы отзываются родственнымъ сочувствіемъ на голосъ религіи.... Религіозность есть единственная точка съ которой нужно начинать народное образованіе, если хотятъ, чтобы оно было сознательно, прочно, чтобы познанія не умирали въ ученикѣ, по выходѣ его изъ школы. Г. Чечуринъ вѣруетъ въ безусловное значеніе русской литературы для нароннаго образованія на томъ основаніи, будто образованное общество не разрывало связи съ народомъ, онъ называетъ нелѣпыми различныя комбинаціи о сближеніи этихъ двухъ лагерей. Блаженная вѣра! Но зачѣмъ же онъ тутъ же соглашается, что «книгъ для народа нѣтъ у насъ,—что всѣ бывшія попытки до сихъ поръ не удались,» когда вся, такъ называемая у насъ народная литература, представляетъ только переводъ понятій и требованій образованнаго общества, русской литературы на языкъ и складъ народный? Онъ, очевидно, не знакомъ съ народною литературою, выдѣлываемаго петербургскими и московскими литераторами—печальниками народнаго образованія; когда востаетъ противъ мнѣнія, что «народъ нашъ не пойметъ русской литературы,» и говоритъ, что «до сихъ поръ мы этого не знаемъ, потому что не видѣли на опытѣ.» Между тѣмъ, постройка комбинацій о сближеніи этихъ двухъ областей развивается все больше и больше и дѣлаетъ обширные успѣхи, какъ у насъ, такъ и въ Германіи. Но крѣпче всѣхъ изъ нихъ у насъ стоитъ та, которая въ существенныхъ пунктахъ сближенія полагаетъ религію, какъ основу внутренняго народнаго міра. Не будемъ, послѣ этого, распространяться о томъ, что священ-

никъ, какъ представитель религіи, какъ человѣкъ самый близкій къ внутреннему состоянію своего прихожанина, имѣетъ важное значеніе въ первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей, онъ даетъ ему возбужденіе, силу и опредѣленность,— то, чего не дадутъ ни грамматика, ни исторія, ни географія, ни ариѳметика; но необходимо, чтобы онъ вполнѣ пользовался своимъ значеніемъ. Условія митрополита открывали возможность организовать такое полное и живое обученіе въ крестьянскихъ школахъ, соединивъ средства учебнаго округа и духовенства.

Но условія эти не вызвали никакихъ дальнѣйшихъ соображеній къ взаимному соглашенію, учебное вѣдомство приступило къ открытію *особыхъ* школъ. Какъ же ведется это дѣло? Гражданская власть предписала мировымъ посредникамъ объявить обществамъ крестьянъ, что школы народныя, особыя отъ священническихъ, будутъ открываемы всюду, по заявленіи крестьянами согласія на это. Два года назадъ, эта самая гражданская власть справедливо хлопотала о томъ, чтобы устранить поляковъ отъ народнаго образованія, такъ какъ единственнымъ желаніемъ ихъ въ этомъ случаѣ служитъ не образованіе, а полонизмъ и католицизмъ народа. Теперь та же власть даетъ участіе въ народныхъ школахъ этимъ полякамъ! Мы уже упоминали, что нынѣшніе старшины сельскіе почти всюду избраны по вліянію помѣщиковъ и посредниковъ, а не по желанію народа, на первыхъ порахъ рѣшительно не понимавшихъ ни условій, ни значенія и выгодъ избирательности, и что народъ рѣдко гдѣ въ ладахъ съ старшинами своими, понимающими свои выгоды, или ничего непонимающими, и потому только повинующимися посредникамъ и всякому начальству. Писаря, ближайшіе хранители и знатоки сельскаго закона, темнаго для старшинъ и народа, на половину поляки, остальные отставные чиновники и солдаты, которыхъ во всякое время можетъ смѣнить мировой. Посредники въ деревняхъ—диктаторы. И такъ объявленіе о народныхъ школахъ, переданное чрезъ посредниковъ. давало послѣднимъ всю возможность повести это дѣло такъ, какъ имъ угодно. Слѣдствіемъ этого было *уничтоженіе священническихъ школъ*. Посредники не требовали голоса отъ народа, и передали старшинамъ распоряженіе начальства. Послѣдніе приняли *приказъ*, и употребили всѣ энергическія мѣры къ исполненію его, народъ игралъ пассивную роль, ему не

объявили, что священническія школы могутъ оставаться. Вслѣдъ за тѣмъ, гг. Туловъ и Чечуринъ пріѣзжали въ деревни, «созывали выборныхъ должностныхъ лицъ, и говорили имъ *рѣчь*...» Старшины получили такимъ образомъ все побужденіе дѣлать такъ, а не иначе. Мы уже упоминали, какъ старшина м Мошенъ объявилъ о своемъ приказѣ обществу—уничтожить школы священниковъ и завести другія, въ которыхъ священники не были бы учителями: «мы уже разъ напуганы царскою волею—отвѣчалъ онъ на возраженія народа и священника—и теперь боимось іи не слухать.» На общемъ крестьянскомъ сходѣ священникъ «увѣрился, что намѣреніе и желаніе крестьянъ обучать дѣтей своихъ въ церковно-приходскихъ школахъ неизмѣнно, и что другаго ученія они не желаютъ.» Но приговоръ отъ лица *общества* нисколько въ немъ не участвовшаго подписанъ старшиною и писаремъ, предназначавшимся въ учителя новой школы, и посланъ посреднику. Тотъ часъ многіе изъ народа пришли къ священнику увѣрить его, что они «*не давали своего согласія* на этотъ приговоръ,» а напротивъ желаютъ, «чтобы дѣти ихъ учились въ церковной школѣ» (нужно замѣтить, что школа свящ. Крамаренкова одна изъ лучшихъ, и что самъ онъ извѣстенъ въ духовныхъ журналахъ умными статьями о разныхъ общественныхъ нуждахъ деревни). «Крестьянинъ Харитонъ Захарченко объявилъ, что онъ вовсе не былъ при составленіи этого приговора, и подписанъ на немъ *безъ его вѣдома*.» Крестьянамъ, говоритъ свящ. Крамаренковъ, выставлено было это дѣло «какъ *непремѣнная и обязательная воля царская*, отчего и самыя училища названы царскими, и потому неисполненіе сего есть *сопротивленіе царю*» [1]). Въ м. Виноградѣ, въ с. с. Рѣпкахъ и Павловкѣ, волостной старшина, по предписанію посредника, «*строго приказалъ* старшинамъ сельскимъ, чтобы они отклоняли общества отдавать дѣтей своихъ въ церковно-приходскія школы, и *на мѣсто ихъ* учреждали бы народныя, *угрожая за неисполненіе его приказаній денежнымъ штрафомъ*.» За симъ, старшина и писарь, претендовавшій и получившій школу свящ.

---

[1]) Донесеніе св. Крамаренкова черкасскому протоіерею отъ 19 Дек. 1862 года.

Варгулевича (бывшаго нѣсколько лѣтъ учителемъ въ кіевскомъ уѣздномъ училищѣ) открыли въ цѣлой волости народныя школы, «*посредствомъ десятскихъ* забрали дѣтей изъ школъ церковныхъ,» и наняли учителей «едва умѣющихъ читать,» и то только «славянскій букварь и часословъ.» Въ м. Лысянкѣ, Бояркѣ и въ др. пяти селахъ, «по распоряженію мировыхъ посредниковъ,» крестьяне, «*принуждаемые* своими старшинами, должны были согласиться на учрежденіе народныхъ школъ и приговорить извѣстную сумму. Но когда они узнали (конечно не отъ старшинъ и посредниковъ), что ихъ приходскія школы, открытыя духовенствомъ, могутъ существовать и на будущее время, если только они сего пожелаютъ, давъ имъ отъ себя обезпеченіе, то сіи общества съ полною готовностью добровольно согласились приговоренную на открытіе народныхъ училищъ сумму обратить на свои церковно-приходскія школы, и дѣтей своихъ оставить въ завѣдываніи духовенства» [1]). Въ м. Брусиловѣ волостной старшина, по внушенію писаря, составилъ приговоръ: священническую школу обратить въ народную, учителемъ и распорядителемъ долженъ быть писарь, а священникъ его помощникомъ,—созвали сельскихъ старшинъ, и приказали и имъ поступить такъ же въ своихъ деревняхъ, увѣряя, что за это «имъ будетъ награда отъ начальства» [2]). Священники сс. Масловки и Емчихи доносятъ наблюдателю школъ церковныхъ каневскаго уѣзда: «6-го *декабря* козинскій волостной старшина, созвавъ въ волость общества масловское и емчихское, *строго приказалъ* отцамъ обучавшихся полтора года въ церковно-приходскихъ нашихъ школахъ дѣтей, чтобы они высылали съ того времени своихъ дѣтей въ народную школу, устроющуюся при волостномъ правленіи въ м. Козинѣ... Мальчиковъ гоняли въ м. Козинъ чрезъ сотскихъ и десятскихъ» [3]). Это было въ декабрѣ. И такъ справедливо передаютъ въ Кіев. Телеграфѣ, что «сотскіе и десятскіе гонятъ босыхъ дѣтей зимою изъ одной деревни въ другую въ школу,» только это дѣ-

---

[1]) Донесеніе свящ. Варгулевича митр. Арсенію 26 окт. 1862 г.

[2]) Донесеніе свящ. Демченка радомысл. протоіерею 6 окт. 1862 г.

[3]) Донесеніе священниковъ наблюдателю школъ канев. уѣз. 23 декабря 1863 года.

лается далеко не духовенствомъ... «Сельскій староста *насильно и противъ воли родителей* забралъ изъ моей школы учениковъ» въ школу волостную [1]) пишетъ свящ. с. Яцюковъ Ѳ. Левицкій. Такія сцены открылись во всѣхъ почти уѣздахъ.

Въ другихъ мѣстахъ ограничивались только прегражденіемъ всякаго хода къ матеріальному улучшенію священническихъ школъ. Стали запрещать крестьянамъ давать цѣлымъ обществомъ обезпеченіе для этихъ школъ, по предложенію священниковъ. Одною статьею «Положеній» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признается незаконнымъ тотъ мірской сходъ, на которомъ было менѣе $^2/_3$ домохозяевъ, имѣющихъ право на голосъ. Писаря—поляки отказывались присутствовать на сходахъ, и по окончаніи ихъ, объявляли, что на сходѣ не было $^2/_3$ домохозяевъ. Иногда, послѣ этого, домохозяева сами собою снова сходились, тогда писарь прямо отказывался принимать участіе въ этомъ дѣлѣ и угрожалъ старшинѣ судомъ и штрафомъ отъ начальства. Въ м. Коростышевѣ, послѣ первой сходки, писарь—полякъ, объявивъ ее незаконною, не согласился на вторичный сходъ, не смотря на желаніе народа и старшины; священника и уѣзднаго протоіерея онъ принялъ грубо, и коротко объявилъ имъ: «старшина ничего не понимаетъ, я за все отвѣчаю, онъ не смѣетъ сдѣлать что либо безъ моего распоряженія.» Народъ самъ собою снова собрался, и требовалъ утвердить приговоръ. Но старшина, по уходѣ крестьянъ, «объявилъ, что писарь запретилъ ему подписать приговоръ» [2]). То же было въ с. *Синявкѣ*: послѣ вторичной сходки, видя желаніе старшины скрѣпить, по настоянію міра, приговоръ, писарь, полякъ Дидковскій «сталъ грозить ему мировымъ посредникомъ и судомъ,» и староста побоялся подписать [3]). Посредникъ 5 участка канев. уѣз Тарнавскій объявлялъ сходы незаконными за то, что они дѣлались подлѣ церкви, а не подлѣ волостнаго правленія. Звенигородскаго уѣзда посредникъ Крицкій объявилъ всѣмъ обществамъ сво-

---

[1]) Доноситъ благочинному А. Креминскому.

[2]) Донесеніе радом. уѣзд. протоіерея митр. Арсенію 2 нояб. 1862 г.

[3]) Доноситъ благоч. П. Колтоновскій помощнику наблюдателя школъ П. Артемовскому.

его участка напередъ, что тѣ изъ нихъ подвергнуться суду и штрафу, которыя дадутъ обезпеченіе священнической школѣ [1]). Въ с. *Вильно* (радом. уѣз.) писарь, полякъ Добржанскій, послѣ разныхъ отказовъ подписать приговоръ, объявилъ, что безъ мироваго посредника, онъ не можетъ этого сдѣлать. Священникъ поѣхалъ къ посреднику; но послѣдній сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ мироваго съѣзда. Священникъ поѣхалъ на съѣздъ; тутъ сказали ему, что нельзя этого сдѣлать безъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и предложили ему ѣхать въ Кіевъ. Священникъ счелъ за лучшее возвратиться домой, и прекратить это дѣло [2]). Въ с. *Березовкѣ* (радом. уѣз.) крестьяне заготовили матеріалъ и приступили къ постройкѣ дома для школы на *церковной* усадьбѣ. Тогда посредникъ Зубовскій приказалъ остановить постройку, на томъ основаніи, будто земля эта спорная Восемь старожиловъ тотъ часъ составили актъ, въ которомъ объявляли, что усадьба эта болѣе 20 лѣтъ уже находится въ безпрекословномъ владѣніи церкви, и только въ послѣднее время мѣстный помѣщикъ секретно *подсылалъ* одного крестьянина напасть на эту усадьбу, и отобрать ее отъ церкви.

Гражданская власть и губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, на сообщеніе объ этихъ фактахъ епархіальнаго вѣдомства, отвѣчали, съ голоса мировыхъ посредниковъ, что сходы общественные дѣлались незаконно. Но мы видѣли, кто и какимъ образомъ выставлялъ ихъ незаконными... Далѣе говорили, съ того же голоса, что духовенство *принуждаетъ* крестьянъ къ составленію приговоровъ. *Кіев. Епарх. Вѣдомости* тогда же заявили справедливое требованіе указать факты принужденія, а не выставлять однѣ общія фразы объ этомъ; но фактовъ до сихъ поръ не представлено. Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ священникъ, совершенно выдѣленный отъ всякаго формальнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ деревни, можетъ *принудить* цѣлое общество дѣлать денежный сборъ на школу!... Заключали свой отвѣтъ представ-

---

[1]) Донесеніе благоч. Иллашевича преосв. Серафиму, 12 нояб. 1862 г.

[2]) Донесеніе благоч. П. Сенаторскаго преосв. Серафиму, 23 февр. 1863 г.

леніемъ, что теперь, когда крестьяне обременены множествомъ расходовъ и сборовъ, нельзя вводить ихъ въ какіе либо новые расходы. Это отвѣчали въ то время, когда чиновники отъ учебнаго округа и генералъ—губернатора, собирая выборныхъ должностныхъ лицъ, говорили имъ рѣчи, между прочимъ съ цѣлію, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ, г. Чечуринъ: «*побудить* крестьянское общество участвовать въ дѣлѣ учрежденія училища (отъ министерства) какимъ либо *денежнымъ сборомъ* въ пользу дополнительнаго содержанія учителя,» и когда ученикамъ педагогической школы напередъ объявляли, что кромѣ 100 руб. жалованья отъ министерства, они будутъ получать отъ общества: столько же рублей, квартиру, огородъ!.. Народъ знаетъ своихъ священниковъ, приходскую школу считаетъ *своею*, потому что она явилась единственно по непосредственному соглашенію съ нимъ священника, онъ во всякое время повѣряетъ эту школу, съ священникомъ онъ—свой человѣкъ. Школы же, открываемыя посредниками и волостью, «по приказу начальства,» называетъ *казенными*, интересомъ посредника, писаря и старшины. На священническую школу они жертвуютъ по добровольному и общему приговору; приговоры на казенныя школы составляются старшиною и писаремъ, и только впослѣдствіи объявляются народу для непремѣннаго исполненія. На чьей же сторонѣ принужденіе?

Разумѣется, что сдѣлавшіе чрезъ мировыхъ посредниковъ распоряженіе о народныхъ школахъ вовсе не имѣли въ виду всѣхъ указанныхъ нами результатовъ, а желали только узнать объ этомъ голосъ народа. Но нельзя сказать, что распоряженіе это сдѣлано не опрометчиво. Если когда, то именно въ этомъ случаѣ шляхта поняла несостоятельность учебной стороны сельскихъ школъ, зная напередъ, что учебное вѣдомство и гражданская власть не могутъ дать вдругъ учителей для 1400 деревень, и что она сама чрезъ мировыхъ посредниковъ будетъ избирать и назначать для нихъ учителей, и управлять школами. Послѣ недавно совершившихся событій, невозможно сказать, чтобы дѣйствія посредниковъ и писарей—поляковъ имѣли въ виду интерессы русскаго правительства и русской народности, всякій полякъ въ душѣ отказался бы отъ такой чести. Священники тогда же вездѣ особенно въ радомысл. уѣздѣ говорили это самое. Мировой посредникъ Т., на котораго наиболѣе

жалобъ отъ священниковъ, на прозьбу священика с. О. утвердить приговоръ общества объ обезпеченіи приходской школы, сказалъ, что утвердитъ, если школу «подчинятъ *его вліянію*, и если въ приговорѣ будетъ написано: *и подъ вліяніемъ мироваго посредника.*» Въ декабрѣ прошлаго года посредникъ созвалъ подвѣдомыхъ старшинъ, а гораздо болѣе шляхты на экзаменъ въ народной школѣ села И. и, предваривъ первыхъ рѣчью: «вотъ посмотрите, какъ *наши* учителя учатъ, не то что ваши попы и дьяки, они ничему васъ не научатъ.» Старшины не знали, что ученики новой (*панской*) школы всѣ почти два мѣсяца назадъ отобраны отъ священника, у котораго они учились уже около двухъ лѣтъ, и простодушно удивлялись, какъ это паны въ два мѣсяца такъ многому научили дѣтей. Самимъ ученикамъ напередъ было заказано, при публичномъ спросѣ, отвѣчать, что нигдѣ прежде сего ничему ни учились, что и исполнено «хотя нѣкоторые изъ высшихъ учениковъ и посмѣялись этой выходкѣ»—замѣчаетъ мѣстный священникъ. «Дрязги, мелочь, не стоющая вниманія»—скажетъ холодный читатель. «Смотрѣть, скажемъ словами г. Чечурина, представившаго подобную *мелочь* со стороны духовенства, сдѣлавшую *нѣкоторыми* лицами *при нѣкоторыхъ* торжественныхъ случаяхъ (жаль, что не указано прямо какими лицами и при какихъ случаяхъ; но такова ужъ метода его)—смотрѣть серьезно на подобную выходку нельзя; но можно записать ее какъ характеристическій фактъ, свидѣтельствующій объ извѣстномъ (уровнѣ развитія и образованія, говоритъ онъ)» расчетъ шляхты на народное образованіе и на разъединеніе народа отъ духовенства.—Кому полезно такое разъединеніе? Какимъ образомъ нельзя было предвидѣть всѣхъ этихъ случаевъ (а сколько было скрытныхъ и непрямыхъ!), дѣлая извѣстное распоряженіе чрезъ мировыхъ посредниковъ? Нынѣшняя власть сама признала, что прежняя сдѣлала такое распоряженіе поспѣшно [1]).

Нв эти произвольныя и никѣмъ не оправдываемые поступки, скажутъ намъ; они не имѣютъ никакой связи съ тѣми пріемами, какіе избирало учебное вѣдомство при открытіи сво-

---

[1]) Отношеніе г. генералъ-губернатора на имя преосвящ. Серафима. 16 марта 1863 года.

ихъ школъ. Мы сильно желали бы убѣдиться въ этомъ, но на перекоръ этому убѣжденію идутъ факты за фактами.

1). Учебное вѣдомство, минуя вполнѣ раціональное распоряженіе «заботиться болѣе о достоинствѣ, а не о числѣ школъ,» рѣшило открыть свои школы въ *каждой* деревни. Но не грустна ли эта затѣя въ окружномъ учебномъ вѣдомствѣ? Если на 19 открытыхъ имъ школъ оно набрало учителями *исключенныхъ* семинаристовъ, гимназистовъ, юнкеровъ и проч. то кого бы и гдѣ бы нашло оно на 1400 школъ? А надзоръ за этими школами—вѣдь 5 т., отпущенныхъ министерствомъ на каждую губернію, едва стало бы на однѣ разъѣзды (безполезные) чиновниковъ учебнаго округа?! Устроять школы, опредѣляя въ нихъ учителями отставныхъ солдатъ, какъ пришлось бы, волостныхъ писарей и под., только бы не священниковъ, не значило ли бы это, только уничтожать школы священниковъ? Указанное нами распоряженіе гражданской власти предъявляло объ этомъ намѣреніи учебнаго вѣдомства, и мы видѣли, что произвело оно по деревнямъ. Въ этихъ результатахъ нельзя не винить и учебнаго вѣдомства. При открытіи въ деревнѣ такихъ школъ, общимъ вопросомъ было бы: что же школы священниковъ? Отвѣтъ подразумѣвался: онѣ ниже всякой критики»—г. Чечуринъ объявляетъ объ этомъ. Затѣя эта недавно только оставлена простымъ стороннимъ объясненіемъ, что на 5 т. можно учредить не болѣе 20 школъ, а не 1400.

2). Мы уже видѣли, каковъ былъ первый шагъ чиновниковъ, посланныхъ для открытія новыхъ школъ. Наше правительство, относительно народнаго образованія, рѣшилось слѣдовать англійской системѣ. Англійская система—лучшая изъ всѣхъ, и весьма желательно, чтобы она утвердилась у насъ; но тамъ чиновники не ѣздятъ по деревнямъ, и не выкликаютъ непонятными для народа рѣчами: не хочетъ ли кто правительственной школы? Тамъ ожидаютъ инидіативы дѣла отъ самаго народа. Съ другой стороны, англійскій чиновникъ не то для своего народа, что чиновникъ русскій для народа русскаго; тамъ отношенія ихъ свободны, а у насъ одинъ страхъ проникаетъ мужика въ присутствіи губернскаго чина, хотя бы этогъ чинъ велъ себя какъ только можно либеральнѣе. Далѣе, тамъ народные выборные правители вполнѣ связаны съ интересами своей деревни, а у насъ пока этой связи нѣтъ, потому что

народъ еще не опытенъ въ свободѣ сужденія и голоса, а дворянская среда далеко не покинула своего духа касты и исключительности личныхъ интересовъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ. Вотъ почему поѣздка чиновниковъ нашихъ для полученія народнаго голоса, нераціональна, она можетъ только задавать народу чиновничій голосъ, приказъ. Превосходная англійская систѐма въ рукахъ нашего чиновничества стаетъ дикою, деморализующею народъ. Очевидно, что для этой системы не пришло еще у насъ время.... Одно можетъ служить оправданіемъ такихъ поѣздокъ, это необходимость поспѣшить школами при напорѣ польской пропаганды. Но разумно ли будетъ сказать, что исключенный семинаристъ, гимназистъ и под. успѣетъ лучше оградить русскую народность въ простомъ народѣ, чѣмъ священникъ? Не смѣшно ли будетъ полагать, что обученіе дѣтей ариѳметикѣ, русскимъ склоненіямъ и спряженіямъ и под. разъяснить народу его національность? Мужикъ несравненно крѣпче всякаго гимназиста понимаетъ, что онъ—не полякъ, а русскій, и это пониманіе основываетъ почти исключительно на религіи; до исторіи, политики, вообще до научныхъ пріемовъ ему нѣтъ никакого дѣла, да и слишкомъ не скоро еще примется онъ за нихъ. И такъ, надежда поддержать народность при нынѣшнихъ польскихъ затѣяхъ, посредствомъ новыхъ народныхъ школъ неосновательна. Что же послѣ этого можно сказать объ этой поспѣшности учредить особыя школы для народа?

3). Какъ открывались эти школы? Соблюдена ли при этомъ та священная заповѣдь первоначальнаго образованія, которая отрицаетъ духъ касты, вражды, вызывающей не образованіе, а возбужденіе къ одностороннимъ узкимъ стремленіямъ? Послѣ указаннаго нами отвѣта митрополита на предложеніе о сліяніи школъ, вели дѣло это безъ всякаго сношенія съ духовною властью, не смотря на то, что встрѣчались съ ея значеніемъ на каждомъ шагу. Въ деревнѣ священникъ узнавалъ объ открытіи новой школы только тогда, когда пріѣзжалъ уже учитель и начинались воинственныя отношенія къ школѣ церковной. «6 октября, пишетъ священникъ села Потокъ, прибылъ въ Потокъ *какой-то* (вотъ какъ учредители школъ удаляли священниковъ отъ участія въ этихъ дѣлахъ) учитель, и съ 17 числа началъ въ управѣ обучать мальчиковъ....» Новая школа

учреждалась такъ, что священникъ видѣлъ себя вдругъ отрѣшеннымъ отъ своей школы, ученики и домъ его училища оказывались въ рукахъ *какого-то* учителя. Г. Чечуринъ увѣряетъ, что того желали сами отцы этихъ учениковъ и весь народъ, по сознанію будто бы неудовлетворительности священническаго обученія. Это совершенная клевета, подъисканная только для оправданья чисто чиновничьихъ пріемовъ въ учрежденіи школъ. Мы видѣли, на чьей сторонѣ былъ народъ, при объявленіи ему старшинами о волѣ начальства касательно школъ,—видѣли, въ комъ гг. Туловъ и Чечуринъ думаютъ видѣть народъ и его голосъ. Говорить такъ со словъ пугливыхъ предъ чиновникомъ, предупрежденныхъ *рѣчью* старшинъ (но мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы даже старшины могли сказать объ этомъ такъ, какъ говоритъ г. Чечуринъ), значитъ поступать слишкомъ опрометчиво и недостойно чиновниковъ—представителей двухъ высшихъ вѣдомствъ края. Но на дѣлѣ было совершенно обратно. «Того же числа—продолжаетъ священникъ с. Потокъ—сельскимъ старостою *самовольно* забраны прежніе наши ученики изъ квартиръ дьячка и дьякона въ ту же управу.» [1]) «Свѣтскіе—пишетъ священникъ м. Стеблева, отлично устроившій свою школу—позавидовали вѣроятно дому для школы, по моему совѣту, прекрасно устроенному, и потому министерская школа наипервѣе, по уѣзду, устроена въ моемъ приходѣ, въ домѣ назначенномъ прежде для моей школы и *отнятомъ изъ моихъ рукъ*» [2]). И въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ только открыты эти школы онѣ являлись только превращеніемъ, посредствомъ мѣстной полиціи, школъ священническихъ. Народъ только пугливо глядѣлъ на эту новую для себя государственную повинность, боясь, чтобы его голосъ не назвали возмущеніемъ, бунтомъ, и спѣшилъ заявить священнику своему свое несочувствіе къ дѣлу старшинъ, и желаніе, чтобы его дѣти «навсегда оставались въ завѣдываніи православнаго духовенства,» какъ это мы выше упоминали о прихожанахъ м. Мошенъ, м.

---

[1]) Донесеніе свящ. Собкевича мѣстн. наблюдателю школъ 19 окт. 1862 года.

[2]) Донесеніе свящ. Левицкаго мѣст. наблюдателю школъ 24 окт. 1862 года.

Лысянки, Боярки и др. Въ м. Сарнахъ священникъ Купріевичъ узналъ о путешествіи сюда гг. Тулова и Чечурина только тогда, когда писарь—полякъ и старшина купили еврейскій домъ для школы, и рѣшили забрать для ней учениковъ священника «по приказу самаго царя.» Но въ ближайшій воскресный день, послѣ литургіи, всѣ прихожане подлѣ церкви объявили, что «они всѣ не согласны на учрежденіе новой школы, а желали бы дать лучшее устройство церковноприходской школѣ, которою всѣ остались довольны» [1]). Такъ учреждались и всѣ прочія школы: старшина и писарь. во «исполненіе воли начальства, приказа царскаго,» безъ вѣдома народа и священника полагали окладъ на учителя, отнимали всѣ средства отъ школы священнической, посредствомъ десятскихъ приказывали ученикамъ ходить къ новому учителю. Шли за тѣмъ толки въ деревнѣ, почему это начальство запрещаетъ священникамъ обучать дѣтей, а даетъ учителей «отъ казны?» Что говорили на это въ рѣчахъ своихъ гг. Туловъ и Чечуринъ, объ этомъ они сами не объявляютъ, хотя они, держась совершенно въ сторонѣ отъ духовенства, не могли не предполагать этихъ толковъ, и не сказать въ предупрежденіе ихъ что нибудь. Откровеннѣе и рѣзче всего рѣшала эти вопросы беззастѣнчивая шляхта: она объявляла, что все это сдѣлано по ея старанію, что священники не умѣютъ учить, и «только обманываютъ народъ,» что «имъ не нужно вѣрить ни въ чемъ» [2]). Мы уже упоминали о рѣчи одного мироваго посредника каневскаго уѣзда, которою онъ предупредилъ старшинъ, созвавъ ихъ на экзаменъ въ министерскую школу с. Исаекъ: «вотъ посмотрите, говорилъ онъ, какъ *наши* учителя *не то что ваши попы и дьяки,* они ничему васъ не научатъ.» (см. выше). Писаря—поляки были эхомъ посредниковъ; старшины твердили, что «такова воля царская» начальство не хочетъ священниковъ.—Что же сами учителя? Намъ грустно приводить то, что расказываютъ о мнѣніи ихъ въ этомъ дѣлѣ священники. Малоразвитость, независи-

---

[1]) Донесеніе свящ. Купріевича наблюдателю школъ Кисилевичу 24 февр. 1863 года.

[2]) Донесеніе благочиннаго Иллашевича (звенигор. уѣз.) преосв. Серафиму 12 нояб. 1862 года.

мость въ деревнѣ, напутствованіе ихъ общими риторическими фразами о самоотверженіи, о высокомъ служеніи и значеніи ихъ, дали имъ мнѣніе о себѣ, какъ о колумбахъ своего рода. «Что ожидаетъ васъ, обращается къ нимъ г. Чечуринъ, въ новой сферѣ избранной вами дѣятельности? Жизнь въ *глуши*, въ бѣдной и *грубой* средѣ (вотъ перлы въ грязи, подумаешь!), трудъ тяжкій и ничѣмъ не поощряемый, суровыя требованія принятой вами обязанности. Это съ моральной стороны. Съ матеріальной—васъ ожидаетъ 100 руб. жалованья, можетъ быть, *столько же* дополнительнаго содержанія отъ крестьянъ, тѣсная комнатка, кусокъ земли.... и *больше ничего*! (Окладъ этотъ равняется, и даже превыситъ жалованье профессора семинаріи). Служба ваша не считается государственною службою (какая жалость!)... Что же побудило васъ избрать этотъ *глухой* и *тернистый* путь? (Кусокъ хлѣба, выгодный для нихъ, по ихъ способностямъ и прежнему положенію, знаемъ мы несомнѣнно) *Разумѣется не матеріальныя выгоды*.... Въ вашихъ сердцахъ есть предчувствіе того *важнаго значенія, какое вы получите* въ раждающейся жизни народной. Въ вашей готовности пойти тяжкимъ путемъ труда есть своего рода *героизмъ; благородное* и *высокое побужденіе* даетъ вамъ силы обречь себя на *бѣдность* (!) и трудъ. Бѣдный сельскій учитель, *темнаго* происхожденія (г Чечуринъ остается убѣжденнымъ, что улыбки при видѣ этихъ учителей вызываются только ихъ *происхожденіемъ*), не имѣющій *ни чиновъ*, *ни крестовъ* (глубокое горе чиновничье!) и *едва-едва* имѣющій кусокъ насущнаго хлѣба (!), получаетъ въ жизни народной *большее значенія*, *чѣмъ совѣтникъ губернскаго правленія*....» Подумаешь, что это отрывокъ изъ «Дневника темнаго человѣка» (въ Рус. Словѣ). И предъ кѣмъ расточаются эти фразы? Вѣдь намъ извѣстны почти всѣ эти учители; несравненно полезнѣе было бы научить ихъ, въ чемъ состоитъ народное образованіе, да улучшить ихъ собственныя познанія, далеко не отвѣчающія потребностямъ народа. Такъ и поѣхали эти учителя только съ увѣренностію, что они имѣютъ *важное значеніе, большее, чѣмъ совѣтникъ губернскаго правленія*, что они показываютъ великое самоотверженіе, забиваясь *въ глушь*, въ бѣдную и *грубую* среду! Пришли за тѣмъ вѣсти, что первымъ дѣломъ ихъ было поссориться съ священникомъ—

прежнимъ учителемъ народа, и выставить народу на видъ, что прежняя наука ихъ дѣтей была только уродствомъ, что не даромъ же его прислало само министерство. *Тайныя покутенія* священниковъ—говоритъ г. Чечуринъ—*повредить* въ самомъ началѣ вновь рождающимся училищамъ заключались въ доносахъ и *распущеніи ложныхъ слуховъ* о поведеніи и худой нравственности народныхъ учителей.» Вотъ какъ относится г. Чечуринъ къ голосу священниковъ! Одно дѣло, дѣйствителрно по жалобѣ священника, разбиралъ самъ г. Туловъ, и г. Чечуринъ, на основаніи этого разбирательства вины своего птенца, считаетъ себя въ правѣ сказать: «Доносы эти по *тщательной повѣркѣ* оказались ложными.»

«Цѣль этой статьи—заключаетъ г. Чечуринъ—показать публикѣ *раціональность дѣйствій учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго образованія* и высказать безъ всякой горечи *истину нашему духовенству*....» Но мы видѣли, на сколько раціональны дѣйствія этого вѣдомства, и насколько въ статьѣ г. Чечурина истины о духовенствѣ кіевской епархіи.— Считаемъ нужнымъ еще сдѣлать два замѣчанія: а). Духовенство кіевской епархіи никогда не считало народнаго образованія своею исключительною привиллегіею, собственностью своего званія, оно стояло за мысль, которой всегда будетъ держаться, что первоначальное образованіе тогда только прочно, развитіе тогда правильно будетъ, когда оно будетъ начинаться и сопровождаться религіознымъ духомъ,—что и народъ нужно и можно возбудить къ истинному, полезному для него, а не къ пустому и безполезному образованію только съ точки религіозной. Если оно настаиваетъ, что народное образованіе нужно теперь поручить ему, то это потому, что учебное вѣдомство русское далеко не въ состояніи дать народнымъ школамъ своихъ *хорошихъ* учителей, и еще не скоро найдетъ ихъ у себя, и потому, что народъ самъ предпочитаетъ учителя—священника всякому другому. b) Духовенство дѣйствительно недовольно новыми министерскими школами въ селахъ; но не потому, чтобы оно, во имя какихъ нибудь своихъ правъ и привиллегій, само хотѣло завладѣть народнымъ образованіемъ, и чтобы оно счи-

тало свѣтскую науку—«заморскою мудростью, невѣрующею въ Бога,» какъ старается увѣрить въ этомъ себя и другихъ г. Чечуринъ, а потому, что школы эти дѣйствительно дурны, по неразвитости своихъ учителей, по насилію народной воли, наконецъ по враждебности къ духовенству, какою проникнутъ весь процессъ устройства ихъ. У священника есть своя святая школа, въ которой онъ можетъ всегда и всѣхъ, а не однихъ дѣтей прихожанъ, поучать всему доброму, развивать міросозерцаніе и нравственныя силы ихъ,—берите отъ него школы грамотности, если чувствуете себя въ силахъ къ этому, и если считаете это своимъ патентомъ, гербомъ, но давайте народу лучшее, а не худшее, иначе духовенство, которое, и по историческимъ своимъ судьбамъ, такъ рѣзко напоминаемымъ нынѣшними польскими стремленіями, и по своему служенію, тѣснѣе всѣхъ связано съ народомъ, никогда не будетъ молчать, хотя бы противъ него выступали и сотни такихъ почтенныхъ импровисаторовъ, какъ г. Чечуринъ, забывающихъ, или же затемняющихъ истинное достоинство новыхъ школъ, и выѣзжающихъ только на безусловномъ пораженіи достоинствъ духовенства.

Е. Кр—скій.

Приложенія къ предъидущей статьѣ о народныхъ школахъ.

1.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,

господину мировому посреднику 5-го участка, радомысльскаго уѣзда,

хабенскаго волостнаго правленія,

прошеніе.

Такъ какъ при открытіи въ мѣстечкѣ Хабномъ народной школы инспекторомъ казенныхъ училищъ, существовавшія въ нашей волости двѣ приходскія школы имѣли быть уничтоженными, то хабенское волостное правленіе по общему совѣту признало необходимымъ оказать хотя и съ трудностію всевозможное содѣйствіе въ открытіи народной школы. Нынѣ же, когда приходскія школы незакрыты и таковыя существуютъ, въ которыхъ, какъ

замѣчено нами, что крестьянскія дѣти болѣе пользуются науками, чемъ въ народной школѣ, а тѣмъ паче, что въ настоящее время мы нестѣсняемся ни какимъ платежемъ, ни другими вознагражденіями за обученіе дѣтей въ приходскихъ школахъ, а потому хабенское волостное правленіе честь имѣетъ покорнѣйше просить вашего высокоблагородія сдѣлать со стороны своей надлежащее распоряженіе, отнестись куда слѣдуетъ, или, на основаніи предписанія г. начальника кіевской губерніи, отъ 16 прошнаго августа, коимъ предоставлено на волю временно-обязаннымъ крестьянамъ отдавать дѣтей въ народныя или приходскія училища, дозволить намъ самимъ просить объ уничтоженіи народной школы, и тѣмъ самымъ отвратить отъ насъ излишніе расходы; въ чемъ и подписался хабенской волостной старшина Михаилъ Возомонъ.

2.

Приговоръ саливанскаго общества.

1863 года мѣсяца января 8 числа, собранъ былъ сельскій сходъ, на которомъ разсуждено: октября мѣсяца прошлаго 1862 года послѣднихъ числахъ прибылъ въ нашу волость неизвѣстно кто, по фамиліи Крымскій и получено нами 72 руб. 50 коп. серебр. денегъ на его содержаніе, съ тѣмъ, что онъ будетъ обучать нашихъ дѣтей; но до настоящаго времени деньги Крымскимъ почти всѣ забраны, а изъ селенія Гребенокъ никто не посылаетъ ни одного мальчика и что въ приходѣ нашемъ устроена нами школа церковноприходская подъ нашимъ попеченіемъ и надзоромъ священника, въ которой обучаются дѣти наши тому же самому, чему учитъ и г. Крымскій. Учитель этотъ постоянно дѣлаетъ претензіи къ обществу, требуетъ сторожа, котораго содержаніе намъ обходится почти столько же, сколько и вся церковная школа, требуетъ топлива, когда мы едва имѣемъ отапливать чемъ управу, перестройка, переноска гнилаго дома, когда у насъ не сдѣланъ магазинъ, постоянно ссоритъ насъ съ г. мировымъ посредникомъ, жалуясь ему на насъ, что мы ему не даемъ мальчиковъ, отопленіе и проч. Этимъ самимъ такъ вооружилъ противъ себя, что никто нехочетъ имѣть съ нимъ дѣла, и староста сельскій отказывается имѣть какія либо пособія учителю Крымскому на томъ основаніи, что (§ 46 прим. 6) старосты сельскіе не обязаны нисколько заниматься училищемъ, заведеннымъ не отъ общества. Съ водвореніемъ учителя Крымскаго у насъ постоянное неспокойствіе, ненужные хлопоты, а ученіе его намъ совсемъ излишне, за имѣющимися тремя церковноприходскими школами въ волости Гребенкахъ, Пиньчукахъ и самыхъ Саливанкахъ, которыхъ содержаніе упрочено приговорами сельскихъ сходовъ; стало быть для г. Крымскаго казенныя деньги тратятся совершенно напрасно, и самъ онъ кое что дѣлаетъ противно на-

шему благочестію, что намъ хорошо извѣстно. Вслѣдствіе какого приговора и разсужденія, просимъ покорно волостное правленіе ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, чтобы учитель г. Крымскій былъ отъ насъ отозванъ и употребленъ въ другое мѣсто, гдѣ въ немъ нуждаются. Въ томъ и подписались: деревни Саливанокъ сельскій староста Григорій Пуринъ; жители, крестьяне: Евфимъ Майка, Никита Индыкъ, Семенъ Перичеико, Павелъ Дещенко, Доришъ Индыкъ, Яковъ Дещенко, Кузьма Пуринъ, Логвинъ Пуринъ, Саустіанъ Тонковидъ, Игнатъ Тонковидъ, Мойсей Зануда, Өедоръ Зануда, Өедоръ Пуринъ, Кондратъ Яценко, Наумъ Яценко, Иванъ Рябуха, Авраамъ Степаненко, Сакъ Литвиненко, Прохоръ Плоденко, Данило Степаненко, Лаврентій Сиденко, Лукьянъ Литвиненко, Мина Корпіенко, Василій Шафранъ, Олексій Лютый, Никита Тонковидъ, Степанъ Степаненко, Яковъ Степаненко, Петръ Лисинъ, Сверидъ Чайка, Данило Тонковидъ, Иванъ Черношкуръ, Степанъ Усъ, Прокопъ Степаненко, Емельянъ Рябуха, Антонъ Григоренко, Игнатъ Руденко, Константинъ Губенко, Захарій Щербакъ, Авдій Бугай, Исаія Бугай и Софронъ Кулида; а за нихъ, неграмотныхъ росписался, крестьянинъ: Өеодоръ Плоденко[1]).

---

[1]) Эти приложенія переданы съ буквальною точностію. Ред

Откликъ «Вѣстника» «Голосу.»

Мы дали себѣ обѣтъ—«не громить соломенныхъ сноповъ нарѣзными пушками;» но, нѣтъ правила безъ исключенія,—и вотъ мы вынуждены направить пушку (быть-можетъ и не нарѣзную,—боимся, чтобы какой нибудь *голосъ* не назвалъ насъ самохвалами) нашу на одинъ снопъ, черезъ чуръ соломенный. Мы разумѣемъ выходку противъ «Вѣстника юго-западной и западной Россіи,» помѣщенную въ 148 № «Голоса.» Выходка эта обнаруживаетъ недобросовѣстность ея автора и ложный взглядъ на нѣкоторые вопросы первой важности, рѣшенные Вѣстникомъ непоколебимо—вѣрно. Качества выходки—какъ видите—хоть и соломенныя, но довольно крупныя для того, чтобы можно было оставить ихъ безъ всякаго выстрѣла.

1). Недобросовѣстность «Голоса» доказывается умышленнымъ искаженіемъ цитатъ и смысла объявленія о продолженіи изданія Вѣстника и навязываніемъ ему такихъ идей и выраженій, которыя къ нему *существенно* не относятся. Въ выпискѣ цитатъ, Голосъ—то навязываетъ Вѣстнику свои идеи, то опускаетъ тѣ, которыя принадлежатъ ему и которыя даютъ совсѣмъ иной смыслъ цѣлой цитатѣ. Если искать этому поступку литературному сближенія въ сферѣ поступковъ нравственныхъ, то его можно, въ своемъ родѣ, сравнить съ кражею чужой собственности и подбрасываніемъ воровскихъ вещей другому, для отвода отъ себя слѣдовъ преступленія. Гдѣ, наприм., «Голосъ» вычиталъ въ объявленіи Вѣстника то, что онъ «началъ издаваться въ то время, когда Россія стояла на краю пропасти, *поколебленная* (?) въ своей вѣрѣ, ослабленная въ своей народности, запутанная въ своихъ между-народныхъ отношеніяхъ, но явился Вѣстникъ—и вынесъ (?) ее на своихъ плечахъ?» Ужъ не *голосъ* ли это человѣка, говорящаго во снѣ?

Быть можетъ эта греза имѣетъ связь съ духомъ объявленія, если не его фразой? Конечно, нѣтъ! Въ объявленіи, правда, сказано, что Вѣстникъ подмѣтилъ кое-какія подкопы современнаго нигилизма подъ твердыни нашей вѣры, кое-какія сепараціи, покушенія на цѣлость Россіи и обличилъ ихъ; но, кто изъ людей, изучавшихъ Вѣстникъ, смѣетъ сказать, что это не правда, а тѣмъ болѣе,—кто позволитъ себѣ вывесть изъ этихъ скромныхъ услугъ Вѣстника то заключеніе, что Россія стояла на краю пропасти,—явился Вѣстникъ—и вынесъ ее на плечахъ своихъ! Если въ Россіи есть двѣ-три тысячи нигилистовъ, космополитовъ, два-три десятка выродковъ, ужели она стояла на краю пропасти; если Вѣстникъ, по долгу чести и совѣсти, долженъ былъ обличить ихъ, ужели онъ вынесъ Россію на плечахъ своихъ? Жалкая логика при богатствѣ фантазіи! Далѣе: «его (Вѣстника) *фраза* (!) бичевала всѣхъ посягателей на цѣлость нашей вѣры и народности и проч.» Сколько бы вы ни курсивили, а несомнѣнно то, что фраза Вѣстника бичевала, громила всѣхъ, кто заслужилъ эту кару. Кто знакомъ съ Вѣстникомъ, тотъ согласится, что мы выразились немножко пластично—образно, но за то-точно и выразительно. Выразиться иначе—значитъ выразиться невѣрно. Но отъ чего бичевала, громила *фраза* (такъ, по крайней мѣрѣ, можно понимать курсивъ Голоса),—не мысль, не чувство, спроситъ Голосъ? Отъ того, что мысль и чувство, *сами по себѣ*, бичевать не могутъ, что для бичеванья нужно посредствующее, физическое орудіе, littera docet, littera nocet. Далѣе: «онъ (Вѣстникъ) преслѣдовалъ не столько дѣло, сколько намѣреніе и проч.» Голосъ позволилъ себѣ при этой выдержкѣ чисто воровской поступокъ,—онъ укралъ изъ фразы (послѣ слова—преслѣдовалъ) слово—*тутъ*, и смыслъ фразы вышелъ такой, что ее можно, пожалуй, напечатать и курсивомъ. Но честно ли это, предоставляемъ судить всякому честному человѣку? Чтобы законнѣе осудить эту кражу литературную Голоса, посмотримъ какой выходитъ смыслъ этой фразы въ Голосѣ и какой въ объявленіи Вѣстника, съ прибавленіемъ украденнаго Голосомъ—*тутъ*. Голосъ говоритъ, какъ ни въ чемъ не бывало, что Вѣстникъ больше занимается преслѣдованіемъ намѣренія, нежели дѣла. И это-не порокъ, и преслѣдованіе намѣренія—опаснаго, *готоваго* проявиться въ разрушительныхъ фактахъ—

дѣло честное, достойное патріота: но въ объявленіи Вѣстника все-таки мысль эта поставлена совсѣмъ иначе, несравненно частнѣе,—приспособительно къ исключительнымъ явленіямъ. Объявленіе говоритъ: «мы избѣгали (выражаемся короче) полемики; но тамъ, гдѣ выстрѣлы, хотя часто и безвредные, направлены были (не забудьте—только направлены, и выстрѣлы—притомъ—безвредные) въ сердце нашихъ святынь,—въ твердыни нашей Вѣры и народности, Вѣстникъ не щадилъ своихъ средствъ. Онъ преслѣдовалъ *тутъ*,—въ вышеобъясненномъ случаѣ, не столько дѣло, сколько намѣреніе и проч.» Кто не замѣчаетъ, что слово *тутъ* даетъ здѣсь мысли совсѣмъ особый оттѣнокъ, что оно составляетъ силу мысли, что оно намекаетъ на тотъ случай и моментъ, когда Вѣстнику нечего было преслѣдовать, кромѣ намѣренія! По неволѣ спросишь опять: честно ли это? А между тѣмъ Голосу такъ понравилось это воровство, что онъ *мотивировалъ* его дважды.

Выдергивая также фразы изъ контекста объявленія съ нужными для Голоса прибавленіями, пропусками и дойдя до того мѣста, гдѣ говорится (и, замѣтимъ, весьма резонно), что Вѣстникъ обличилъ и опровергъ (вмѣсто—*втопталъ въ грязь*, какъ говоритъ Голосъ) бездну лжей и клеветъ, искаженій исторіи и современности, которыя разсѣевали на счетъ Россіи ея недруги,—Голосъ весьма *деликатно и основательно* добавляетъ: «до сихъ поръ, разумѣется, неимѣющіе (недруги) понятія о Вѣстникѣ.» Голосъ украсился новою добродѣтелью—клеветою или незнаніемъ дѣла. Что Вѣстникъ знакомъ его недругамъ, это доказывается и тѣмъ, что съ нимъ немножко знакомъ даже авторъ злостной противъ него выходки. Но Вѣстникъ не слишкомъ гордится этимъ знакомствомъ,—онъ можетъ доказать цифрами, что кругъ его знакомыхъ весьма обширенъ для молодаго изданія: онъ расходится въ числѣ 2000 экз.; его читаютъ (кто можетъ) во всѣхъ европейскихъ столицахъ и обобщаютъ его идеи съ тѣми, которые по русски читать не могутъ. Его высылается за границу около 50 экз. и въ томъ числѣ около 20 западнымъ славянамъ. Нѣкоторыя статьи его, напечатанныя по требованію публики—и нашей, и заграничной—отдѣльными брошюрами, разошлись сотнями и тысячами. Брошюра статьи: «Образчикъ миролюбія и правдолюбія поляковъ» была расхватана въ Галиціи въ 1 часъ вся, безъ остатка.

Брошюры статьи: «Объясненіе одной фразы» и проч. было заказано около 4000 экземпляровъ и проч. и проч. Но мы никогда бы не окончили бесѣды нашей съ Голосомъ, если бы захотѣли исчислять всѣ права и данныя на извѣстность Вѣстника его недругамъ. Не проходитъ недѣли, чтобы Вѣстникъ не получалъ отъ членовъ революціоннаго комитета, то угрозъ, то обольщеній, то прокламацій [1]). Стало быть Вѣстникъ попадаетъ въ цѣль и на не извѣстность свою «недругамъ» пожаловаться не можетъ.

Выдернувъ снова изъ объявленія Вѣстника нѣсколько фразъ, ничего не говорящихъ въ пользу намѣренія, которымъ задался Голосъ,—онъ еще хотѣлъ уличить Вѣстникъ въ нескромности и прибѣгнулъ къ любимому пріему своей полемики,—онъ *подкинулъ* объявленію слово: *собственнаго*, укралъ контекстъ и весьма нужныя для дѣла слова: «друзьямъ и сотрудникамъ.» Но оставимъ въ сторонѣ слова и посмотримъ на дѣло. Въ редакціи Вѣстника такъ много данныхъ для подтвержденія той истины, что у Вѣстника много друзей и притомъ изъ числа личностей, дружбою которыхъ можно гордиться и толстѣйшимъ и старѣйшимъ изъ собратій Вѣстника, что обнародованье (не бракуемое скромностью нѣкоторыхъ журналистовъ и авторовъ) ихъ составило бы книжку потолще Вѣстника. Но Вѣстникъ этого не сдѣлалъ по чувству весьма понятному; стало быть, если намекнулъ на своихъ друзей, то именно для того только, чтобы воспользоваться случаемъ благодарить ихъ. Гдѣжь тутъ нескромность? Не называетъ ли тутъ, по обычаю, Голосъ вещи превратными именами?

Вообще Вѣстникъ не имѣлъ ни нужды, ни намѣренія прибѣгать къ *самовосхваленію*. Всякое положеніе объявленія онъ можетъ *подтвердить цѣлымъ рядомъ статей, не прошед-*

---

[1]) Что Вѣстникъ не напечаталъ этихъ прокламацій (онъ ихъ имѣетъ 5) это показываетъ его благоразуміе: онъ не хочетъ дѣлать того, что нравится врагамъ Россіи,—распространять въ 2000 экземплярахъ тѣ ядовитые памфлеты, которыхъ агитаторы польской революціи не могутъ распространить безъ опасности жизни и 200, и которые могутъ иногда соблазнить не твердыхъ въ политической вѣрѣ.

шихъ безслѣдно въ духѣ истиннаго патріота. Самъ Голосъ не заявилъ никакихъ доводовъ въ обличеніе преувеличенности тѣхъ положеній объявленія, которыя онъ цитировалъ въ своей выходкѣ, не указалъ резоновъ для отрицанія тѣхъ заслугъ Вѣстника, которыя (отрицанія) легче назвать, нежели доказать. Одно изъ двухъ: или Голосъ не изучилъ Вѣстника, или онъ имѣетъ *личныя* причины не раздѣлять убѣжденій, не соглашаться съ выводами и резонами Вѣстника. Если у него есть эти причины, просимъ покорно подѣлиться ими съ нами; иначе мы будемъ имѣть право сказать Голосу: вы сердитесь, слѣдовательно, вы не правы; вы кричите, слѣдовательно, вы не можете сказать дѣла. Когда мы сказали въ началѣ объявленія: «не намъ судить, *какъ* Вѣстникъ рѣшилъ свою задачу,» потомъ на концѣ: «Вѣстникъ *старался* выбить непріятелей изъ всѣхъ почти позицій,» то мы ясно отказались отъ обязанности судей въ собственномъ дѣлѣ и поставили на видъ только свои усилія къ одолѣнію непріятелей,—такимъ образомъ альфа и омега нашего объявленія слишкомъ далеки отъ самовосхваленія. А если въ срединѣ этого объявленія и исчисляется краткій перечень работъ, которыми занимался Вѣстникъ и которымъ заявили полное сочувствіе всѣ лучшіе друзья Россіи и православія—*сверху до низу*; то этого требовала справедливость и отчетность Вѣстника предъ своими читателями и почитателями. Видали мы, какъ иные толстые журналы самоуслаждались ѳиміамомъ самовосхваленія и навязывали себѣ такіе подвиги, которые можно усвоить имъ также, какъ пишущему это—взятіе Пуэблы. А Вѣстникъ сдѣлалъ все то, что назвалъ въ своемъ объявленіи и сдѣлалъ, скажемъ безъ самохвальства, добросовѣстно, честно, съ замѣтною пользою для интересовъ нашей вѣры и народности. Доказывать эту истину, значитъ переписывать здѣсь большинство статей Вѣстника.

Единственное quasi—доказательство Голоса *сыромятности* (?) Вѣстника состоитъ въ цитировкѣ нѣсколькихъ словъ и выраженій, выписанныхъ имъ изъ статейки «Современныя недоразумѣнія,» помѣщенной въ «*Приложеніи къ Вѣстнику*.» Эти слова—«дьявольское упорство, уродливая сепаративность, своенравіе, безуміе нѣкотораго рода, мода въ родѣ недуга,» по мнѣнію Голоса—это «самыя унизительныя выходки, самыя ужасныя побранки.» Мы думаемъ, что Голосъ кричитъ, а все-

таки не говоритъ дѣла. Отъ чего онъ не потрудился доказать, что это брань, что это низость, тогда какъ авторъ статейки наглядно доказалъ, что это истина, что упорство нѣкоторыхъ хохломановъ оязычить малорусское нарѣчіе (не говорите языкъ, иначе вы будете называть вещи чужимъ именемъ) имѣетъ всѣ примѣты поцитованнаго имъ латинскаго афоризма, всѣ признаки сепаратизма, маніи. А какимъ образомъ деликатный Голосъ нашелъ брань и низость въ словахъ: «своенравіе, мода въ родѣ недуга,» мы никакъ себѣ не возьмемъ въ толкъ. Но крупнѣе всего въ этомъ крикѣ (о хохломаніи поговоримъ ниже) Голоса то, что онъ подкинулъ эту статейку Вѣстнику, тогда какъ она—совершенно отдѣльное отъ него «*Приложеніе къ Вѣстнику*» (состоявшее внѣ его редакціи)—подарокъ его подписчикамъ, и, въ тоже время, похитилъ фразу: «Приложеніе къ Вѣстнику.» Тутъ съ неподражаемымъ искусствомъ Голосъ убилъ однимъ зарядомъ зайца и щуку, сочетавъ въ одномъ поступкѣ двѣ *добродѣтели*. Развѣ нѣкоторые толстые журналы въ состояніи отвѣтить за всю гниль и грязь заграничныхъ романовъ, которыми дарили они, въ видѣ отдѣльныхъ приложеній, своихъ подписчиковъ, и развѣ кто считалъ эти прибавленія самыми журналами?

2). Теперь о хохломаніи. Голосъ думаетъ, что, если **самъ** *г. Костомаровъ* заявилъ въ немъ (*самомъ* Голосѣ), что хохломаны добиваются того (только), «чтобы грамота перестала служить для народа букою, которою пугаютъ дѣтей и проч....,» то онъ «объяснилъ это (вопросъ о хохломаніи) со всею силою здравомыслія?» Крайнее, хоть, можетъ быть, и невинное, заблужденіе! Вотъ что значитъ жить на окраинѣ Россіи и составлять убѣжденія съ чужаго *голоса*! Вотъ что значитъ смотрѣть на предметъ въ 1500 верстномъ отъ него разстояніи! Не будетъ ли это тоже, что писать путешествіе по Бразиліи, не выѣзжая изъ Петербурга? Вы думаете, что коль скоро, сказалъ кто либо въ Голосѣ, что для народа русскаго русская и славянская азбука—бука, что эти буки пугаютъ дѣтей народа, что онъ не понимаетъ русскаго говора,—то такъ тому и быть? Гдѣ же вы видѣли этотъ народъ, этихъ дѣтей; кто вамъ донесъ, кромѣ немногихъ недѣлимыхъ (также знакомыхъ съ народомъ и дѣтьми его, какъ и вы), что для этихъ дѣтей русская азбука—бука, когда онѣ, безъ усилія немногихъ,

не прошеныхъ народомъ, хохломановъ не имѣлибы и понятія о хохлацкихъ грамоткахъ, не зналибы о существованіи чего либо, кромѣ этихъ букъ, на которыхъ выучились большія тысячи дѣтей, никогда не пугавшихся этихъ букъ и понимающихъ ихъ далеко легче и скорѣе, нежели тотъ венигретъ изъ польско—русскаго *уніатскаго* нарѣчія, который навязываютъ имъ нѣкоторыя упорныя, либо, злонамѣренныя головы и отъ которыхъ отбивается и руками и ногами народъ, стыдящійся за себя и за васъ, когда вы говорите къ нему по-*мужицки*? Ужели вы потеряли способность убѣждаться тѣми непоколебимыми, какъ скала гранитная, резонами—логическими, историческими, филологическими, тою массою фактовъ, которые сгруппированы въ разныхъ статьяхъ Вѣстника и другихъ періодическихъ изданій [1]), и которые способны убѣдить всякое разумное, благонамѣренное существо въ тѣхъ аксіомахъ, что народъ малорусскій, бѣлорусскій совершенно понимаетъ человѣка, правильно и ясно говорящаго по-русски, что онъ презираетъ малорусскую грамотность, что усилія 500 хохломановъ не пріобрѣли доселѣ и 500 прозелитовъ хохломанизма, что малорусскія книжонки если и проскользаютъ разными путями въ сельскія школы, въ книжныя лавки, то будутъ тлѣть тамъ до тѣхъ поръ, пока не источатся червями, что «Основа»—библіографическая рѣдкость въ Малороссіи, что хохломаны страдаютъ или упорствомъ или сепаратизмомъ, *ищущъ своихъ си*, а не пользы народной, что малорусское нарѣчіе рѣшительно не пригодно, безполезно и вредно для сельской школы, для русскаго единства? Вы думаете, что въ словахъ: «да будетъ *анаѳема* тотъ, кто думаетъ объ отдѣленіи отъ Россіи»—не можетъ быть иносказательнаго смысла? Знаете ли вы, что анаѳема тоже значитъ отдѣленіе, и что это проклятіе можетъ имѣть такое же значеніе и характеръ, какое имѣла клятва цыгана, доказывавшаго свою невинность слѣдующими словами: «черна земля, пусть будетъ еще чернѣй, если я это сдѣлалъ?» Да

[1]) Смотр., между прочимъ, статью г. Гогоцкаго: „На какомъ языкѣ слѣдуетъ обучать народъ въ сельскихъ школахъ югозападной Россіи,“ напечатанную въ 33, 34 и 35 №№ Кіевск. Телеграфа 1863 г. и перепечатанную въ многихъ журналахъ и газетахъ.

и безъ отдѣленія можно мѣтить на разныя федераціи, при несостоятельности самобытности. То-то, господа, молчали бы лучше, когда не знаете дѣла, вмѣсто того, чтобы претендовать на всевѣденіе! Поживите здѣсь, изучите темное для васъ дѣло по нашему, вооружитесь наблюдательностію, здравомысліемъ и безпристрастіемъ, и тогда вы не будете рознить намъ ни на полтона [1]), а тѣмъ болѣе не выкинете такого парадокса: «малороссійскій ребенокъ не пойдетъ далѣе сельской школы.» Вотъ вамъ и гуманность, и плоды развитія простаго народа! Такъ вы безусловно осуждаете большіе мильоны на малорусскую *только* грамотность и закрываете для этихъ мильоновъ всѣ учебныя заведенія, открытыя нашимъ вѣкомъ, прогрессомъ, здравымъ смысломъ, волею Освободителя народа отъ неволи ума и свободы—для всѣхъ и каждаго? А знаете ли, читатель, для чего понадобился этотъ парадоксъ? Вотъ для чего: въ сельскихъ школахъ нужно учить по малорусски; но вѣдь во всѣхъ другихъ школахъ нужно же учить по русски, какъ же тутъ быть? Да просто—на просто—не пустить ни въ какую школу, кромѣ сельской, дѣтей народа. Вотъ вамъ и прогрессъ! «Вотъ куда можетъ метнуть» сепарація или слабоуміе!

Съ такимъ же *безпристрастіемъ, знаніемъ дѣла и деликатностью*, Голосъ относится къ представителямъ нашей религіи—духовенству. Не будучи въ состояніи заподозрить знанія его, какъ учителей народныхъ, въ другихъ предметахъ современнаго обученія въ сельскихъ школахъ, Голосъ налегаетъ на самую, по его мнѣнію, слабую сторону духовнаго образованія—на ариѳметику, и думаетъ, что духовенство потому не можетъ учить простой народъ, что оно не знаетъ ариѳметики. Очевидно, что Голосъ также знаетъ духовенство, какъ юго-западный народъ—и уровень духовнаго образованія также, какъ

---

[1]) Оттого и пропаганда, затѣявшая изданіе хохлацкихъ книжонокъ, собраніе денегъ на вредное дѣло и самое изданіе этихъ книжонокъ—могла пріютиться не здѣсь,—не въ Кіевѣ, Полтавѣ и проч., а въ Петербургѣ; что для него эта пропаганда—дѣло темное, что тамъ легче убѣждаются въ тѣхъ нелѣпостяхъ, что хохломаны выполняютъ требованіе народа, что онъ не понимаетъ русскаго языка и проч. и проч.

малорусское просторѣчье [1]). Образованіе современнаго сельскаго пастыря такъ широко, что не боится никакого сопоставленія въ дѣлѣ общечеловѣческаго развитія. Ариѳметику онъ изучилъ *окончательно* еще въ уѣздныхъ училищахъ, закрѣпилъ это знаніе при изученіи алгебры и геометріи въ семинаріи и постоянныя дѣлаетъ примѣненія этого знанія къ дѣлу въ быту житейскомъ—хозяйственномъ и церковно—административномъ. Какъ же можно, не нарушая правилъ чести и совѣсти, сказать, что священникъ не можетъ обучать ариѳметикѣ даже дитя нашего простолюдина, для котораго, по принятой настоящею программой обученія въ сельскихъ школахъ, обязательно знаніе только *первыхъ 4 дѣйствій* ариѳметики? И для чего—это дитяти, которое «не пойдетъ дальше сельской школы,» нужно такое громоздкое, такое безполезное въ быту сельскомъ знаніе ариѳметики, какого не имѣетъ и въ какомъ не нуждается священникъ? Нечемъ было уколоть священника, доказать его неспособность заправлять сельской учебой, такъ хоть ариѳметикой! И какъ будто кто запрещаетъ учить въ школахъ (особенно «въ *народныхъ*») кому угодно. Рѣшительно, никто! Дѣло только въ томъ, что нельзя отстранить отъ этой школы священника, нельзя оставить ее безъ его контроля, безъ его зоркаго и постояннаго наблюденія надъ характеромъ обученія и образомъ мыслей и поступковъ учащихъ и учащихся въ этой школѣ, нельзя исключительно поручить сельскую школу большинству той современной молодежи, убѣжденія которой *отчасти* намѣчены въ статьяхъ Вѣстника: «О характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія.» Иначе нравственно-религіозное чувство народа изсякнетъ и Россія станетъ на пути къ страш-

---

[1]) Это еще полбѣды, но цитовать такъ безграмотно польскія фразы, какъ это дѣлаетъ Голосъ,—изъ рукъ вонъ непростительно. Можно ли, напр., изуродовать фразу больше этого: Bardzdie kuіenz za vade? Кто догадается, что это значитъ: Bardzo dziękujemy za radę (по Голосу выходитъ—за порчу, а не за совѣтъ)?.... Можно ли не знать и бѣлорусскаго нарѣчія до того, чтобъ утверждать,—будто бѣлороссъ говоритъ вмѣсто сто (нужно читать это) чето (вмѣсто это)? Моѓъ бы, кажется, Голосъ спросить у другихъ о томъ, чего самъ не знаетъ.

нымъ потрясеніямъ и неизбѣжной погибели. Такимъ образомъ дѣло идетъ не объ «обладаніи,» не о чиновническомъ управленіи сельскою школою, а о нравственномъ ея направленіи, отеческомъ наблюденіи за школою и воспитаніемъ дѣтей простаго народа въ религіозно—нравственномъ настроеніи духа. Правда, и Голосъ не отвергаетъ участія духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, но это участіе поставлено у него слишкомъ темно и пріурочено «*только къ настоящему времени* » А послѣ? Послѣ, вѣроятно, духовенство окажется не нужнымъ въ сельской школѣ, когда, тоесть, нравственно-религіозное образованіе выйдетъ изъ программы обученія въ сельской школѣ и когда священникъ въ ней будетъ совершенно лишнимъ даже въ ролѣ законоучителя или наемника. Не такъ ли? По неволѣ, право, удивляешься упорству или слѣпотѣ Голоса и подобныхъ ему, когда вспомнишь всѣ тѣ резоны, которыми подтверждена въ нашей прессѣ непоколебимость истины, что духовенство должно заправлять нашими сельскими школами, и которые (резоны) въ такомъ обиліи разсыпаны по всему пространству Вѣстника, особенно въ названной недарно статьѣ его. Какъ бы Голосъ ни кричалъ, онъ можетъ только осипнуть и надорваться, но не ослабитъ и на одну іоту тѣхъ вѣковѣчныхъ аксіомъ, на которыхъ утверждена эта истина въ этой статьѣ. Голосъ любитъ голословно отвергать заключенія, когда не въ силахъ бороться съ посылками.

Быть можетъ люди, которымъ не хочется ввѣрить образованіе народа духовенству, думаютъ объ немъ на основаніи поведенія и затѣй оо. іезуитовъ? Мы подняли этотъ вопросъ недаромъ: у насъ вошло въ обычную слабость—мѣрять свое чужою мѣркою и пріурочивать разныя стороны быта нашего къ потребностямъ чуждой намъ цивилизаціи. Сближеніе не основательное! Наше духовенство также различается отъ іезуитовъ, какъ православіе отъ католичества—если не болѣе. На сколько католическіе протекторы свѣтской власти папы и политическіе интриганы—патеры желаютъ отклонить народъ отъ нормальныхъ отношеній его къ власти, закону и обществу и сдѣлать его орудіемъ своихъ затѣй и намѣреній, настолько же православное духовенство усиливается поддержать и закрѣпить союзъ народа съ властью, уваженіе къ закону, къ обязанностямъ семейнымъ и гражданскимъ. У первыхъ религія стоитъ на зад-

немъ планѣ образованія, нравственнаго воспитанія нѣтъ и въ поминѣ, а все вниманіе обращено на іезуитскую дрессировку, притворство, обманъ, умноженіе прозелитовъ ордена, его богатствъ и происки политическіе; послѣднее, при образованіи русскаго народа, ни о чемъ болѣе и не думаютъ, какъ о сообщеніи этому образованію религіознаго характера въ духѣ православія, о воспитаніи для общества нравственно-честнаго гражданина, способнаго на все доброе. Первые, заправляя образованіемъ народнымъ, столько же могутъ причинить зла, сколько послѣднее принести пользы обществу.

3). Голосъ былъ такъ деликатенъ, что назвалъ Вѣстникъ изданіемъ *сыромятнымъ*. Мы не беремся разгадывать смыслъ этой нѣжности; это дѣло довольно трудное,—но если сыромятный нужно здѣсь понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ этотъ эпитетъ примѣняется къ кожѣ; то мы не прочь отъ усвоенія его Вѣстнику: безчестія ему этотъ эпитетъ не дѣлаетъ. Въ этомъ смыслѣ аттестація Голоса будетъ значить то, что Вѣстникъ также продуктъ русскаго духа, какъ сыромятная кожа—продуктъ русской производительности, что онъ также дорогъ, что на него такія же большія требованія, какъ на кожу сыромятную, что онъ также, какъ она, крѣпокъ, неизносимъ, что можно его мять, пачкать, грызть зубами, но разорвать нельзя, что въ немъ есть свой духъ, что онъ «Русью пахнетъ.» Но если для параллели захотѣлось бы намъ поискать равносильнаго сыромятному названія для Голоса; то, ни на секунду не задумываясь, мы назвали бы его *лоскутнымъ* изданіемъ. Названіе изумительно точное! Въ Голосѣ, какъ въ лоскутномъ балаганѣ, чего хочешь, того просишь; въ немъ вы найдете и лоскутъ *ліонскаго бархату* и поношеную *чамарку*, *свиту* и отрывки нѣмецкаго *фрака* и проч., не найдете только цѣльнаго произведенія русской фабричности и меркантильности. И въ Парижѣ, и въ Варшавѣ, и въ Лондонѣ этотъ балаганъ будетъ на мѣстѣ.

Но, вѣроятно, въ Голосѣ совсѣмъ иначе звучитъ слово сыромятный, нежели въ употребленіи. На эту догадку наводитъ насъ темное желаніе Голоса уронить Вѣстникъ въ глазахъ читающаго міра: онъ усвояетъ сему послѣднему названіе *обскуранта, нетърпимаго націоналиста*. Очевидное дѣло, что Голосъ звучитъ бранью, только лишь издаетъ такіе невнятные

звуки, что скорѣе поймешь ихъ намѣреніе, нежели смыслъ. Что такое обскурантъ? Не человѣкъ ли, который не поддакиваетъ модному софизму, ходячему парадоксу, крѣпко держится вѣковѣчныхъ истинъ разума и Откровенія, отворачивается съ презрѣніемъ отъ ядовитыхъ теорій матеріализма, нигилизма, индиферантизма, либерализма, больше всматривается, вслушивается въ *свое* нежели *чужое* и т. д.? Если да, то великое спасибо Голосу за доброе слово. По крайней мѣрѣ къ Вѣстнику нельзя примѣнить обскурантизма въ иномъ смыслѣ. Если же Голосъ понимаетъ (виноватъ! *голосъ* вѣдь понимать не можетъ) это слово иначе; то не мѣшалобъ ему доказать, что пониманіе его резонно, что Вѣстникъ «умствуетъ» не логично, фальшиво. Не угодно ли, въ самомъ дѣлѣ, Голосу попробовать своихъ силъ на этой аренѣ? Впрочемъ, вызывая Голосъ противъ аксіомъ Вѣстника, мы еще не говоримъ, что будемъ имѣть честь защищать ихъ противъ Голоса; мы только желали бы, что бы люди съ критическимъ умомъ наглядно убѣдились въ безсиліи всѣхъ средствъ, которыми кто либо захотѣлъ бы поколебать положенія Вѣстника.

Почти тоже нужно сказать и о другомъ названіи Вѣстника—*нетѣрпимымъ націоналистомъ*. Если Вѣстникъ есть такой націоналистъ, который *не терпитъ* ничего враждебнаго нашей національности, бичуетъ всѣхъ посягателей на цѣлость нашей Вѣры и народности,—то—новое спасибо Голосу отъ Вѣстника за усвоеніе ему самаго лестнаго названія. И отъ чего бы, кажется, Голосу не сочувствовать подобной нетерпимости, очевидно обязательной для всякаго патріота! Ужъ не служить ли «и нашимъ, и вашимъ», не гладить ли по головкѣ и враждебныхъ намъ національностей, относиться гуманно къ душегубцамъ, изувѣрамъ, сочинять комплименты для клятво-преступниковъ, клеветниковъ и ненавистниковъ дорогой намъ Россіи? Пусть ужъ извинитъ насъ нѣжный Голосъ,—такой терпимости отъ такого націоналиста, каковъ Вѣстникъ, онъ никогда не дождется. По этому предоставляя любви Голоса космополитизмъ, мы лучше согласны «понимать» и любить свою отчизну, хоть «по китайски,» чѣмъ служить ей, подобно исповѣдникамъ «польскаго катихизиса,» чѣмъ ненавидѣть ее по польски. Если китайцы подъименемъ патріотизма разумѣютъ, подобно Вѣстнику, безграничную любовь къ родинѣ, вѣрѣ, языку предковъ, если они, подобно

русскимъ патріотамъ, готовы жертвовать всѣмъ для цѣлости, чести и пользы своего отечества; то они дѣлаютъ честь Вѣстнику, честь русскимъ патріотамъ, а сіи послѣдніе должны гордиться тѣмъ, что понимаютъ патріотизмъ по китайски. Не у всякаго вѣдь сердце такъ широко, что въ немъ могутъ свободно улечься привязанности ко всѣмъ національностямъ,—даже и въ моментъ враждебнаго настроенія этихъ національностей— нашей собственной. Не знаете ли вы, что Богъ (по откровенію тайновидца Іоанна Богослова) хотѣлъ сдѣлать съ тѣми, которые *ни теплы, ни хладны*?....

Наконецъ Голосъ былъ такъ снисходителенъ, что назвалъ Вѣстникъ, между прочимъ,—*не безполезнымъ*. Слишкомъ скупъ Голосъ,—но мы благодарны скупцу и за малое подаяніе—и, что бы не остаться у него въ долгу, въ свою очередь подаримъ Голосъ названіемъ *не безвреднаго*. Названіе—довольно характерное. Мы увѣрены, что люди съ русскимъ умомъ и сердцемъ не разъ замѣчали, что Голосъ иногда немножко рознитъ русскому тону, что онъ вытягивалъ ноты, несродныя нашимъ вокальнымъ средствамъ. Замѣчали это и мы, даже собирались дать почувствовать Голосу, что онъ не туда тянетъ, немножко фальшивитъ, да помня пословицу: «на начинающаго Богъ,» рѣшились молчать до поры—до времени, тѣмъ болѣе, что этотъ Голосъ былъ почти одинокъ и диссонансы его не превышали еще мѣръ терпѣнія. Но, когда Голосъ первый выступилъ противъ патріотическаго изданія съ бранчивою и голословною нескладицей, мы вспомнили пословицу: «какъ аукнешь, такъ и откликнется,» а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнили и кое-что такое, что дало намъ право, назвать Голосъ—*не безвреднымъ*. Голосъ, конечно, не смѣлъ прямо тянуть: Boże cóś Polskę..., но тонкое лукавство въ его *голосѣ*, но пониженіе тона тамъ, гдѣ онъ долженъ быть повышенъ, и наоборотъ, весьма часто и весьма болѣзненно поражали русское ухо и сердце. Мы не будемъ спорить съ Голосомъ, тѣмъ болѣе, что симпатіи—дѣло вкуса, что ощущенія стоятъ внѣ законовъ критики,—а только намѣтимъ слегка тѣ діэзы и бемолы, которыя непріятно отдавались въ нашемъ ухѣ. Голосъ нѣсколько разъ изъявлялъ подобострастное до колѣнопреклоненія благоговѣніе къ патріотизму и другимъ добродѣтелямъ настоящихъ польскихъ революціонеровъ. Мы бы могли сказать Голосу, что у него нѣтъ ни слу-

ха, ни глазъ, если онъ не слыхалъ о тѣхъ эпизодахъ польскаго патріотизма, въ которыхъ сокрушены до атомовъ обѣ скрыжали заповѣдей Господнихъ, если онъ не читалъ тѣхъ кровавыхъ страницъ, въ которыхъ обрисованъ бѣгло терроризмъ польскій и которыя запятнали исторію человѣчества; но мы не хотимъ полемизировать съ Голосомъ. Голосъ задаетъ иногда такой тонъ, что амнистія, дарованная польскимъ революціонерамъ, явно обнаружила планы, которыми намѣренъ руководствоваться ея Король въ будущемъ. Можетъ быть и такъ, еслибъ эта амнистія не была дерзко отвергнута, еслибъ она не была сигналомъ болѣе ожесточенной демагогіи, болѣе циническаго душегубства. Какъ будто отвергнутая амнистія даетъ право думать, что она продолжится вѣчно; что люди, поглумившіеся надъ благостію и человѣчествомъ,—люди вдвойнѣ преступные, могутъ избѣгнуть правосудія закона, остаться не наказанными. Даже Вѣчная Любовь обращается въ правду, когда отвергается благость. Голосъ проговорилъ однажды что-то въ родѣ этой фразы: Заявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ всѣми сынами Россіи, не должно питать нашей народной гордости; оно не болѣе комплимента, но отнюдь не воинственный кличь громадной Россіи, не желаніе возстать поголовно для сокрушенія будущихъ враговъ Россіи. Оттого, въ томъ же 148 №, Голосъ, передавая статью финляндской газеты: Finlands Allmänna Tidning, не озаботился пропустить нѣсколько строкъ (стран. 579 столб. 4 35—42), которыя пахнутъ тѣмъ же дымомъ и безъ которыхъ ничего не потерялъ бы ни Голосъ, ни финляндская публицистика. Оттого Голосъ страшно раскричался на студентовъ университета, когда они, *въ свободную минуту отъ занятій*, хотѣли опровергнуть взведенную на нихъ клевету и отчасти принести политическое раскаяніе въ нѣкоторыхъ прегрѣшеніяхъ юности. Какъ будто благородной, развитой, огромной корпораціи студентовъ можетъ быть запрещено то, что не запрещено ни одному простолюдину! Не большее ли право имѣютъ на заявленіе патріотическихъ чувствъ тѣ, патріотизмъ которыхъ былъ подвергнутъ врагами Россіи сомнѣнію и которыхъ молчаніе, при всеобщемъ патріотическомъ кличѣ, былобъ ужъ весьма подозрительнымъ и грустнымъ. Голосъ не издалъ ни одного звука по поводу роковой статьи: «Роковой вопросъ,» тогда какъ его слово невольно было вызываемо пропечатаннымъ

въ Голосѣ объявленіемъ о запрещеніи журнала «Время» за эту уродливую статью. Можно было, пожалуй, промолчать объ ней въ моментъ объявленія о закрытіи Времени, но за то ничто уже не мѣшало сказать что либо объ этомъ явленіи послѣ,—тѣмъ болѣе, что въ Голосѣ есть даже рубрика: «обозрѣніе газетъ и журналовъ,» въ которой не забываются Вѣстники, тогда какъ Роковые вопросы проходятся полнымъ молчаніемъ. Не есть ли это молчаніе знакъ согласія?... Правда, Голосъ что-то проговорилъ послѣ о несостоятельности польской цивилизаціи; но это слово было такъ запоздало, такъ безотносительно къ «Роковому вопросу,» такъ лукаво ввернуло въ свою тираду новое кажденіе польскому патріотизму и тремъ другимъ, мнимымъ, добродѣтелямъ поляковъ. Голосъ постоянно трактуетъ, что «Россія сдѣлаетъ все, что только возможно для Польши» [1]). Откуда это взялъ Голосъ? И за что эта милость любезной Польшѣ? Не за то ли, что она начала вѣшать, наконецъ, вѣрныхъ Богу и Государю священниковъ нашихъ? Не за то ли?... Но мы исписалибъ этими—*не за то ли* цѣлыя томы, и никогда бы не кончили нашихъ вопросовъ. Быть можетъ мы обязаны это сдѣлать для Польши въ угоду нѣкоторыхъ господъ, слишкомъ нагло и фамиліарно указывающихъ намъ пріемы семейной нашей управы, или изъ трусости нѣкоторыхъ пугалъ, держащихъ на насъ кулакъ въ карманѣ? Такъ пускай же сперва эти пугалы потрудятся покорить насъ, тогда ужъ не такъ безчестно будетъ согласиться и на постыдныя условія. А въ томъ то и вся суть, что покорить насъ они также могутъ, какъ луну, не было бъ только между нами *ни теплыхъ, ни холодныхъ*, да была бъ у насъ одна душа, одно тѣло. Голосъ вопіетъ: «прискорбно только (то), что, въ случаѣ войны, Польша останется въ потерѣ.» Не то, дескать, прискорбно, что можетъ пострадать отъ войны Россія, что на неизвѣстный срокъ остановится ея ростъ,—внутренній и внѣшній, что она понесетъ нѣкоторыя (конечно вознаградимыя) потери, а то прискорбно, что пострадаетъ *добрая*, *невинная* Польша. И какъ,

---

[1]) Подлинныя слова Голоса, а въ другихъ случаяхъ мы передавали болѣе содержаніе фразъ и намеки мыслителя, нежели его фразы.

въ самомъ дѣлѣ, не пожалѣть о горѣ *дружелюбной* сестрицы!.... Передовая статья 155 № Голоса состоитъ изъ одного только пророчества (вѣроятно написаннаго полякомъ), помѣщеннаго въ Daily News и трактующаго о томъ, что Россія согласится на извѣстныхъ 6 пунктовъ (обидныхъ и потому уже, что онѣ предложены Россіи западными державами, и что она смѣлоо можетъ принять эти низкія условія—въ надеждѣ, что Плыша (?) ихъ отвергнетъ. Стало быть мнѣніе Daily News есть и голосъ Голоса. Восбще Голосъ потому напустился на китайскій націонализмъ Вѣстника, что онъ не совсѣмъ равнодушенъ къ космополитизму и что, лишь только Вѣстникъ заговорилъ объ немъ,—объ «искусстномъ нейтралитетѣ нѣкоторыхъ органовъ между двумя непріятельскими лагерями, между прямымъ долгомъ и скрытою полуизмѣною,»—Голосъ невольно ухватился *за шапку*...... *и мигнулъ украдкой на Петра*. Да, если тонъ и направленіе Голоса расходятся съ Вѣстникомъ, то тѣмъ хуже для Голоса.

Довольно съ Голоса; надѣемся, что бесѣда наша съ нимъ не повторится.

Редакція Вѣстника.

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

XII.

ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ ХРИСТІАНИНЪ.

Безпредѣльное пространство лѣваго берега Днѣпра было покрыто весенними водами. Не большіе островки покрытые густою зеленью кустовъ врѣзывались въ лозы острыми пещаными полосами своихъ береговъ; кой гдѣ виднѣлись полузатопленныя домины рыбаковъ, кой гдѣ по островкамъ замѣчались рыбачьи шалаши и вокругъ ихъ развѣшаныя для просушки рыболовныя сѣти. Въ разныхъ мѣстахъ безпредѣльнаго разлива скользили рыбачьи *душегубки*. Картина раздольнаго разлива съ лѣвой стороны обрамлялась едва замѣтною сизочерноватою полосою лѣса, съ права ограничивали ее высоты града Кіева. Солнце еще спало. Востокъ былъ закрытъ такого же цвѣта пеленою, какою выказывался и дальній лѣсъ. Всюду царствовало ночное безмолвіе. На небѣ горѣли еще звѣзды; градъ и боръ на Перевѣсищѣ и Аскольдовой—укрывались темнотою. Одинъ только утренній прохладный вѣтерокъ гналъ рѣзвыя струи по разливу водъ Днѣпра и помавалъ вершинами деревъ, заставляя ихъ шумѣть какъ бы для сладости сна кіевлянъ. Однакоже и въ ту раннюю пору было уже нѣсколько люда бодрствовавшаго: не спали рыбаловы, да изъ чащи лѣса, покрывавшаго холмы возвышавшіеся внизъ по Днѣпру за Аскольдовой, слышались голоса люда, спускавшагося

съ высотъ къ берегу водъ. Голоса эти слышались все явственнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ приближенія шедшихъ къ берегу. Долго и даже довольно долго нельзя было видѣть, за густотою то деревъ шедшихъ, то кустовъ но наконецъ среди мрака показались черные ихъ фигуры. Замѣтно было, что въ толпѣ было не менѣе пятнадцати человѣкъ и въ числѣ ихъ почти наполовину женщинъ. Одна людина шедшая впереди подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ, коимъ она была покрыта съ головы до ногъ, держала небольшой фонарь, въ коемъ горелъ огарокъ свѣчи, бросавшей длинною полосою волшебный свѣтъ на фигуры шедшихъ по сторонѣ людей и ближайшую къ нимъ мѣстность. Людина державшая фонарь то выказывала его на наружу, то закрывала покрываломъ и тогда толпа какъ бы исчезала въ безднѣ мрака.

Когда толпа шедшихъ приблизилась къ самымъ водамъ, востокъ едва начиналъ покрываться замѣтнымъ розово-золотистымъ отблескомъ и темонта уподоблялась какъ бы темно-сапфирному свѣту предстоящаго ранняго утра.

Пришедши къ водамъ толпа остановилась. Въ числѣ людинъ составлявшихъ толпу рѣзко отдѣлился отъ прочихъ людинъ сѣдовласый, дряхлый старикъ, державшій въ правой рукѣ книгу, а въ лѣвой кадильницу. Скудоволосая и на темени совершенно лысая голова длинная совершенно бѣлая борода его, при согбенномъ положеніи старца, казалось спускалась почти до земли. Ясно было замѣтно, что старецъ былъ христіанскій священникъ; это еще болѣе подтвердилось, когда стоявшій рядомъ съ старцемъ высокій и плечистый мужъ, поддерживая дряхлеца, стоявшаго на сыпучемъ песку, произнесъ его имя — Григорій; нѣсколько впереди отца Григорія, ближе къ водѣ остановились двѣ женщины; одна изъ нихъ была въ старой истасканной синей эпончицѣ, длинныя ея волосы густыми прядями падали на плечи. Лѣвою рукою она старалась по какому то невыяснившемуся чувству закрывать свое лице, на которомъ отражалось какое то спокойствіе и ожиданіе вожделенной минуты, но черты котораго выказывали весь пылъ минувшей юности этой женщины; другая женщина облеченная въ черную длинную эпончицу, которою она, особо красиво покрыла и голову свою, была молода, и не смотря на блѣдное лице, привлекала красатою и необыкновенно пріятнымъ и спокойнымъ выраженіемъ своей осанки. Эта женщина часто обращалась къ сосѣдкѣ своей и что то ей говорила или посматривала на мужа остановив-

шагося подлѣ отца Григорія и произнося довольно громко слова свои говорила къ нему.

— Храблъ, береги отца Григорія песокъ зыбучій, легко въ воду ноги его омочатся.

— Я удерживаю! —отвѣчалъ плечистый мужъ — это былъ нашъ Храблъ,—но смотри за своею матерью, Юнія!—Присовокупилъ Храблъ, продолжая поддерживать старца Григорія.

— Мать моя и сама въ силахъ устоять, хотя мы всѣ сильно полземъ съ берега въ воду, такой зыбучій песокъ.

За плечами Храбла остановились его дружники Петро и Ивой, а близъ нихъ стоялъ старикъ издавна жившій на Аскольдовой могилѣ, и еще въ малолѣтствѣ крещеный, такъ какъ и родился отъ крещенныхъ родителей. Когда то въ домину къ тому старику стучались Хроблъ и Костарь, ища *Аскольдовой* Олели. По лѣвую сторону отъ старика помѣстилось нѣсколько окутаныхъ въ темнаго цвѣта эпончицы женщинъ, а нѣсколько по отдаль отъ всѣхъ три или четыре людина, начавшихъ пѣть протяжно, но тихо, въ то время, когда отецъ Григорій снялъ съ себя верхнюю мятлю и остался въ бѣлой полотняной ризѣ, на оплечіяхъ коей нашиты красные семиконечные кресты.

Юнія обратилася къ матери своей и, сказавши шопотомъ ей нѣсколько словъ, осторожно подвинула ее впередъ и заставила сбросить верхнюю мятлю и войдти по поясъ въ воду. Храблъ, увидѣвъ это, быстро сбросилъ съ себя верхнюю одежду и срачицу и твердымъ поступомъ вошелъ въ воду, потомъ скрестивъ на груди руки, нѣсколько склонилъ внизъ голову. Попъ Григорій началъ совершать обрядъ святаго крещенія. Тихо произнося слова молитвъ, боясь чтобы они не были услышаны звѣрскими перунщиками, преслѣдовавшими всякія требы крещенныхъ и предававшими страшнымъ истязаніямъ и мучительной смерти тѣхъ изъ своихъ братій, кои отпадали отъ идольства и принимали христіанство. Потому-то почти среди ночи, — во мракѣ ея, на дикомъ отдаленномъ отъ града берегу Днѣпра, куда въ такую пору никто не рѣшился придти, и совершалось среди безмолвія, среди только избранныхъ своихъ, великое таинство надъ бывшимъ упорнымъ перунщикомъ воеводою Волчьимъ-Хвостомъ и матерью Юніи—Аллою. Тихо вошелъ въ воды Днѣпра и самъ дряхлый старецъ Григорій, наклонился къ струямъ, зачерпнулъ водъ пригорщею и троекратно излилъ каждому крещавшемуся на наклоненныя ихъ головы. Съ святымъ

умиленіемъ произносилъ слова молитвъ и творилъ знаменіе святаго благословенія.—И какая чудная, святая картина представлялась тогда совершеніемъ въ ночную пору, на томъ дикомъ мѣстѣ, этого христіанскаго обряда! Темнота еще преобладала и только тусклый свѣтъ фонаря, поставленнаго въ густотѣ зелени прибрежнаго куста, падалъ на струи Днѣпра и тысячами игривыхъ змѣекъ разбѣгался по нимъ, а на лицахъ тѣхъ, кои приближались къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ и освѣщалъ ихъ полосою свѣта.

Безмолвно и безъизвѣстно для жителей Кіева совершился великій святой обрядъ въ волнахъ Днѣпра какъ бы въ очищеніе водъ его не разъ оскверненыхъ требищами идольскими и кровію жертвъ приносимыхъ перуну; совершился святой обрядъ среди ночи, во тьмѣ ея, какъ совершался и до этого уже не одинъ разъ.....

И также тихо и осторожно какъ спустилась вся эта толпа люда съ высоты — побрела она отъ водъ Днѣпра на высоты, пробираясь среди густоты кустовъ и высокихъ деревъ.

Впереди шелъ Ивой, за нимъ Петро, потомъ попъ Григорій и рядомъ съ нимъ новокрещенные Храблъ—названный *Николаемъ* и Алла названная *Анною*; за ними одинъ за другимъ шли Юнія съ одною изъ женщинъ, старикъ и остальныя лица. Всѣ безмолвствовали по принятому обычаю и необходимости скрывать всѣ свои дѣйствія отъ яростныхъ язычниковъ Шли довольно скоро, стараясь сколько возможно было тихо пробираться среди чащи лѣса, чтобы трескъ сухихъ, павшихъ на землю вѣтвей и шумъ листьевъ не нарушалъ царствовавшаго еще ночнаго безмолвія.

Всѣ взошли на половину возвышенія, на небольшую площадку, образовавшуюся отъ осыпи верхняго песчаннаго холма, изъ подъ котораго, по слою темно синеватой глины катился небольшой журчавшій ручеекъ въ Днѣпръ.

На доволно пространной той площадкѣ всѣ остановились. Отецъ Григорій сталъ впереди прочихъ, обратился лицемъ къ востоку, который съ высоты былъ свободно виденъ, такъ какъ чаща лѣса закрывала другіе стороны горизонта и скрывала эту площадку въ своей густой зелени, снявъ съ головы своей небольшую черную шапочку, попъ началъ произносить молитву, стоявшіе за нимъ тихо повторяли ее съ напѣвомъ и творили крестное знаменіе и поклоны. Молитва была кратка. Молившіеся приложившись къ кресту, который держалъ попъ

и обнявшись другъ съ другомъ, сошли съ площадки въ чащу кустовъ. Попъ шелъ уже впереди и вотъ онъ еще наклонилъ и безъ того уже согбенный свой станъ и вошелъ въ мрачное, малое отверзтіе, изрытое у подошвы холма, которое не было примѣтно за густыми вѣтвями кустовъ росшихъ у самаго отверстія, за попомъ одинъ за другимъ вошли всѣ людины.

Тусклый свѣтъ фонаря, который отъ берега Днѣпра несъ старикъ аскольдовецъ, озарялъ самое малое пространство узкаго и темнаго, но длиннаго подземнаго прохода, значительно висходившаго въ глубину земную, проходъ былъ такъ тѣсенъ, что съ трудомъ можно было проходить въ немъ одному человѣку и то въ наклонномъ положеніи и нѣсколько бокомъ. Подземный гробовой мракъ, сырость и недостатокъ притока воздуха поражалъ каждаго, который не свыкъ съ подземною жизнею въ нѣдрахъ приднѣпровскихъ высотъ. Пройдя извилистый подземный ходъ пещеръ, путники достигли не большой подземной келіи, въ пространствѣ которой помѣстилось до десяти человѣкъ. На пещаномъ сводѣ келіи были на копчены свѣчею въ разныхъ мѣстахъ шести конечные кресты и кой гдѣ, грубо нацарапаны остріемъ на пещаныхъ стѣнахъ келліи изобряженія святыхъ. Въ одной изъ стѣнъ, была вырита малая ниша, въ которой теплилась маленькая лампадка, жертвеннымъ свѣтомъ озарявшая могильно мрачную эту келлію; на земляномъ ложе, изрытомъ у противуположной стѣны, сидѣла Олель, въ ожиданіи возвращенія попа Григорія съ сыномъ ея и Аллою, и когда въ келлію вошелъ попъ Григорій и Храблъ, Олель бросилась къ ногамъ священника, который не смотри на дряхлость свою старался ее приподнять и когда Олель облитая обильными слезами благодарности и умиленія къ Богу за спасеніе сына ея отъ смерти тѣлесной и духовной, приподнялась, то попъ Григорій подалъ ей святой крестъ и она его облобизала съ истиннымъ христіанскимъ чувствомъ святой любви. Въ этой же подземной келліи, на не большомъ земляномъ возвышеніи, служившемъ престоломъ, отецъ Григорій тотъ часъ началъ совершеніе другаго великаго христіанскаго таинства—Евхаристія. Ниша вырытая въ стѣнѣ келліи, подлѣ ниши, въ которой теплилась лампада, служила жертвенникомъ. Такъ просто и свято было до общаго христіанства въ Кіевѣ совершеніе христіанскихъ таинствъ первыми кіевскими христіанами, укрывавшимися отъ взоровъ идолыщиковъ въ нѣдрахъ приднѣпровскихъ холмовъ, въ пещерахъ изрытыхъ варягами, прежде разбойничавшими

по Днѣпру и грабившими суда торговцевъ плывшихъ изъ Греціи или въ Грецію. Съ благоговѣніемъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ благоговѣніемъ, которое не вмѣстится въ узкія наши души, зараженныя лжемудрствованіями, и нерѣдко тлѣтворнымъ ученіемъ запада — молились предстоявшіе предъ престоломъ, въ подземной келліи и когда окончилось совершеніе таинства, попъ Григорій раздѣлилъ святую трапезу между предстоявшими и какое было духовное торжество, какое небесное наслажденіе наполняло сердца присутствовавшихъ въ томъ мрачномъ подземельѣ!...

О, какъ горячо обняла Олель сына своего, новаго христіанина, съ какимъ великимъ и святымъ чувствомъ прижала она его къ груди своей!

—Видишъ ли гдѣ мы соединились! Крестъ возвратилъ тебѣ твою мать, а матери сына! Теперь и Юнія не чужда тебѣ. Съ Костаремъ, когда то ты положилъ ее младенцемъ на порогѣ домины отца Григорія и Богъ возрастилъ ее, сколько разъ, ты съ идольскою злобою порывался убить мать и Юнію и сколько разъ этотъ крестъ святой отвращалъ твое предна-мѣреніе и все, какъ нынѣ самъ видишъ, для того, чтобы здѣсь, въ этомъ подземельѣ, соединились всѣ вмѣстѣ, славя Бога и единодушно исповѣдуя крестъ святой и пострадавшаго на немъ Спасителя — говорила Олель съ чувствомъ истинной христіанки. Храблъ съ умиленіемъ ее слушалъ, равно какъ и всѣ находившіеся въ пещерѣ, усѣвшіеся на земляныхъ ложахъ и въ нишахъ изрытыхъ у стѣнъ пещеры.

— Когда тебя израненнаго и лишеннаго чувствъ, всего облитаго кровью,—продолжала Олель, обратясь къ сыну, ночью принесли отъ берега Днѣпра въ эту пещеру Юнія, Алла и я, когда отецъ Григорій, увидѣвши тебя въ такомъ отчаянномъ положеніи, помолился надъ тобою и въ восторгѣ, утѣшая меня,—тогда несчастную, ибо я тотъ часъ узнала тебя,—сказалъ: Богъ благоволитъ къ намъ, Онъ посылаетъ въ лицѣ этого измученнаго новаго христіанина, я день и ночь молилась надъ тобой, чтобы ты выздоровѣлъ и принялъ святой крестъ, ты пораженный чудеснымъ избавленіемъ тебя отъ смерти, пріидя въ себя, далъ мнѣ клятву выздоровѣвши принять крещеніе— и лобызаю тебе сыне мой, ты клятву свою свято исполнилъ и ты же причиною, что и свирѣпая прежде идольщица Алла, привлеченная къ намъ бѣжавшею отъ нее Юніею, послѣ того какъ Алла, при помощи Костаря, похитила ее изъ терема, во время осады Кіева печенегами,—Алла, которая всю жизнь

свою страдала, ища любимой и единственной дочери, также познала истиннаго Бога и приняла христіанство вмѣстѣ съ тобою....

— Да, сынъ мой,—началъ говорить отецъ Григорій, коего блѣдное старческое лице едва, едва озарялось тусклымъ свѣтомъ маленькой лампадки,—и онъ истинно представлялъ собою образъ святого пещерожителя, рядъ которыхъ, быть можетъ, начинаясь отъ него выступилъ вскорѣ послѣ того времени, въ которое совершалось описываемое событіе.— Да, Николай, мать твоя произнесла, что ты пораженный чудесным избавленіемъ тебя отъ неминуемой смерти, очувствовавшись, далъ клятву исповѣдать святой крестъ и клятву исполнилъ,—и она произнесла святую правду, которую и ты и всѣ мы сознаемъ, ибо ты чудесно избавленъ отъ смерти; слушай меня внимательно: израненый печенѣгами на противуположной сторонѣ Днѣпра, ты съ дружниками своими оставилъ безъ всякой надобности ближайшую дорогу и переправу чрезъ Днѣпръ и переправился чрезъ рѣку противъ этого холма, у котораго и вышелъ на берегъ, на берегъ дикій и пустынный, на которомъ кромѣ насъ крещенныхъ не ступала нога идольщика, считая это мѣсто жилищемъ вѣдьмъ, упырей и всякой нечистой силы; нужно же было и такъ случится, что въ то же время возлюбленная тобою Юнія, привлекшая къ намъ прежнюю идольщицу мать свою, вышла изъ пещеры вмѣстѣ съ нею и твоею матерью на берегъ Днѣпра показывать ей звѣзды небесныя, уча ея понимать все величіе Творца вселенной и все ничтожество идольской вѣры, нужно же было, повторяю – набрѣсти имъ въ ночномъ мракѣ на тебя пораженнаго врагами и бездыханно лежавшаго у водъ Днѣпра. Не зная, кто ты, но желая по закону христіанскому, по святому долгу своему подать руку помощи каждому несчастному, онѣ слабыя женщины, въ троемъ подняли тебя и внесли въ пещеру, омыли твои раны, перевязали ихъ и привели своею христіанскою заботливостію въ чувство.—О, сынъ мой, какъ велика была радость матери твоей, когда она въ изнуренномъ лицѣ твоемъ узнала сына своего, который такъ часто жаждалъ ее же умертвить, за то только, что она приняла христіанство. Какъ велика была радость и Юніи, которую ты до этого только чувственно могъ любить, но которая считая тебя всегда спасителемъ свой жизни и чрезъ то вмѣстѣ и просвѣщеною христіанствомъ. О, еслибы ты могъ тогда сочувствовать сердцамъ ихъ,.. но ты обезсиленный отъ исте-

щенія крови, лежалъ на этомъ земляномъ одрѣ, на которомъ теперь сидишъ,—конечно не могъ ни видѣть, ни слышать, а тѣмъ болѣе сочувствовать имъ. Но Господь молитвами твоей матери и Юніи спасъ тебя и ты обратился къ нему лицемъ своимъ и поистинѣ чудесное было спасеніе твое отъ погибели.

— Святой отецъ! Ты знаешъ, что князь Олегъ, питая вражду къ отцу моему воеводѣ Свѣнельду, убилъ сына его, брата моего Люта. Отецъ мой воскипѣлъ кровавою местію засмерть сына своего и предъ идоломъ перуна поклялся вочтобы то нестало отмстить Олегу. Месть совершилась: отецъ мой для того востановилъ брата противъ брата: кіевскаго великаго князя Ярополка на князя древлянскаго Олега, отецъ мой посовѣтовалъ Ярополку соединить область древлянскую съ кіевскою. И выступилъ Ярополкъ съ тмою—темъ рати своей и настигъ Олега у града Овруча, гдѣ онъ свалился на плотинѣ съ коня, упалъ въ ровъ и въ немъ погибъ въ грязи, задушившись подъ тяжестію труповъ воиновъ и коней. Свѣдавъ о братоубійствѣ князь новгородскій—Владиміръ и страшась властолюбія брата своего Ярополка бѣжалъ изъ Новгорода за море къ варягамъ.—Я былъ любимымъ его воеводою, но онъ не предложилъ мнѣ остаться при немъ, но зная, что мать моя крещеная, слыша что я часто въ рѣчи моей съ нимъ высказывалъ, что крещеные воистинну справедливо дѣлаютъ, что не признаютъ полѣньевъ за боговъ, а почитаютъ бога того который на небѣ, который одинъ держитъ въ рукѣ своей всѣ звѣзды, мѣсяцъ, солнце и землю — Онъ считая меня отважнымъ витяземъ говорилъ, что я не истинный сынъ перуна и мнѣ было отрадно слышать такую его рѣчь и я съ самаго прибытія въ Новугородъ тосковалъ за Кіевомъ, за аскольдовой могилой, тосковалъ за матерью, Юніею, Аллой, тосковалъ за всѣми и каждымъ крещеннымъ, и даже за Костаремъ, и тамъ то въ Новугородѣ, гдѣ совершенно нѣтъ ни одного крещеннаго, въ сердце моемъ зародилось зерно любви къ крещеннымъ и къ самому кресту и зерно то разбухало въ сердцѣ моемъ, развивалось при постоянныхъ дружескихъ бесѣдахъ съ Ивоемъ и Петромъ, которые никогда не оставляли меня какъ только бѣжалъ за море мой князь Владиміръ, мы замыслили возвратится въ Кіевъ и оставили Новугородъ.

— И оставили уже давно—началъ попъ Григорій,—десять недѣль ты почти безъ чувствъ, безъ памяти лежалъ страдая отъ ранъ, да десять недѣль прошло съ тѣхъ поръ какъ ты

очувствовался я началъ мало по малу поправляться, теперь ты долженъ, служа великому князю, какъ воевода, послужить и Господу. На твоей обязанности лежитъ просвятить святою вѣрою близкихъ къ князю, дѣйствовать благотворно и на его душу. Ты знаешь, что крещеные всегда страдали отъ перунщиковъ, была година, въ которую страданія уменшались— это дѣлалось за жизнь великой княгини Ольги, когда князь Святославъ не могъ, какъ сынъ, тиранить крещеныхъ, но не стало Ольги и Святослава и перунщики нынѣ тиранятъ насъ, а что будетъ дальше, Богъ о томъ знаетъ.... Ты воевода, можешь многое сдѣлать, положи только завѣтъ въ сердцѣ своемъ стараться всѣми силами своими служить во славу Христова имени и если будешь имѣть вѣру въ сердцѣ своемъ на горчичное зерно, то двинешь горы.

— Святой отецъ! Всю жизнь свою я посвящаю кресту... Когда Хроблъ, наклонивъ въ святомъ умиленіи голову, началъ говорить эти слова, въ пещеру два крещеныхъ рыбака ввели Костаря, онъ былъ необыкновенно блѣденъ и дрожалъ; изорванная въ куски нѣкода багрянаго цвѣта, суконная эпанчица вся была мокрая и ручьи воды текли на полъ изъ нее, доска, къ которой обыкновенно привязывалась ремнями голова Костаря была сдвинута въ сторону и самая голова свисла къ лѣвому плечу. Костарь никогда не былъ въ пещерѣ и даже не подозрѣвалъ о существованіи такого подземнаго жилища. Увидѣвши окружавшихъ его, всѣхъ своихъ знакомыхъ и въ ихъ числѣ Хробла, Юнію, Аллу и Олель, онъ совершенно потерялся и не могъ довольно долго произнести слова. Рыбаки, приведшіи его, сказали, что онъ одинъ плылъ въ маломъ челнокѣ по теченію Днѣпра, выбившись изъ силъ не могъ грести и ладья его поплыла въ водоворотъ и опрокинулась. Костарь пошелъ уже было ко дну, но они ставившіе сѣти въ близкомъ отъ того мѣста разстояніи, спасли его, вытащивъ изъ воды и взявши на свою лодку.

— Костарь, Костарь! ты и меня не узнаешь? Отзывался къ нему Хроблъ.

— Узнаю, но я весь ужасно дрожу, и едва ли буду живъ.

— Если ты еще живъ, то не умрешъ отъ того что съ тобой случилось. Сказалъ Ивой.

— Мы тебѣ дадимъ сухую одежду и обогрѣемъ, произнесъ Петро.

Женщины и мужи обступили несчастнаго калѣку Костаря и начали ему оказывать помощь. Прежде всего Олель

перевязала ему доску заплечами, давши правильное положеніе головѣ, потомъ сбросила его мокрую одежду и дала сухую, затѣмъ напоивъ теплымъ виномъ, усадила въ келліи, рядомъ съ Хробломъ. И это все сдѣлалось въ самое короткое время. Костарь пришелъ въ себя. На вопросъ Хробла, куда онъ ѣхалъ въ лодкѣ, Костарь отвѣчалъ, что давно уже предъ истуканомъ Перуна и другими богами не приносится жертвъ животныхъ и ему нѣчего ѣсть, что съ той поры какъ нестало его кормителей: Олели, Хробла, и Аллы, онъ занимался рыбною ловлею и что поймаетъ, то только и употребляетъ въ пищу.

— Часто и такъ бываетъ, что я дня по два бываю безъ пищи, а въ особенности когда буря или дождь и я не въ силахъ править лодкой. Горе мнѣ, тяжкое горе!...

— Костарь, и ты все тотъ же печенежскій кудесникъ, все тотъ же жрецъ перуна, какимъ я тебя оставилъ въ градѣ Кіевѣ? .. Спросилъ Хроблъ.

— Видишь, воевода, каковъ я нынѣ. Одна страшная тѣнь осталась отъ меня и я самъ себя страшусь, мнѣ кажется, что я дѣйствительно челядникъ чернобога, а не человѣкъ.

— Пріими крестъ и будешь человѣкъ произнесъ Ивой.

— Нѣтъ! Пусть онъ будетъ жрецъ перуна пока что. Онъ болѣе будетъ полезенъ кресту, прознесъ Хроблъ. Я радъ, что вижу тебя и ты сюда попалъ не простымъ случаемъ. Теперь я опять буду тебя кормить, будетъ кормить тебя Олель и Алла, и Юнія и всѣ мы. Ты меня первый научилъ понимать, что бревна, идолы, не боги живые, что Богъ крещеныхъ лучше боговъ идольщиковъ; я помню какъ, ты, напившись меду и будучи хмельной, кричалъ на перуновой площади, что перунъ не богъ, а полѣно, что истинные боги только извѣстны крещенымъ. Такъ, ты это говорилъ?

— Говорилъ!

— Ты сознаешъ, что говорилъ истину.

— Конечно истуканы сдѣланы изъ дерева такъ и есть бревна.

— Меня спасла отъ смерти крестная сила. Я увѣровалъ въ Христа и буду жить для того только, чтобы перунщиковъ, начиная отъ князя, образумить и привесть къ истинному Богу. Мы всѣ, здѣсь находящіеся обрекли себя на это и ты долженъ намъ содѣйствовать, оставаясь еще жрецомъ перуна.

— Тотъ мой Богъ, который дастъ мнѣ кусокъ мяса и меду!..

— Ты тотъ песъ, который кусаетъ, каждаго на кого тебя т. е. пса напустятъ, произнесъ Ивой.

— Истинно так, повторилъ Петро, отецъ Григорій покачалъ головою, женщины молчали, а Храблъ взялъ за руку Костаря и сказалъ: ты мой песъ и на кого я укажу на того и будешь лаять. Намъ же всѣмъ святой крестъ велитъ стараться о немъ, дабы несчастные перунщики познали истиннаго Бога. Сказавши это Храблъ всталъ съ своего мѣста, положилъ на себя троекратное знаменіе креста, обнялъ и поцѣловалъ отца Григорія, потомъ мать свою, потомъ Аллу и, поклонясь Юніи, обратился къ Костарю и стоявшимъ и сидѣвшимъ дружникамъ и сказалъ:

— Выйдемъ, поглядимъ на восходъ солнца, и я дамъ тебѣ Костарь свѣтлый пріютъ, гдѣ ты отдохнешь.

Всѣ приглашенные имъ встали, чтобы выдти на свѣтъ и, когда вышелъ онъ изъ пещеры, а за нимъ его дружина и слабый Костарь, поддерживаемый рыбакомъ, — въ то самое мгновеніе солнце огромнымъ розовозолотистымъ шаромъ выкатилось изъ за горизонта и отразилось въ безпредѣльномъ разливѣ Днѣпра, представлявшемъ гладкое зеркало, въ которомъ смотрѣлось небо и прибрѣжья.

—Видишь ли Костарь это великое солнце? Спросилъ Храблъ.

— Вижу, какъ оно величественно взошло надъ Кіевомъ и озарило землю, — такъ вскорѣ взойдетъ надъ Кіевомъ солнце креста и озарить такъ-же святою вѣрою и Кіевъ, и цѣлую Русь.

Сказавъ это, Храблъ а за нимъ, его спутники вошли въ чащу кустовъ.

Конецъ первой части.

Николай Сементовскій.

Кіевъ
8 марта 1863 г.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

по поводу возникшихъ безпорядковъ въ юго-западномъ краѣ Россіи.

Польскій вопросъ теперь особенно въ модѣ. Всѣ журналы, газеты варіируютъ непрестанно эту тему. — Польскій вопросъ у нихъ на первомъ планѣ. Куда бы вы ни пошли, съ кѣмъ бы ни встрѣтились, непремѣнно услышите что нибудь о Польшѣ. Удивляюсь, какъ это парижане, такъ изобрѣтательные на выкройки разнаго рода мужескихъ и женскихъ уборовъ, не выкроютъ до сихъ поръ сюртука или фрака, бурнуса, чепчика, мантильи или чего нибудь изъ многоразличныхъ принадлежностей европейскаго туалета,-à la Польша, à la Мирославскій, Лангевичъ, инсургентъ и проч. Парижане теперь совсѣмъ на себя не похожи.—Ужъ не прошла ли въ Тюльери мода на Польшу, ужъ не показался ли *листъ виноград' русскій зеленымъ*. А можетъ быть вниманіе Франціи поглощено всецѣло собственными дѣлами?-Покрайней мѣрѣ всякому извѣстно, какое горячее сочувствіе высказывали французы къ польской національности.—Это было очень не давно. Всѣ ихъ политическіе органы, одинъ передъ другимъ, спѣшили напутствовать поляковъ разными утѣшительными вещами, экзальтировавшими воинственное настроеніе ихъ духа. И я, въ то время, признаюсь, ожидалъ отъ нихъ какой нибудь выкроечки à la Польша. Теперь ужъ отъ нихъ этого не жди. Теперь въ голосѣ ихъ газетъ звучитъ что то успокоительное, но ужъ не то, да и не такъ, а какъ-то совсѣмъ иначе: какъ то ужъ очень, *очень-но* политично. Французскія газеты стараются отдѣлываться полусловами, недоконченными фразами и вообще недомолвками. Замѣтно, что они чувствуютъ себя чрезвычайно не ловко; что ихъ что то такое неожиданно поразило, накрыло врасплохъ. Это замѣтно по ихъ манерѣ, по дикціи, по интонаціи голоса. — Если я не

ошибаюсь, перемѣна въ манерѣ и голосѣ французскихъ газетъ началась со времени заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ, такъ энергически высказываемыхъ въ адресахъ, получаемыхъ со всѣхъ концевъ Россіи. Что ни говорите, а это хоть кого озадачитъ. Имѣть дѣло съ *варварами* никому не поздоровится. Тѣмъ болѣе, что такихъ варваровъ наберется не мало Прогрессистовъ, которые бы дѣйствовали въ духѣ передоваго изъ передовыхъ почтеннаго Герцена-Искандера, въ Россіи наберется очень не много; а то все, видате-ли, варвары, у которыхъ постоянно одно и тоже на умѣ и на языкѣ: «мы за тебя Батюшка нашъ Царь въ огонь и въ «воду!! . Имущество, жизнь—все твое, располагай имъ, какъ «хочешь. Пока мы живы,-пяди земли не уступимъ врагу.» Это говоритъ варваръ, до того закоренѣлый въ своемъ грубомъ невѣжествѣ, что и на золотыя грамоты, такъ нѣжно ласкающія слухъ и око самымъ видомъ и названіемъ, не обратилъ никакого вниманія. Этого мало:-варвары берутъ благодѣтелей, вяжутъ имъ руки и, вмѣстѣ съ золотыми грамотами, доставляютъ начальству. «Ты, говоритъ варваръ, значится идешъ, противъ нашего Батюшки Царя,-ты, сталобыть, и нашъ врагъ. Ужъ какого отъ тебя ждать золота, коли ты самъ (вишь) какое золото!»

Не повезло бѣднымъ полякамъ!.. И англичане тоже теперь затѣваютъ совсѣмъ иную коммерцію. Извѣстное дѣло-коммерческій народъ,-сегодня на одномъ торговомъ дѣлѣ барышничаетъ, а завтра на другомъ; на другомъ онъ надѣется больше барыша взять, такъ и берется за другое. И винить его нельзя. Онъ, собственно говоря, по справедливости, и не заводилъ еще ни какой коммерціи съ Польшей, въ ущербъ Россіи, а такъ себѣ: имѣлъ нѣкоторое намѣреніе, да и пріостановился... Коммерческія дѣла англичане ведутъ очень осторожно.—Народъ практикованный, у! у!... какъ практикованный!

Вотъ и вспомнишь слово Евангельской истины: «не надѣйтеся ни на князи, ни на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія.»

Но, перенесемъ наше вниманіе отъ истинныхъ или мнимыхъ друзей Польши къ ней самой. Какое легкомысліе со стороны поляковъ, какое неуваженіе къ собственной личности, какое страшное посягательство на совѣсть, честь, доброе имя свое и своей націи,-браться за оружіе противъ народа, съ которымъ породнились и жили въ одной семьѣ, ка-

кое преступленіе востать противъ Государя, который, въ самомъ началѣ польскаго бунта, не хотѣлъ вѣрить въ возможность направленія такого злодѣйства, какимъ начался онъ! Да какъ, скажите, вѣрить тому, что подданный за добро будетъ платить зломъ?—Чѣмъ, однакожъ, объяснить нелѣпые поступки поляковъ?

Допустимъ, что поляки могли успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что пролагаютъ путь къ счастливому будущему своей націи. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какая, по видимому, свѣтлая, благородная мысль: жертвовать жизнью, для блага отчизны! Но скажите намъ, гг. поляки на какихъ началахъ, на какихъ данныхъ думаете выстроить будущность своей отчизны? Ужъ не на основаніи ли извѣстнаго намъ принципа, красующагося на вашихъ побѣдоносныхъ знаменахъ: «братство, свобода, равенство, независимось.»? Что же это, республику вамъ хочется ввести въ юго западномъ краѣ? Но, скажите, господа, положа руку на сердце, можемъ ли мы съ вами выполнить всѣ тѣ условія и обязанности, которыя налагаетъ республика на каждаго ея гражданина?

Условія, при которыхъ можетъ существовать республика, чрезвычайно строги и сложны. Обязанности каждаго гражданина республики требуютъ прежде всего служенія общему добру, безъ самохвальства, безъ разчетовъ на личную славу, корысть, требуютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самопожертвованій, безъ примѣси эгоистическихъ видовъ и, непремѣнно, сдержанности въ порывахъ своихъ страстей и слабостей, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ.

Наконецъ, гражданинъ республики долженъ уважать въ каждомъ человѣкѣ прежде всего его человѣческое достоинство, и судить о человѣкѣ безъ лицепріятія, не дѣлая въ людяхъ ни родовыхъ, ни видовыхъ, ни словесныхъ, ни какихъ другихъ подраздѣленій. Республиканскія начала доступны народу образованному, развитому сознающему въ себѣ достаточный запасъ добрыхъ нравственныхъ силъ для того, чтобы не искушаться общечеловѣческими эгоистическими расчетами, заманчивыми по виду,-ничтожными по существу. Заглянемъ въ глубь себя, господа, и мы скажемъ чистосердечно, (если только намъ не застилаетъ глаза какой нибудь предразсудокъ, затемняющій здоровую мысль, чувство, душу) что мы далеко же приготовлены къ братской любви, а потому и всякаго рода братство для насъ не мыслимо. Такимъ образомъ мы приходимъ къ убѣжденію, что громкія и звучныя слова:

«братство, свобода, равенство, независимость,» которыми, видимо, польскіе агитаторы хотятъ обманывать или себя, или другихъ, слова эти, говорю, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого смысла и значенія Незабудьте еще, гг. мечтатели и того, что республика требуетъ природныхъ границъ, территоріальной, особности, которою менѣе всякой другой націи можетъ похвалиться Польша, со всѣхъ сторонъ европейскаго материка, открытая для сосѣдей.—Между поляками, сколько мнѣ извѣстно, есть люди достаточно здравомыслящіе и благомыслящіе. Имъ я хочу предложить попросъ: какимъ образомъ польскіе агитаторы могутъ навязываться съ своими предложеніями (въ родѣ извѣстныхъ) народу, который ни по какимъ правамъ имъ не принадлежитъ, который и слушать не хочетъ ни о какихъ предложеніяхъ? На это, пожалуй, скажутъ: народъ слѣпъ, не видитъ своей пользы; а покоренный оружіемъ будетъ радоваться и благословлять свою судьбу и имена своихъ благодѣтелей, ощущая въ себѣ и кругомъ себя спокойствіе, довольство и все то, что называютъ счастіемъ. Ошибка, страшная ошибка, объясняемая только легкомысліемъ большинства поляковъ! Можно ли разсчитывать было на расположеніе того народа, который испыталъ такія бѣдствія подъ властью Польши? Онѣ слишкомъ были сильны для того, чтобы изгладится изъ памяти. Онѣ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Да, не добрая выпадала доля юго западному народу подъ властью польскихъ королей и польскихъ магнатовъ. Ее трудно забыть: исторія Польши полна кровавыхъ сценъ, возмущающихъ душу, о которыхъ одно воспоминаніе заставляетъ содрогаться и болезненно сжиматься сердце русское. Прошедшимъ своимъ Польша не можетъ похвалиться, а прошедшее Польши, больше или меньше, извѣстно каждому недѣлимому народа русскаго. На это мнѣ могутъ сказать, что прошедшее нельзя сравнивать съ настоящимъ, что между поляками развелось много добрыхъ людей, что и злые люди переродились,-что, наконецъ, «польскіе агитаторы, не успѣвши подчинить себѣ юго западный народъ словомъ, дѣйствуютъ оружіемъ, для общаго же блага того народа. Что-жъ вы станете дѣлать, господа, когда этотъ народъ въ искренность вашихъ словъ, въ пользу вашихъ притязаній нехочетъ вѣрить. На слово, господа, въ наше время никому и ни въ чемъ, ужъ давнымъ давно не вѣрятъ; на все требуютъ фактовъ и доказательствъ. Настоящее ваше даетъ полное право этому народу гадать безошибочно о будущемъ. Эпизоды на-

стоящей рѣдни вашей, насилія надъ всѣмъ, что уважается цивилизаціей человѣчества, обличаютъ наглядно и живость вашихъ обѣтовъ, значеніе намѣреній. Не говорю уже о томъ, что возстаніемъ, ни на чемъ не основанномъ, вы прибавили къ исторіи Польши еще одно грязное пятно; еще одну варварскую страницу, но каковъ исходъ можетъ быть вашего возстанія, гдѣ надежда на лучшую участь Польши? Что вы можете сдѣлать съ Россіей, которая никогда такъ единодушно не стояла за свои права и своего Властителя, какъ теперь? И это понятно. Кому, какъ не русскимъ, охранять такого Царя, который всего себя отдалъ благосостоянію Россіи. Русскій человѣкъ добро помнитъ и не призадумается ни предъ какими жертвами, для того, чтобы защитить честь и права Царя—Освободителя, отстоять цѣлость Россіи и православія.

Допустимъ, что на Россію пойдетъ Франція, Англія..... вся Европа. Но, послушайте! Англичане, французы и нѣмцы и другіе-все это народъ деликатнаго сложенія и высшаго образованія: имъ нужны котлеты, фрикасе и всякіе тамъ деликатесы, безъ которыхъ они обойтись не могутъ, а русскіе, вѣдь *варвары*; они въ крайности помирятся и на сухарѣ. Намочитъ себѣ сухарей, въ манерочной крышкѣ, да и ѣстъ; да еще какъ здоровъ, послѣ того..... на какого хотите звѣря пойдетъ. Извольте же переколотить всѣхъ этихъ варваровъ, когда они начнутъ по своему отстаивать свою землю, вѣру, своего Царя; мудрено, очень мудрено!

Недавно я имѣлъ случай подслушать разговоръ русскихъ варваровъ. Былъ чудный майскій вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ даже въ Кіевѣ было въ эту весну очень не много. Гуляющіе спѣшили въ жандармскій садъ, подышать майскимъ вечеромъ, послушать пѣвучую трубу Германа. Пробирался и я въ жандармскій садъ. Иду Михайловской улицей и слышу пѣсню:

« Александръ нашъ отецъ
« Мы совьемъ ему вѣнецъ
« Отъ чистыхъ нашихъ сердецъ.»

Удареніе голоса замѣтно было въ особенности на послѣднемъ словѣ каждаго стиха. Отрадно было слышать эту пѣсню, которая сложилась безъ натяжки и выливалась прямо изъ души. Вся пѣсня заключалась въ этихъ трехъ стихахъ, которые повторялись съ большимъ и большимъ жаромъ, четырьмя дюжими парнями Замѣтно было, что имъ хотѣлось пѣть не пере-

ставая эти строки. Подъ вліяніемъ обаятельной импровизаціи парней, уклонясь отъ предположеннаго пути въ садъ, я незамѣтно дошелъ съ ними до распивочнаго, куда и вошелъ вслѣдъ за ними, стараясь прикинуться ихняго поля ягодой. Одинъ изъ нихъ потребовалъ 4 косушки и, за тѣмъ, всѣ усѣлись вокругъ стола. Вскорѣ между ними завязался тотъ задушевный разговоръ, который вамъ только можетъ удасться слышать отъ русскаго, когда онъ сидитъ за чаркой пеннаго, или парой чая, въ обществѣ закадычныхъ пріятелей.

— «Ну, братъ ты мой, Митюха, говорилъ Пафнутій, наливая по чаркѣ, видѣлъ я сегодня поляковъ, какъ ихъ вели «связанныхъ. Рожи то у нихъ какія запыленныя! Смотрѣть «скверно. Зипуны на нихъ какіе то; бороды тоже носятъ.... «Эхъ вояки, вояки. а право хоть....[1]), ну что съ ними воевать-то, съ погаными, коли они дураки! Вѣдь и собака не«пойдетъ на своего хозяина, не станетъ его кусать; а полякъ, «видишь, на нашего Батюшку-Царя идетъ; вѣдь Онъ и его «тоже Царь и для него тоже дѣлалъ милости, а онъ, видишь, «воевать сталъ!»

— «Землю хочетъ отобрать отъ нашего Царя, замѣтилъ Василій.»

— «Понимаю я это, братъ ты мой! Да нешто ему дадутъ?.. «Недаромъ сказано: «полякъ безмозглый»... Царь слышь, про«стить ихъ хотѣлъ. Оставьте, говоритъ, воевать,-всѣхъ по«милую. Нѣтъ таки, лѣзетъ съ своимъ рыломъ поганымъ «воевать. Ну не дуракъ ли? Я бы засадилъ его въ сумасшед«шій домъ; пускай бы тамъ воевалъ съ сторожами, въ же«лѣзныхъ нарукавникахъ, право слово такъ!»

— «А я бы, говорилъ Митюха, перевѣшалъ всѣхъ, да пе«рестрѣлялъ,-что съ ними много церемониться!»

— «Постой, постой, братъ Митюха, перебилъ Андрей, это«го нельзя сдѣлать.»

— «Почему же нельзя, вопросительно смотрѣлъ Митюха»?

— «Да потому что агличане и хранцузы, слышь, засту«пятся за нихъ.»

— «Эхъ, встряхнувши волосы назадъ, перебилъ Пафнутій. «У тебя, братъ Андрей, макуха здоровая, да, кажись, боль«но крѣпко лобая!.. Нешто субординація ихъ намъ страшна? «Пусть агличанинъ или хранцузъ придетъ; ужъ мы вотъ «поправимъ мостовую, какъ слѣдуетъ быть; пусть его катает-

[1]) Слово неделикатное въ печати.

«ся по мостовой, да какъ выѣдетъ то? Нѣтъ, братъ; шалишь! «съ насъ взятки-гладки. Кривой! давай еще по косушкѣ, и «онъ съ особеннымъ увлеченіемъ затянулъ:»

« Александръ нашъ отецъ
« Мы совьемъ ему вѣнецъ
« Отъ чистыхъ нашихъ сердецъ.»

Другіе дружно подхватили; чарки снова наполнялись и «рѣчь, между ними, повелась самая оживленная, отрывистая. «А что, братъ ты мой Митюха, говорилъ Пафнутій: коли «придетъ агличанинъ, али хранцузъ къ намъ, весело тебѣ «будетъ?»

— «Ну штожъ! Что мое, что твое-дѣло, все однаково,.... «теперь камни дробимъ, а тогда будемъ головы».....

— «Въ обиду не дадимъ себя, Митюха?

— «Пусть попробуетъ, тогда увидитъ.

— «Что ты, Василій, съёжился, али спать захотѣлъ?

— «Не трошь, Пафнутій, меня,-я думу думаю.

— «Какую жъ ты думу думаешъ?

— «Эхъ; Пафнутій!»... И Василій затрясъ головою. Въ голосѣ его зазвучала нота, которая защемила мнѣ сердце. «Жаль мнѣ нашего Батюшку Царя!.. Христіанская вѣдь у «него душа, добрая, ангельская душа; а вишь, какъ его-то «огорчаютъ злодѣи!

Наступило молчаніе. Всѣ видимо были тронуты замѣчаніемъ Василія Пафнутій заговорилъ первый.

— «Василій!»

Василій поднялъ глаза.

— «Скажи ты мнѣ, братъ ты мой, нешто насъ могутъ «напугать агличани, хранцузы, али тамъ нѣмцы какіе? Нешто «мы дадимъ кормильца, наше красно-солнышко, нашего батюшку Царя въ обиду! .. Али грудь наша не сильна, али головъ «нашихъ мало. Ну, штожъ, помѣряемся, коли имъ хочется! «На все есть воля Божія! Онъ насъ не выдастъ, а коли угодно будетъ Богу жизнь нашу прекратить,-опять таки Его «святая воля.-А пока будемъ живы,-берегись бусурманъ!»

Послѣ словъ Пафнутія, у всѣхъ заискрились глаза огнемъ той неотразимой силы, отъ которой, какъ говорится, мурашки за кожей ползутъ.

Вошелъ городовой, и Кривой засуетился.

— «Ну, что у тебя до сихъ поръ прохлаждаются, обратился городовой къ Кривому?-Порядка незнаешь, что-ли?.. «Двѣнадцтаый часъ!... Пора, запирать»!.

Я поспѣшилъ выйдти. И стало мнѣ на душѣ такъ громоздко, что воздуха, чуднаго майскаго вечерняго воздуха, казалось мало для моей груди. — Боже мой, Боже мой, думалъ я! да за что же себя губитъ народъ польскій? Неужели еще онъ не прислушался къ голосу русскаго народа? Неужели онъ можетъ разсчитывать на какую нибудь удачу въ своихъ преступныхъ замыслахъ, при такомъ всеобщемъ негодованіи русскаго народа къ его возстанію. Для чего же идти на вѣрную свою погибель? Вѣдь это самоубійство! Или поляки такъ разочарованы жизнью, что имъ пріятнѣй умереть, чѣмъ жить? Но молодежъ, которою поддерживается возстаніе, далеко еще отъ разочарованія въ жизни. Или ихъ возстаніемъ двигаетъ ожесточенное упрямство-поставить на своемъ или умереть? Къ чему это безцѣльное отчаяніе? Какую пользу можетъ принесть національности эта гордость? Быть можетъ полякамъ стыдно положить оружіе, сознаться въ безразсудствѣ своей дерзости не по силамъ, не добившись той цѣли съ какой оно поднято? Но къ чему же поддаваться ложному стыду тому народу, который такъ сильно занятъ своей національностію?

Сложить оружіе, отдаться на волю своего Государя и просить, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ, Его помилованія— подвигъ едва ли былъ бы не лучшій изъ всѣхъ подвиговъ извѣстныхъ въ исторіи поляковъ. Этотъ подвигъ возбудилъ бы къ себѣ симпатію, пожалуй, всего русскаго народа. И, кто знаетъ!.. еслибы польскій народъ заявилъ, со временемъ, съ своей стороны, достаточно нравственныхъ силъ, для саморазвитія; еслибы онъ успѣлъ внушить къ себѣ то чувство уваженія, которое способны мы питать къ народу и къ каждому человѣку съ высокими качествами ума и сердца, почему и не получить ему тогда основъ своей самобытности? Но это могло и можетъ сдѣлаться не путемъ возстанія, не имѣющимъ ни какого смысла, какъ и всякое насиліе, а путемъ пересозданія себя, путемъ уничтоженія въ себѣ всѣхъ тѣхъ страстей и слабостей, которыя такъ сильно привились къ польской натурѣ, которыя такъ часто и ужасно губили страну и народъ въ прошедшемъ, и, не будучи подавляемы властью, отъ нихъ независящей, могутъ губить ихъ настоящее и будущее. Характеръ и результаты польскихъ страстей и слабостей едва ли кому нужно объяснять или доказывать. Для того, чтобы имѣть право требовать что нибудь, нужно прежде всего задать себѣ вопросы: каковъ я?... Чего заслу-

живаю? Послужитъ ли въ мою пользу и въ пользу моей національности исполненіе требованія, котораго я неотступно домагаюсь? Вотъ тѣ вопросы, которые слѣдовало-бы задать себѣ полякамъ и разрѣшить ихъ,-только, не съ-плеча, а путемъ строгаго надъ собой историческаго и психологическаго анализа.

Крючекъ Зацѣпа.

Современное положеніе Болгаръ въ религіозномъ отношеніи.

(По нѣмецкимъ газетамъ.)

Національныя стремленія настоящаго вѣка угрожаютъ Турціи рѣшительнымъ ея уничтоженіемъ. Быть можетъ, оно было бы не далеко отъ нашего времени, если бы союзъ Англіи и Франціи противъ Россіи въ послѣднюю крымскую войну, предпринятый въ интересахъ политическаго равновѣсія, не остановилъ русскаго оружія на берегахъ Чернаго моря. Союзныя державы, рѣшившись сдѣлать попытку оживленія Турціи, думали успокоить горячія чувства вѣры и національности греческой и славянской тѣмъ, что вынудили у Порты торжественное обѣщаніе уравнять въ религіозной свободѣ христіанъ съ магометанами. Изданъ дѣйствительно, гатти-гумаюмъ. Но этотъ-то ясный документъ, которымъ хотѣли успокоить православныхъ славянъ, сознающихъ свою народность, опирающуюся на вѣру, далъ и даетъ имъ юридическое право—требовать національныхъ учрежденій. Сознаніе этого права и потребность національной жизни служитъ теперь внутренними живыми и могучими двигателями богатой натуры славянъ, страдающихъ подъ гнетомъ чужестранцевъ. Гнетъ этотъ тѣмъ чувствительнѣе, что страдальцы знаютъ о существованіи сильнаго государства, имъ соплеменнаго и единовѣрнаго. Они надѣются имѣть свою богатую будущность, только лишь бы освободиться имъ изъ подъ ига! Какъ ни мало вѣры въ Славянахъ, подвластныхъ турецкой имперіи, въ

добросовѣстность ея правительства, которое издало гатти-гумаюмъ, они хватаются крѣпко за права, дарованныя имъ въ немъ. Онъ обезпечиваетъ религіозную равноправность ихъ съ магометанами. Они хотятъ теперь, на основаніи его, имѣть свое собственное церковное управленіе, добиваются его, но встрѣчаютъ сильныя противудѣйствія къ исполненію ихъ желаніи. Порта очень неохотно можетъ согласиться сдержать свое обѣщаніе,—основаніе церковнаго національнаго управленія былъ бы важный и твердый шагъ къ самобытной жизни славянъ. Потому Порта не только не соглашается съ ихъ желаніями, но рѣшительно противудѣйствуетъ имъ. Къ этому, и настоящее церковное правительство между славянами, греческое—имѣетъ свои причины поддерживать свое значеніе въ славянской церкви. Естественно, по этому, патріоты славянскіе становятся не въ очень пріятныя отношенія къ грекамъ, — въ нихъ они видятъ теперь виновниковъ ихъ несчастнаго положенія, изъ котораго они же мѣшаютъ имъ выйдти. При такихъ отношеніяхъ неизбѣжны столкновѣнія между тѣми и другими. Болгары, быть можетъ, не безъ основательныхъ причинъ подозрѣваютъ греческое духовенство въ единодушныхъ связяхъ съ Портою для стѣсненія ихъ національныхъ стремленій. Они жалуются на греческихъ священниковъ и архіереевъ, которые присылаются къ нимъ, обвиняютъ ихъ въ корыстолюбіи, въ недоброжелательствѣ къ нимъ. Въ 1858 году болгары сдѣлали даже публичную демонстрацію противъ епископа Неофита въ Тирново, въ слѣдствіе которой епископъ переведенъ былъ на архіепископскую каѳедру въ Салоники. Подобныя столкновенія болгаръ съ греческими епископами Порта объясняетъ и принимаетъ, какъ демонстраціи противъ ея правительства, и, въ слѣдствіе этого, увеличиваетъ трудности славянской жизни. — Въ этомъ положеніи болгары думаютъ, и справедливо, найди поддержку въ своихъ стремленіяхъ въ покровительствѣ русской политики. Много путей (много точекъ соприкосновѣнія Болгаріи съ Россіею) открывается русскому вліянію на ходъ событій въ Болгаріи. Единоплеменность, единовѣріе, сопредѣльность странъ, тысячелѣтняя историческая связь, обоюдныя сочувствія, теплыя, искреннія—все это такія точки соприкосновенія между русскими и болгарами, въ которыхъ судьба болгаръ тѣсно, неразрывно соединяется съ исторіей Россіи. По этому русская политика находитъ возмож-

ность поддерживать національныя стремленія ихъ. »И чѣмъ болѣе фанаріотское духовенство константинопольскаго патріархата вступаетъ подъ вліяніе западныхъ державъ, тѣмъ рѣшительнѣе выступаютъ панславонистическія идеи русскихъ въ славянскихъ дѣлахъ« (Neue evangelische Kirchenzeitung. № 4,1863). Противъ этихъ силъ константинопольскій патріархъ не можетъ устоять въ прежнемъ положеніи, — онъ долженъ согласиться на уступки требованіямъ болгаръ. Въ 1857 г., на собраніи высшаго греческаго духовенства, въ Константинополѣ, рѣшено было—поставить болгарамъ епископа изъ ихъ племени, но съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ резиденцію свою въ Константинополѣ, какъ представитель интересовъ своей церкви предъ духовнымъ греческимъ и турецкимъ свѣтскимъ правительствомъ. Но едва лишь поставленъ былъ епископомъ Иларіонъ Макаріуполисъ, — болгаре не хотѣли удовольствоваться полуудовлетвореніями. Самъ новопоставленный епископъ, вскорѣ послѣ своего посвященія, выпустилъ имя константинопольскаго патріаха изъ церковныхъ молитвъ, позванъ былъ за это къ суду; при судѣ онъ открыто признался предъ высшими духовными сановнками восточной церкви, что его народъ желаетъ полной, древней церковной самостоятельности и независимости отъ константинопольскаго патріархата, и дотолѣ не останется доволенъ своимъ положеніемъ, доколѣ не получитъ требуемаго. Въ этомъ духѣ поданы были записки отъ разныхъ болгаръ епископамъ и патріарху; распространены въ Константинополѣ брошюры. Въ тоже время Россія дипломатическою нотою жаловалась Оттоманской Портѣ на притѣсненія, которыя терпятъ болгаре. Назначена была слѣдственная коммиссія въ Болгарію, которою завѣдовалъ тогдашній великій визирь Мехмедъ Кибризли. Въ концѣ 1860 года коммиссія оффиціально объявила о результатахъ своего слѣдствія. Вину всѣхъ безпорядковъ она сложила на отдѣльныя личности клира и на такихъ свѣтскихъ людей, которые, въ видахъ національныхъ, преданы русскимъ интерессамъ. По этому случаю, національная болгарская партія, въ сознаніи правоты своего дѣла, обратилась съ адрессомъ къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, съ просьбою о защитѣ, но адрессъ остался безъ послѣдствій. Три епископа, защитники національности и вѣры, отлучены отъ церковнаго общенія и подъ прикрытіемъ военнаго турецкаго конвоя отправлены въ

ссылку, въ началѣ 1861 года въ Кутаія, гдѣ они находятся, по увѣренію нѣмецкихъ газетъ, и доселѣ.

Пользуясь несчастнымъ положеніемъ болгаръ, протестанты и еще болѣе католики пропагандируютъ свои вѣроисповѣданія. И такъ какъ болгары не отвергаютъ всѣхъ средствъ съ осуществленію своихъ національныхъ стремленій, а пропагандисты обольщаютъ ихъ своими услугами, то пропаганда и имѣетъ видные успѣхи, — какъ католическая, такъ и протестантская. Вотъ нѣсколько извѣстій о нихъ въ нѣмецкихъ газетахъ.

Латинская пропаганда еще въ 1856 году ревностно пользовалась болгарскими движеніями въ свою пользу. Ею заправляетъ, при покровительствѣ французскаго посольства, лазаристъ—іезуитъ Боре (Boré). Существованіе съ довольно давнихъ временъ католическаго булгарскаго народонаселенія около Филипполя и Никополиса, простирающееся до 15,000 душъ, облегчало дѣятельность Боре. Онъ сначала направилъ ее изъ Θесалоникъ во внутрь полуострова. Его знанія и способности ловкость—приноровляться къ обстоятельствамъ, вліяніе, которымъ онъ пользовался со внѣ, по видимому, произвели значительное впечатлѣніе на славянское народонаселеніе. Его миссіонерскіе труды хвастливо расписаны въ Jornal de l'orient и протрублены звучно по всей Европѣ; но при инспекторской ревизіи на мѣстѣ католическаго архіепископа константинопольскаго Брунона (Brunoni) они оказались во все не такъ славными, какъ пронеслась молва. Тѣмъ не менѣе въ 1860 году Боре очутился уже въ самомъ сердце Болгаріи въ Тирново. Здѣсь онъ поіезуитски хитро проникъ въ духъ національной болгарской партіи, вмѣстѣ съ нею ревностно выступилъ противъ греческой православной іерархіи и отличался такимъ одушевленіемъ къ дѣлу, что его не узнали вѣрно—былъ ли онъ іезуитъ, или католикъ, или славянинъ съ православною вѣрою. Вмѣшательство турецкаго правительства въ церковныя дѣла болгаръ въ отношеніяхъ ихъ къ константинопольскому патріархату, вмѣшательство, въ слѣдствіе котораго нѣсколько священниковъ было схвачено и посажено въ тюрьму, какъ нельзя болѣе поддерживали намѣренія Боре. Онъ разставлялъ при этомъ сѣти своей пропаганды. Одинъ изъ схваченныхъ болгарскихъ священниковъ счастливо ушелъ изъ тюрьмы и укрылся въ католическій монастырь св. Бенедикта въ Галатѣ. Здѣсь

его приняли съ распростертыми объятіями. Тутъ же явился и о. Боре. Отецъ іезуитъ не замедлилъ приступить къ несчастному, ищущему убѣжища отъ погибели, съ убѣжденіями перейдти къ римско-католической церкви. Стѣсненный обстоятельствами, бѣдный священникъ рѣшился написать отреченіе отъ константинопольской церкви, которое предполагалось отправить въ константинопольскій патріархатъ. Но еще къ большему удивленію и совершенно неожиданно для отрѣкающагося отъ единенія съ восточною церквою оказывается, что Боре умѣлъ подобными же средствами склонить къ той же рѣшительности еще трехъ болгарскихъ священниковъ, которые вмѣстѣ съ своимъ соотечеслвеннкомъ послали отречніе къ патріарху, выразивъ въ немъ свое неудовольствіе »на злоупотребленіе греческаго духовенства«, и извѣстіе, что они рѣшаются перейти въ католическую церковь »съ удержаніемъ болгарскаго языка и восточныхъ обрядовъ«. Тотчасъ же была построена въ константинополѣ для католическихъ болгаръ церковь въ домѣ гдѣ живетъ епископъ армянскихъ католиковъ. Послѣ этого ревность Боре къ пропагаодѣ утроилась· возбудилось пристальное вниманіе всѣхъ католиковъ, насѣляющихъ Левантъ, къ новообращеннымъ и вообще ко всѣмъ болгарамъ; болгары пріобрѣли у католиковъ особенную попечительность, привѣтливость; дѣло Боре стало предметомъ особеннаго покровительства французскаго консульства. Все это дало возможность Боре пріобрѣсть вниманіе предъ римскимъ престоломъ. Благодаря этому вниманію, папа весною 1861 г. посвятилъ въ перваго латинско-болгарскаго епископа, протеже отца Боре, болгарскаго монаха Іосифа Сокольскаго, который для полученія сана отправился былъ въ Римъ. Въ Римѣ Сокольскій удостоился отъ папскаго двора получить выраженіе лестныхъ для него почестей и особенное благословеніе. Напутствуемый имъ изъ Рима, Сокольскій съ почетомъ былъ принимаемъ въ Константинополѣ отъ католическаго населенія. Онъ хлопоталъ уже о томъ, чтобы ему дали титулъ патріарха болгарскаго, прежде возраста, который составляетъ одно изъ условій полученія этого титула Но вдругъ, не болѣе, какъ послѣ трехъ недѣль по его возвращеніи, епископъ изчезъ... Куда и какъ?—Дѣло это теперь разяснилось. Онъ изъ константинополя бѣжалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ Болгаръ, сначала на азіатскій

на азіатскій берегъ и потомъ, на русскомъ пароходѣ, въ Одессу... а отсюда, по распоряженію св. Сунода, переведенъ въ Кіевъ. гдѣ и теперъ состоитъ на покоѣ въ Печерской Лаврѣ. Исчезновеніе его принесло значительный ущербъ латинской пропагандѣ въ Болгаріи. Семь священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ обнародовали іезуитскіе происки въ Болгаріи, очень подорвали этимъ довѣріе къ нимъ въ своихъ соотечественникахъ, возвратились снова изъ латинско-болгарскаго вѣроисповѣданія въ православное греческо-болгарское, хотя не встали въ число приверженцевъ греческаго патріархата. Ультрамонтантская газета Bulgaria потеряла почти всѣхъ своихъ абонентовъ. Въ Константинополѣ, предпріятіе Боре трактуется вовсе неудавшимся. Болгарская знать входитъ въ Константинополѣ въ близкія сношенія съ турецкими министрами и строитъ надежды для будущаго. Планы ея очень скромные и, по всей вѣроятности, сбудутся. Она надѣется, что константинопольскій патріархатъ допуститъ въ клиръ болгарскій половину природныхъ болгаръ. Эти надежды тѣмъ болѣе могутъ быть осуществлены, что во главѣ національно-болгарскаго движенія стоитъ человѣкъ очень разсудительный и умѣренный. Это—епископъ Паѳеній, занимающій епископскую каѳедру съ марта 1862 г. Что касается до настоящаго состоянія католической ерархіи въ Болгаріи, то и она еще надѣется на свои успѣхи. Въ январѣ прошедшаго года, она получила новаго для себя епископа въ лицѣ пресвитера Петра Арабадійскаго; она находится теперь подъ особеннымъ покровительствомъ враждебнаго Россіи Паши, управляющаго провинціею адріанопольскою—Циалетъ, въ которой сосредоточивается болгарское латинство; въ началѣ апрѣля прошедшаго года она по ультрамонтантскимъ газетамъ считала у себя 2612 семействъ. Епископъ Петръ находится подъ высшимъ вѣдѣніемъ армяно—католическаго патріарха Гассуна, но онъ признанъ въ тоже время со стороны Порты въ качествѣ правителя дѣлами булгарско-католической церкви. Съ какою неутомимою ревностію католическая церковь пользуется всѣми случаями имѣть какой бы то нибыло успѣхъ на востокѣ, и съ какою методическою расчетливостію она идетъ къ тому, что бы двойною дѣятельностію на востокѣ вознаградить потери ея на западѣ, гдѣ ей уже не о пропагандѣ думать, а лишь о под-

держанія того, что есть у нея,—это доказываетъ обнародованная 25 декабря и 6 января прошедшаго года папская Enciclica, по которой институтъ латинской пропаганды раздѣляется на двѣ секціи—западную и восточную. Восточная секція въ свою очередь подраздѣляется на четыре отдѣла. Каждый изъ нихъ состоитъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ особаго кардинала и назначенъ для опредѣленныхъ восточныхъ національностей. Къ этимъ отдѣламъ, въ качествѣ референдаріевъ, приставлены въ Римѣ природные члены всѣхъ національностей, лица, обладающія знаніями языковъ и мѣстностей. Ученыя работы этихъ корпорацій выполняются учеными, пользующимися европейскою извѣстностью (изъ нѣмцевъ извѣстны между этими господами Augustin Theiner и Pius Zingerl), которые или сами занимаются ими, или только надсматриваютъ надъ выполненіемъ ихъ молодыми студентами пропаганды. Самъ папа повелѣваетъ кардиналамъ, которые руководятъ дѣлами пропаганды, доставлять ему лично точныя извѣстія о ходѣ дѣлъ.

Но не со стороны только католиковъ въ опасности вѣра и національность болгаръ. И протестатскіе миссіонеры съ ревностію также дѣйствуютъ между славянами въ пользу своего вѣроисповѣданія. По видимому миссіонерская дѣятельность протестантовъ здѣсь скромнѣе, чѣмъ католическая, не отмѣчена іезуитскими качествами, но она не менѣе опасна для славянъ, какъ и ея сотрудница. Примѣры чеховъ, словаковъ, кроатовъ и другихъ славянскихъ племенъ, находящихся въ Саксоніи и австрійскихъ владѣніяхъ ясно показываютъ, что протестантство вредитъ національности нашихъ соплеменниковъ, не согласно съ историческимъ настроеніемъ ихъ жизни и не удовлетворяетъ требованіямъ славянскаго духа. Потому славяне не могутъ и не должны равнодушно смотрѣть на успѣхи протестантства между ихъ соплеменниками.

Протестантскіе миссіонеры особенно дѣятельны между болгарами съ 1856 года. Ихъ—двѣ главныя миссіи—шотландская и методистическая; первая ревностно дѣйствуетъ на сѣверѣ Болгаріи, вторая, присланная изъ Америки,—на югѣ. Та и другая занимаютъ довольно мѣстъ миссіонерскихъ: Шумлу, Варну, Софію, Филиппополь и др. Надобно сказать, что дѣятельность этихъ миссій почти исключительно ограничивается распространеніемъ библіи. Съ какимъ успѣхомъ идетъ это дѣло,

можетъ служить доказательствомъ то, что въ 1860 г. роздано было въ европейской Турціи болгарскому населенію библіи въ болгарскомъ переводѣ 11,000 экземпляровъ. Стараются миссіи эти заводить школы протестантскія,—но встрѣчаютъ препятствія какъ со стороны католиковъ, такъ и грековъ. Не смотря однако на эти препятствія существуетъ нѣсколько евангелическихъ школъ. Погибель американскаго миссіонера Мерьяма (Merjam), убитаго въ послѣднюю осень при Филиппополѣ шайкою разбойниковъ, лишила американско-методистическую миссію въ Турціи опытнаго и дѣятельнаго для ея цѣлей человѣка.— Въ Константинополѣ существуетъ еще комитетъ евангелическаго союза, назначеніе котораго, какъ и всего союза въ Германіи,—въ духѣ протестантскомъ христіанская благотворительность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Недавно открытъ означенный комитетъ, но онъ уже обратилъ на себя вниманіе болгаръ своею дѣятельностію. Новая евангелическая церковная газета въ Берлинѣ (Neue evangelische Kirchenzeitung), органъ евангелическихъ уніонистовъ, а слѣдовательно и евангелическаго союза имѣетъ и сообщаетъ 24 янв. 1863 г., (№ 4) не очень опредѣленно извѣстіе, что будто »епископы болгарской національной партіи, находящіеся теперь въ ссылкѣ, предъ временемъ отведенія ихъ туда, обращались въ комитетъ за помощію. Они желали бы встать въ гражданскомъ отношеніи подъ покровительство комитетовъ въ Турціи, но желали бы въ то же время содержать обрядъ и каноны своей церкви. Это найдено со стороны комитета невозможнымъ, но многіе евангелическіе миссіонеры поддерживаютъ съ епископами дружественную переписку.

Въ странномъ положеніи, среди перекрестныхъ огней, болгары ждутъ дѣйствительнаго, имъ сроднаго убѣжища лишь въ сочувствіи единовѣрныхъ и единоплеменныхъ русскихъ.

М. Горчаковъ.

Штутгардтъ. 8 апрѣля 1863 г.

МЕДВѢДИ—ТУРИСТЫ.

Въ медвѣжьемъ обществѣ былъ этакій законъ,
Что если въ авторство намѣренъ кто пуститься,
Такъ долженъ онъ
Сперва съ умнѣйшими себя *пораспроситься*
Отдавши имъ и прозу и стихи
Для очищенія отъ всякой чепухи;
И все у нихъ спокойно, тихо было,
Покуда общество такой законъ хранило.—
Но вдругъ туристы изъ чужихъ лѣсовъ,
Медвѣди молодые,
Пришли до земляковъ,
И осмѣяли ихъ обычаи простые:
«Зачѣмъ у васъ сей варварскій законъ,
И для чего полезенъ онъ,
Чтобъ предварительно давать на разсмотрѣнье
Какое—либо сочиненье?.
Что я хочу, пишу; какъ воздухомъ дышать,
Такъ точно долженъ я свобдно и писать!...
—Всё такъ; но если вы больны
И воздухъ заражаете дыханьемъ,
Такъ мы, здоровые, не ужели должны
Отравливаться вашимъ изверганьемъ?..
Не запрещаемъ вамъ дышать,
И что угодно вамъ, вы можете писать,
Но, Бога ради, пощадите!
Дышать и сочинять туда идите,
Гдѣ для такихъ, какъ вы, устроенъ общій, домъ:
Свобода слова тамъ ужъ ровно ни по чёмъ,—
Кричатъ, бранятся, и шумятъ... прямой Содомъ!
Такъ говорилъ старикъ Медвѣдь туристамъ.
Они—зашикали, и отвѣчали свистомъ.—
—Свистать угодно господамъ?
Сказалъ старикъ: свищите,
Да берегитесь и смотрите,
Чтобы отъ свиста вамъ
Не перейти къ слезамъ.—

УЛЕЙ.

Былъ улей Пчелъ,
А въ ульѣ томъ порасплодились трутни.
Они хоть въ праздникъ, хоть и въ будни,
Сидѣли праздно, не у дѣлъ,
И отъ бездѣлья только разсуждали
«О томъ, о сёмъ, а чаще ни объ чёмъ,»
Но впрочемъ всѣ были большіе либералы
И съ независимымъ умомъ,
И съ убѣжденьями неподкупными.
Ну, что ты будешъ дѣлать съ ними?
Порядокъ въ ульѣ былъ несносенъ имъ;
Все было не по нихъ; и пчелкамъ молодымъ
Ватага трутней уши прожужжала
Про либеральныя начала.
Централизація была для нихъ, какъ ножъ,
формальность и отчетность—тожъ,
А подчиненный трудъ всѣхъ пчелъ безъ исключенья—
«Казёньщина» была достойная презрѣнья.—
«Какой расчётъ при этакомъ трудѣ?
Трудись для общества, а самъ себѣ
Не можешь и вздохнуть свободно, либерально;
Слуга покорнѣйшій! въ нашъ вѣкъ матеріальной
Гоняться за идеею добра
Прошла пора,
Намъ либеральныя потребны учрежденья:
Комфортъ, изъятіе отъ принужденья,
Свобода слова и свобода дѣлъ,
Чтобъ всякій говорилъ и дѣлалъ, что хотѣлъ.—
Зачемъ же, пчелки, вы сидите?
Летите,
Куда хотите,
Къ централизаціи въ свой улей не спѣшите!
Зачемъ трудиться вамъ надъ сотами что—день?
Искусство жизни—это лѣнь.
Самодовольная, разумная, благая!...
Одна—другая пчелка молодая
Послушались повѣсъ

И либеральничать пустились въ лѣсъ,—
Летали тамъ, гуляли,
Ни меду изъ цвѣтовъ, ни воску не собрали,
И въ улей возвратилися ни съ чѣмъ;
Затѣмъ
И пчелки прочія разнузданность почули,—
Залиберальничалъ почти весь улей,
И—прекратился общій трудъ....
«Э, плохо! что мнѣ дѣлать тутъ?»
Царица улья старыхъ пчелъ спросила.
—Что дѣлать? трутней вонъ!—сказали тѣ:
Въ трудолюбивой нашей тѣснотѣ
Такихъ бездѣльниковъ держать не должно,—
И пчелолюбіе уже тутъ будетъ ложно,—
Да и пчелами ихъ нельзя назвать;
Вонъ трутней! вонъ! чтобы опять
Явилась въ ульѣ нашемъ благодать —
Совѣтъ уваженъ былъ; всѣхъ трутней вонъ изгнали;
И скоро всѣ они отъ голоду пропали.
А въ ульѣ съ той поры опять трудиться стали.—

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ У АВСТРІЙСКИХЪ СЕРБОВЪ.

(Преосвященнаго Андрея, православнаго епископа трансильванскаго).

(*окончаніе*)

О монастаряхъ

Издревле существуетъ въ архіепископіи тринадцать монастырей, именно: Крушедолъ, Ремета, Гергетегъ, Гопова, съ приписнымъ монастыремъ старая Гопова, Раванина, Язакъ, Бешенова, Шишатовацъ съ приписнымъ монастыремъ Петковица, Кувеждинъ съ приписнымъ монастыремъ Гипша, Привина, Глава, Беочинъ съ приписнымъ монастыремъ Реметица, Раковецъ и Фенекъ;

Въ Новосадской епархіи два: Ковиль и Боданъ;

въ Темешварской епархіи три: Бездинъ, св. Георгій и Войловица;

въ Арадской—одинъ: Годошъ;

въ Вершецкой два: Месичъ и Златица съ приписнымъ монастыремъ Базіашъ;

въ Офенской епархіи одинъ: Грабовацъ;

въ Пакрацкой—три: Ораговица, Пакра и Лепавина;

въ Карлштадской одинъ: Гомирія.

Всѣ эти монастыри назначены для монаховъ; женскихъ монастырей въ настоящее время не существуетъ. Говорятъ, что старый монастырь Язакъ былъ женскій, но уничтоженъ подобно женскимъ монастырямъ буковинскимъ, гражданскою властію.

Изъ 13 монастырей архіепископіи только Фенекъ находится въ равнинѣ, недалеко Дуная и Савы при земличѣ; другіе расположены между живописными высотами горы Mons Almus, по сербски—Фрушкой горы, на пространствѣ 12—13 миль и въ разстояніи другъ отъ друга $1/2$—2 часовъ. Вблизи каждаго изъ этихъ монастырей, за исключеніемъ Гоповскаго и Беочинскаго, находится малая деревня—Перняворъ, основанная работниками и служителями монастыря. Въ строгомъ смыслѣ можно сказать, что монастыри эти, при разумномъ хозяйствѣ, могутъ содержаться собственнымъ имуществомъ и церковными доходами. Доказательствомъ сему служитъ то обстоятельство, что монастырь, имѣющій настоятеля, проникнутаго своимъ званіемъ, успѣваетъ и цвѣтетъ во всемъ, а въ противномъ случаѣ представляетъ печальное зрѣлище. Въ 1817 году, въ монастырѣ Гопова учреждено было училище для учениковъ другихъ монастырей, посвящавшихъ себя монашескому званію, но чрезъ три или четыре года это училище закрыто ко вреду монашескаго чина и къ ущербу великой пользы, имѣвшей отсюда произрасти для душъ.

Объ училищахъ.

Какъ скоро сербскій народъ въ 1690 году, въ слѣдствіе прокламаціи императора Леопольда I, поселился въ странахъ подунайскихъ, тисскихъ и марошскихъ, и устроилъ свое политиче-

ское и церковное бытіе; тотъчасъ начали заботиться и объ училищахъ. Исаія Дяковичъ, послѣ смерти патріарха Черновича, сперва архіепископскій мѣстоблюститель, потомъ самъ архіепископъ, просилъ у правительства въ 1706 году разрѣшенія, учредить типографію и основать нѣсколько училищъ. Но въ архіепископскомъ санѣ онъ дѣйствовалъ лишь годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ умеръ. Спустя немного послѣ, взялось было правительство за это дѣло, издавъ въ 1723 году, на имя барона Калянека, носившаго титулъ сербскаго судьи, циркуляръ, коимъ предписывалось учреждать училища въ городахъ и селахъ. Это распоряженіе правительства подкрѣплено было пастырскимъ посланіемъ, изданнымъ къ духовенству въ 1724 году архіепископомъ Моисеемъ Петровичемъ и циркуляромъ народнаго собора въ 1730 году; но исполненіе сего распоряженія протянулось до 1731 года, въ которомъ архіепископъ Викентій Ивановичъ особенно заботился о карловскихъ училищахъ и побуждалъ народъ посылать дѣтей въ тамошнюю центральную школу, въ которой кромѣ отечественнаго языка преподавался и латинскій. При митрополитѣ Павлѣ Ненадовичѣ, въ 1761 году, изъ этихъ училищъ образовалась гимназія, для которой онъ далъ домъ, въ которомъ и теперь еще помѣщается высшая гимназія. Этотъ ревностный митрополитъ умеръ въ 1768 году, и какъ имущество умершихъ архіепископовъ, изъ котораго содержались карловская гимназія и другія училища, принадлежало между прочимъ къ наслѣдственному праву архіепископовъ, а это право въ 1770 году уничтожено иллирскимъ регламентомъ: то существованіе карловской гимназіи зависѣло отъ благорасположенія архіепископа. Такимъ-то образомъ имя митрополита Стефана Стратимировича Кулпинскаго на вѣки останется незабвенымъ за упроченіе этого заведенія, которое существуетъ и донынѣ къ общей пользѣ.

Одно обстоятельство, относящееся къ учрежденію этой гимназіи, заслуживаетъ, по своей важности, быть здѣсь упомянутымъ. Одинъ карловскій гражданинъ, по имени Димитрій Анастасіевичъ, по ремеслу портной, бывшій сначала бѣднымъ, но благословеніемъ Божіимъ, трудомъ и бережливостію пріобрѣвшій значительное имущество, по бездѣтству, принялъ на старость лѣтъ, вмѣсто сына,

одного бѣднаго мальчика изъ сосѣдняго села, Крушедола, и заставилъ его ходить въ школу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ намѣреніе, значительную часть своего имущества посвятить для человѣколюбивыхъ цѣлей. Архіепископъ Стратимировичъ, искренно желавшій улучшить состояніе гимназіи, узнавъ о человѣколюбивомъ намѣреніи портнаго Димитрія Анастасіевича, отправился къ нему $^{3}/_{14}$ августа 1791 года, изобразилъ ему скудость образованія и просвѣщенія между сербскою молодежью, и показалъ, какія великія заслуги оказалъ бы для народа тотъ, кто для этой цѣли пожертвовалъ бы изъ своего имущества столько, сколько позволяютъ ему обстоятельства; при этомъ митрополитъ примѣтилъ, что онъ, Анастасіевичъ, могъ бы оказать народу эту заслугу. Выслушавъ совѣты своего архипастыря, къ которому питалъ полное довѣріе и самое глубокое уваженіе, Анастасіевичъ съ радостію объявилъ, что онъ даетъ 20,000 гульденовъ для учрежденія высшаго заведенія въ Карловцахъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы это заведеніе устроено было въ Карловцахъ и поставлено было подъ покровительство и высшій надзоръ митрополита и епитроповъ, избранныхъ изъ сербской церкви и народа. Онъ изъявилъ готовность половину обѣщанной суммы тотъ часъ выдать и вложить для приращенія, а другую половину должно получить заведеніе послѣ его смерти. На другой день митрополитъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ карловскихъ гражданъ, въ томъ числѣ и Анастасіевича, и сообщилъ первымъ вѣсть о рѣдкомъ поступкѣ ихъ собрата. Съ истиннымъ воодушевленіемъ граждане благодарили Анастасіевича, цѣлуя и поднимая его, и съ своей стороны сложили 13,000 гульденовъ, какая сумма послѣ приложеніями 90-ти гражданъ увеличена была до 19,000 гульденовъ.

Руководимый своею архипастырскою ревностію, митрополитъ Стратимировичъ при этой гимназіи основалъ конвиктъ и алюмнеумъ. Въ конвиктъ принимаются 40—50 юношей, которые за столъ платятъ весьма незначительную сумму. Въ алюмнеумѣ же получаютъ безмездно столъ и ежедневно одинъ хлѣбъ 60—70 бѣдныхъ учениковъ. Въ заслугу митрополиту Стратимировичу надобно приписать и возстановленіе богословскихъ заведеній въ

Вершцѣ и Арадѣ для румуновъ. въ Карловцахъ и Пакрацѣ для сербовъ, равно учрежденіе прекрасной архіепископской библіотеки. Поэтому митрополитъ этотъ вполнѣ заслужилъ званія члена ученаго общества въ Гетингенѣ, которымъ почли его предстоятели сего общества.

Еще до учрежденія училищъ, іерархія раздѣлена была на четыре училищныхъ управленія: 1) на славянское съ комитатами пожегскимъ, веровицкимъ и сиремскимъ; 2) на темешварское съ комитатами торонтальскимъ, темешварскимъ и красовскимъ; 3) на офенское; и 4) на велико-варадское. Училищными управителями были назначены протопресвитеры подлежащихъ мѣстъ, темешварскій епископъ, впослѣдствіи (1759—1774) митрополитъ карловскій, Викентій Іоанновичъ, сдѣлалъ для училищъ ту заслугу, что посредствомъ сбора денегъ положилъ основаніе училищному фонду. Для большаго успѣха народнаго образованія, Императоръ Францъ 1-й наименовалъ въ 1810 году придворнаго агента Уроша Несторовича высшимъ инспекторомъ всѣхъ народныхъ училищъ, пожаловавъ ему чинъ королевскаго совѣтника. Въ 1812 году учреждены были пять окружныхъ, училищныхъ управленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано, собирать въ церквахъ деньги для училищнаго фонда. Къ увеличенію сего фонда приглашены были и въ частности всѣ церковныя общества, въ слѣдствіе чего, въ нѣсколько лѣтъ, фондъ возвысился до 200,000 гульденовъ. Для управленія этимъ фондомъ учреждена была въ Пестѣ комиссія, состоявшая, изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ (изъ коихъ двое избирались изъ сербскаго и двое изъ романскаго народа), изъ актуара, казначея и другихъ лицъ, необходимыхъ для канцеляріи. До 1849 года существовало означенное высшее училищное инспекторство; но, въ этомъ году, министерствомъ церковныхъ дѣлъ оно ввѣрено подлежащимъ епископамъ, въ силу того государственнаго начала, по которому училища принимаютъ вѣроисповѣдный характеръ и должны быть признаваемы церковнымъ дѣломъ, такъ какъ церковь полагаетъ самое вѣрное основаніе для нравственнаго образованія и просвѣщенія.

О церкви въ Далмаціи.

Далмація и Истрія въ политическомъ отношеніи находились подъ разными правленіями; по этому и іерархія принуждена была къ нимъ приспособляться. Такъ, когда ипекскіе патріархи, подъ защитою сербскихъ царей, пользовались полною своею властію, іерархія далматской и истрійской церкви была въ зависимости отъ тамошняго патріаршаго престола. Но когда упомянутыя области пришли подъ власть Венеціанской республики, онѣ зависѣли въ церк. отношеніи, въ продолженіе существованія этой республики, отъ архіепископа Филадельфійскаго, имѣвшаго тамъ своего викарія. Дѣятельность, впрочемъ сего екзарха, при венеціанской республикѣ, была въ политическомъ отношеніи очень ограничена; потому что во многомъ онъ зависѣлъ отъ тамошняго епископа. Когда, въ слѣдствіе кампоформійскаго мира, 1797 г., Далмація съ Венеціанскимъ королевствомъ подчинена Австріи, а отъ Австріи по прегсбурскому миру, 1805 года, подъ власть Наполеона, далматская церковь подъ французскимъ правительствомъ получила новое устройство, и 1810 года архимандритъ Венедиктъ Кралевичъ сдѣланъ епископомъ въ ней съ резиденціею въ Себенико. Когда въ 1814 году Далмація снова перешла подъ власть Австріи церковь утверждена была въ томъ положеніи, которое получила подъ французскимъ правитьльствомъ. Епископъ Кралевичъ оставался впрочемъ на епископской каѳедрѣ только до 1822 года, въ которомъ онъ удаленъ отъ управленіа, возбудивъ недовѣріе къ себѣ въ духовенствѣ и народѣ (его обвиняли въ намѣреніи, совратится въ унію).

По политическимъ распоряженіямъ, епископская резиденція перемѣщена изъ Себенико въ Зару, главный городъ Далмаціи. Эта епархія имѣетъ теперь 77,706 душъ, восемь протопресвитеровъ, сто приходовъ и 11 монастырей съ 40 монаховъ, въ числѣ которыхъ въ 1857 году было пять армимандритовъ. Епископья каѳедра замѣщается политико-административнымъ способомъ, и епископъ назначается Его Величествомъ. Карловскій архіепископъ имѣетъ только право, представить имена тѣхъ, коихъ онъ счита-

етъ способными къ епископскому сану; потомъ, наименованнаго епископа онъ посвящаетъ и даетъ ему граммату. По причинѣ трудностей, съ которыми сопряжено путешествіе въ скалистыхъ странахъ Далмаціи, здѣшній епископъ имѣетъ въ Бока-котора генеральнаго викарія въ архимандритскомъ лишь санѣ, котораго назначаетъ императоръ. Право именовать и посвящать въ санъ архимандрита принадлежитъ епископу въ силу его архипастырскаго званія.

Хотя карловскій митрополитъ посвящаетъ далматскаго епископа и даетъ ему грамоту; однако онъ не имѣетъ права, прямо или не прямо вмѣшиваться въ административныя дѣла епархіи; епископъ, или въ случаѣ вакансіи епископской каѳедры, викарій независимъ въ дѣлахъ, касающихся епархіи. Епископскому викарію принадлежитъ право посылать клириковъ для посвященія къ сосѣднимъ епископамъ австрійской монархіи. Для образованія и воспитанія клириковъ, въ 1832 году учреждено духовное заведеніе, для 20 человѣкъ, съ пятилѣтнимъ курсомъ, и поставлено подъ высшій надзоръ епископа. Касательно народныхъ школъ существуетъ постановленіе, по которому каждому церковному обществу вольно завести школу изъ собственныхъ средствъ, и поставить въ ней учителя греко восточной вѣры. Ученіе преподается на языкѣ общества, потому и учебныя книги нужны на сербскомъ языкѣ. Наконецъ если церковное общество учредитъ у себя главное училище, то въ немъ долженъ быть преподаваемъ и итальянскій языкъ.

Перевелъ В. Войтковскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ ИЗЪ НѢЖИНА.

Милостивый Государь,

Ксенафонтъ Антоновичъ.

Позвольте мнѣ заявить, чрезъ вашъ почтенный Юго-Западный Вѣстникъ, мою душевную благодарность тому малороссіянину,

который объявилъ въ приложеніи къ 9-й книжкѣ издаваемаго подъ вашею редакціей Юго-западнаго Вѣстника за его доброе расположеніе къ своимъ соотечественникамъ малороссамъ, во вторыхъ и къ намъ, производителямъ печатнаго слова. Не далѣе, какъ 13 сего іюня я засталъ въ лавкѣ моей неизвѣстнаго мнѣ господина, который обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „какъ у васъ идетъ книжная торговля, какія требуются болѣе книги и кто ихъ болѣе покупаетъ высшее сословіе или простонародье?“ На что мой отвѣтъ былъ въ такихъ почти выраженіяхъ: „торгую плохо, продаю болѣе церковныя псалтыри, часословы и азбуки.“ „А какъ идутъ малороссійскія и другія граматки и кто ихъ покупаетъ?“ Не зная цѣли посѣщенія моей лавки этимъ господиномъ, я сказалъ ему не только не покупаютъ, но даже никто и смотрѣть изъ малороссіянъ на эти книжки не хотетъ. Онъ думалъ, что я непонялъ его вопроса и повторилъ: кто изъ простаго народа покупаетъ— старики или молодые? На каковой вопросъ я отвѣчалъ фактами,по чистой совѣсти. Въ 1855 году я купилъ для продажи 2 экземпляра „До чумака“, которые и по сіе время не проданы, а въ 1861 г. тоже купилъ 50 азбукъ Южно русскаго нарѣчія. Хотя эта книга, по цѣнности своей, доступна всякому по упателю, но все таки я продалъ въ теченіи 2 лѣтъ 3 экземпл. Проповѣди на малороссійскомъ нарѣчіи лежатъ безъ всякаго требованія. У меня оставлены на коммиссію Повѣсти Кулиша, но болѣе 2 лѣтъ никому, нипочемъ не требуются. Въ заключеніе всего я сказалъ, что наши малороссіяне, хотя бы и выучились читать на своемъ нарѣчіи, но какъ они имѣютъ очень малую корреспонденцію, то вѣрно и найдуть излишнимъ по напрасну тратить время на изученіе малороссійской грамоты. Надо вамъ замѣтить, что по всей Малороссіи въ церквахъ богослуженіе отправляютъ на славянскомъ языкѣ, къ чемужъ имъ этотъ національный. И потому желаніе гг. хохломановъ не можетъ осуществиться, хоть они и ходятъ въ мужицкихъ свиткахъ и корчатъ какихъ то допотопныхъ (или просто не бывалыхъ) малороссіянъ. Имѣя постоянное обращеніе съ простымъ народомъ и предлагая имъ книги на ихъ національномъ нарѣчіи, я слышу: „На бíса мини се куповать, колы намъ воно не треба: мини давайте таке яке люди читають“. По этому малороссы, свою

національную литературу, не признають даже людскою, какъ нибьются нѣкоторые, они вовсе не болѣютъ хохломаніею; потому что боятся аптекъ, въ которыхъ провизоры—поляки. Вотъ доказательство любви ихъ къ своему природному нарѣчію: въ одномъ селеніи, близъ нашего города, было освященіе иконостаса. По окончаніи литургіи, священникъ, по случаю торжества, сказалъ приличное слово ко всемъ слушателямъ на русскомъ языкѣ и въ заключеніи хотѣлъ польстить своимъ прихожанамъ на малороссійскомъ языкѣ слѣдующими словами: „и вамъ, панове, дякую за сю працю“: По выходѣ изъ церкви, произошелъ между ними ропотъ; они приняли этотъ привѣтъ за обиду и сказали „Що винъ, каже, смиетця“, это ясно доказываетъ ихнюю любовь къ будущей малороссійской литературѣ, которую хотятъ имъ навязать. Послѣ сего какъ не благодарить за желаніе такого добраго малороссіянина, который такъ правдиво выразилъ свои мысли въ издаваемомъ, Вами журналѣ, на счетъ хода малороссійской литературы! Онъ хочетъ избавить народъ отъ напраснаго труда учиться тому, что ему не надо и что ему противно, а насъ-отъ покупки новой хохлатчины и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ очевиднаго убытка.

Пріймите мое вамъ душевное желаніе всего лучшаго, а особенно счастливаго успѣха издаваемому вами журналу. Честь имѣю быть Вашъ,

Милостивый Государь покорнѣйшій слуга,

Житель Малороссіи.

Примѣч. редакціи. Помѣщая въ Вѣстникѣ предыдущее письмо неизвѣстнаго намъ книгопродавца, редакція Вѣстника хотѣла исполнить желаніе новаго своего почитателя, благодарнаго тому малороссу, который предостерегъ его отъ напрасной затраты капитала и убытка и, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, къ безчисленному ряду предыдущихъ наблюденій и выводовъ, прибавить нѣсколько новыхъ фактовъ, доказывающихъ самозванство тѣхъ не многихъ господъ, которые по упорству или изъ корыстныхъ видовъ, хлопочутъ отъ имени народа о созданіи малорусской литературы и обособленіи и возведеніи на степень языка польскорусскаго просторѣчья южно-русскаго простонародія.

ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.

(*Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ*).

— **Изъ Новоград-Волынска.** Корреспондентъ Кіевскаго Телеграфа пишетъ; „Въ половинѣ марта, мѣстное начальство распорядилось, чтобы въ каждомъ селеніи крестьяне, на выѣздахъ, учредили караулы, и чтобы неизвѣстныхъ имъ лицъ, не имѣющихъ письменныхъ видовъ, задерживали и представляли полиціи. Въ ночи съ 26-го на 27-е апрѣля, караулы эти замѣтили, что знакомые намъ паны (которыхъ они поэтому и выпускали изъ селеній) направляются въ лѣса, что многіе изъ нихъ идутъ въ лѣсъ съ оружіемъ. Смекнувъ въ чемъ дѣло, они поспѣшили дать знать объ этомъ полиціи, а сами тутъ же принялись ловить бѣгущихъ въ лѣсъ, и въ первый же день, т. е. 25-го числа, успѣли уже задержать нѣсколько пановъ, въ числѣ которыхъ былъ отставной капитанъ; капитана этого крестьяне взяли вооруженнаго съ ногъ до головы: у него было двухствольное ружье, два пистолета за поясомъ и сабля; онъ долженъ былъ командовать цѣлою шайкою. Нужно было видѣть, какое волненіе было въ нашемъ городѣ, когда крестьяне доставили этого господина къ начальнику полиціи: евреи, солдаты и козаки, женщины, дѣти цѣлыми толпами стояли около его дома. Говорятъ, при этомъ капитанѣ (Порчинскомъ) были найдены важныя бумаги. Потомъ каждый день крестьяне по нѣскольку человѣкъ начали доставлять задерживаемыхъ ими пановъ. Но я хочу вамъ разсказать вотъ какой случай. Крестьяне села Оранъ, узнавши, что помѣщикъ Вольскій заказалъ ихъ женамъ шить мужескія рубахи не крестьянскаго кроя, сторонкой вывѣдали отъ помѣщика, для чего онъ шьетъ эти руаахи, и тотъ имъ отвѣтилъ, что будто бы для парубковъ, такъ какъ онъ хочетъ завести парубковое хозяйство. Крестьяне смекнули, что тутъ дѣло нечисто: у пана всего три парубка, а онъ заказалъ шить 46 рубахъ, почему отобрали отъ своихъ женъ всѣ рубахи, сшитыя и несшитыя и представили ихъ начальнику полиціи, причемъ сказали ему, что у самаго пана въ домѣ также

шьются рубахи. На другой день начальникъ полиціи послалъ чиновника сдѣлать обыскъ въ домѣ этого пана, и при обыскѣ найдено еще нѣсколько рубахъ и запасъ полотна. Вольскій былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Какъ только разнеслась вѣсть объ арестѣ, Вольскаго все польское населеніе закричало: какъ? за что? за то, что помѣщикъ шьетъ рубахи, дѣлать въ его домѣ обыскъ, сажать въ тюрьму, принимать отъ крестьянъ заграбленную его собственность! Это ужасно! Правда, ужасно! Но скажите же мнѣ, господа, для какой же цѣли г. Вольскій съ такою поспѣшностью сталъ приготовлять рубахи изъ солдатскаго холста, неужели въ самомъ дѣлѣ для парубковаго хозяйства? Если это такъ, то для чего онъ шилъ рубахи не крестьянскаго покроя, длинныя, съ большими воротниками? Не лучше ли, вмѣстѣ съ крестьянами, сказать правду: г. Вольскій приготовлялъ эти рубахи для постанцевъ шляхты? Вѣдь приготовляли и другіе паны чамарки, сапоги, шапки, рубахи, фляжки для водки, сухари, конечно по праказанію революціонеровъ; по этому же приказу и г. Вольскій приготовлялъ рубахи для повстанцевъ, какъ приготовляли ихъ и многіе другіе паны въ житомирскомъ и заславскомъ уѣздехъ.

— **Письмо изъ Кіева въ ред. Сѣверной Пчелы.** Мы только въ настоящее время вполнѣ убѣдились, что сельскіе жители—крестьяне, не для одной, такъ сказать, забавы сохраняютъ среди себя древнія преданія, передаютъ ихъ изъ рода въ родъ, не для одного удовольствія затверживаютъ пѣсни, думки, пословицы и поговорки, не для пустаго препровожденія времени заучиваютъ разсказы о исконныхъ, кровавыхъ подвигахъ враговъ вѣры и *русской* народности въ Украйнѣ и Малороссіи. Вотъ теперь, вотъ въ настоящую минуту всѣ преданія, всѣ разсказы о минувшихъ кровавыхъ подвигахъ поляковъ въ Украйнѣ и Малороссіи, всѣ пѣсни, въ коихъ ими оплакивается мученическая смерть какого либо козака, героя своей родины, павшаго отъ рукъ поляка за защиту православія и отчизны, всплыли въ памяти народа со всею ихъ подробностію и со всею свѣжестію первобытнаго характера этихъ народныхъ произведеній, всплыли, какъ всплываетъ масло на верхъ

воды. Наши праотцы, дѣды и отцы хорошо передали намъ, что значитъ унія, кто и каковы враги нашей вѣры и отчизны, кто вѣчные недруги наши. Намъ разсказывали, какъ мучили поляки нашихъ предковъ, какъ они сдирали съ нихъ полосами кожу, и тѣло намазывали солью; какъ, для удовольствія какого либо пана-поляка, служившаго въ имѣніи польскаго магната, обертывали живыхъ предковъ нашихъ соломою, привязывали къ столбамъ, разставленнымъ по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой долженъ былъ проѣзжать панъ, обливали смолой и дегтемъ, и во время самаго проѣзда пана зажигали этихъ несчастныхъ людей; намъ разсказывали, какъ на ярморкахъ въ Ольшанѣ (звенигородскаго уѣзда), Бѣлой церкви, Черкассахъ, Чигиринѣ, Каневѣ, Златополѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, въ дни торговъ, среди торговой площади, нарочно паны воздвигали висѣльницу, на которой въ одинъ часъ вѣшали по нѣскольку десятковъ безвинныхъ селянъ, единственно для своего удовольствія, и когда несчастныя жертвы умирали, то поляки, для своей потѣхи, стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Можемъ ли мы, послѣ всего прошедшаго, говорятъ нынѣ крестьяне, повѣрить вновь полякамъ, принять ихъ *золотыя грамоты* и стать въ ряду ихъ, стать противъ своей вѣры и отечества? Возможное ли задумали поляки? Подумали ли они, что затѣваютъ? Вотъ истинныя слова, которыя нынѣ вы услышите во всякомъ мѣстечкѣ, селеніи, деревнѣ, въ каждой корчмѣ, въ которой только соберутся десять, пятнадцать душъ селянъ. Значитъ, исторія живетъ и живетъ дѣятельною жизнію среди малороссіянъ, и въ настоящіе дни еще разрабатывается народомъ. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою, инсуррекція немыслима въ этомъ краѣ. И это народъ доказалъ, переловивши всѣхъ инсургентовъ, и передавъ ихъ правительству. Еще вчера, 6-го іюня, въ Кіевъ крестьяне привезли до 20-ти инсургентовъ, схваченныхъ ими въ лѣсахъ. Новыхъ партій инсургентовъ въ кіевской губерніи не образовывается, и замѣтно, что здѣшніе поляки убѣдившись, что они имѣютъ дѣло не съ однимъ правительствомъ, а и съ народомъ, потеряли свою ambicya (амбицію). Въ Кіевѣ ходитъ много разныхъ толковъ относительно проѣздовъ экипажей, наполненныхъ траурными женщинами, мимо мѣстъ заключенія плѣнныхъ и от-

носительно подсудности ихъ. Надобно, чтобы правительство прислушалось къ этимъ смутнымъ толкамъ. Обыватели города, изходатайствовали у правительства учрежденіе *городской милиціи*. Дворяне православные, домовладѣльцы Кіева, подали Государю адресъ; то же самое сдѣлали мѣщане, и приготовляется еще адрессъ отъ евреевъ купцевъ, живущихъ въ Кіевѣ и кіевскихъ старообрядцевъ. Распространеніе *золотхъ грамотъ* въ народѣ было сдѣлано въ огромномъ числѣ экземпляровъ; говорятъ, что въ одномъ селеніи подлѣ г. Василькова, въ которомъ не болѣе, 10,000 жителей, роздано граматъ до 1,000 экземпляровъ.

Въ присутственныхъ мѣстахъ Кіева рѣже слышится польскій языкъ, но все еще слышится, трауръ по улицамъ въ большомъ ходу. Наконецъ и поляки начинаютъ нѣсколько поговаривать, что Кіевъ кажется русскій городъ.

— **Москва 18 Іюня** —*(Наше Время № 117)*. Депеши отъ французскаго, англійскаго и австрійскаго кабинетовъ получены въ Петербургѣ ихъ представителями при нашемъ дворѣ. Въ субботу, 15-го іюня, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, принималъ у себя, въ Царскомъ Селѣ, въ половинѣ перваго, французскаго посланника, въ часъ англійскаго, въ половинѣ втораго австрійскаго. Всѣ трое должны были сообщить ему, въ одинъ и тотъ же день, другъ за другомъ, содержаніе этихъ, давно ожидаемыхъ и такъ долго заготовлявшихся депешъ.

15-е іюня, какъ видите, можетъ сдѣлаться днемъ памятнымъ, и для Россіи, и для остальной Европы. Говорятъ, что дипломаты имѣютъ привычку къ незыблемому спокойствію и самообладанію, но все таки мы не хотимъ вѣрить, чтобъ какая нибудь доля смущенія не закралась къ нимъ въ душу, когда они по очереди входили къ князю Горчакову, чтобъ передать ему требованія, совѣты или представленія западныхъ державъ. Иностранные посланники живутъ въ Петербургѣ, видятъ все своими глазами, черпаютъ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ. Каково же имъ предъявлять протесты, основанные на ложныхъ данныхъ, на выдумкахъ, на басьняхъ, на клеветѣ, безпримѣрной въ исторіи

дипломатіи. Мы слышали, что лордъ Непиръ, напримѣръ, получилъ между прочимъ частное письмо отъ лорда Джона Росселя, который извѣщаетъ его, что въ Литвѣ какой-то богатый русскій помѣщикъ собралъ около себя тысячу *дикихъ*, чтобъ эти *дикіе* насиловали польскихъ женщинъ и дѣвицъ. Ну что тутъ сказать? Вѣдь, конечно, никто изъ насъ и во снѣ не грезилъ, чтобы въ Англіи не только государственный человѣкъ, но какая нибудь беззубая няня могла дать вѣру подобной сказкѣ! Откуда бы это звѣрь-помѣщикъ промыслилъ себѣ въ Литвѣ дикихъ! Да, всѣ эти сношенія и переговоры по польскимъ дѣламъ, вѣроятно, ставятъ посланниковъ въ неловкое положеніе.

Имъ, хорошо знающимъ правду, можетъ быть много разъ разсуждавшимъ въ частныхъ разговорахъ съ княземъ Горчаковымъ о польскихъ дѣлахъ въ виду подлинныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, имъ завтра должно, какъ актерамъ древней Греціи, надѣть на себя маски и принять осанку людей, которые о правдѣ ни слова не слыхали, которые о ней понятія не имѣютъ, а вѣруютъ безусловно, какъ Евангелію, всему, что написали лордъ Джонъ Россель, Друэнъ де-Люисъ и графъ Рехбергъ. Незавидно бываетъ положеніе людей, поставленныхъ высоко! Не безъ урона иногда для нравственнаго достоинства достаются людямъ верхнія ступени въ общественной лѣсницѣ — Ну еще, еслибъ Франція и Англія,—мы не говоримъ объ Австріи, она бѣдная пристегнута къ этой парѣ ни дай ни вынеси за что, она упиралась, кажется, да потащили насильно — еслибъ Франція и Англія зашумѣли бы просто отъ лица безусловной свободы, независимости, во имя тѣхъ правъ человѣка, которыя написала кровью французская революція, то еще можно бы съ нѣкотораго рода краснорѣчіемъ поддерживать разговоръ, особенно со стороны французскаго кабинета, который избралъ своимъ девизомъ: „не смотри, что я дѣлаю, а слушай только, что я говорю"; но вѣдь нѣтъ, могущественныя государства Европы спускаются съ облаковъ, нисходятъ до практики, указываютъ на факты, колютъ ими намъ глаза. Мы, видите ли, гонимъ вѣру поляковъ, уничтожаемъ ихъ языкъ, не даемъ имъ національныхъ учрежденій; и эти обвиненія поднимаются тогда, когда мы устроили въ Польшѣ такой національный

порядокъ, что поляки могли завладѣть государственной казной и при нихъ не было ни одного русскаго, который помѣшалъ бы такому неслыханному акту самоуправленія. Польскіе мятежники совершаютъ подвиги, которые не приходили въ голову гуннамъ и отъ которыхъ краска стыда едва ли не показалась бы на щекахъ каннибала, а насъ упрекаютъ въ неистовствахъ, въ варварствѣ, въ звѣрствѣ!

Польское возстаніе есть несчастіе, великое несчастіе, но оно однако же не губитъ, а поднимаетъ Россію. По милости польскаго возстанія не за нее мы боимся, намъ страшно становится за человѣка! Что жъ это наконецъ, гдѣ плоды просвѣщенія, гдѣ тѣ понятія, которыя улучшаютъ нашъ духовный міръ, гдѣ обѣщанные лучи истины, и колѣна, преклоненныя предъ ея священнымъ ликомъ! Куда ни оглянись, вездѣ ложъ, ложь, ложь умышленная, сознательная. Вся европопейская журналистика, эти органы гласности, эти мнимые представители общественнаго мнѣнія проводники свѣта въ темныя массы народовъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти печатаютъ такія выдумки, про которыя не могутъ не знать, что они нелѣпы, и не печатаютъ ничего, что можетъ служить къ ихъ опроверженію. Пошлите въ любой европейскій журналъ извѣстіе, что черемисы и мордва предъявили у насъ права своихъ народностей, возстали поголовно, нашли и взяли Москву. Будьте увѣрены, что эта сказка тиснется тотчасъ на всѣхъ образованныхъ языкахъ; но если вы вздумаете осмѣять этотъ слухъ, если скажете: помилуйте, да вѣдь это нелѣпость первой величины, вы не найдете мѣста ни въ одномъ журналѣ. Недавно было провозглашено въ нѣмецкихъ газетахъ, что Чайковскій взялъ приступомъ крѣпость Замостье; триста плѣнныхъ и нѣсколько пушекъ достались побѣдителю; между тѣмъ, въ самомъ-то дѣлѣ Чайковскій былъ разбитъ на голову, и совсѣмъ не на приступѣ къ крѣпости. Это послѣднее извѣстіе, помѣщенное въ *Journal de St. Petersbourg* не было нигдѣ перепечатано. Еслибы собрать во едино всѣ пораженія, которыя мы понесли отъ поляковъ по словамъ европейскихъ журналовъ, да подвести вѣрный итогъ нашихъ потерь, то едва ли изъ всей нашей арміи, расположенной теперь въ Польшѣ, остался бы въ живыхъ хоть

одинъ русскій солдатъ! Да, съ грустью должно сказать, что способъ дѣйстія образованной Европы, хотя она и имѣетъ видъ защитницы угнетенныхъ мало можетъ внушить уваженія безпристрастному мыслителю, и нетвердую душу поколеблетъ пожалуй, въ ея самыхъ завѣтныхъ вѣрованіяхъ, заставитъ задуматься о томъ, правду ли говорятъ, что мы шагаемъ впередъ въ семиверстныхъ сапогахъ.—Уверяютъ, что всѣ вліятельные европейскіе журналы куплены польскими эмигрантами. Мы не станемъ утверждать того, что доподлинно не знаемъ, но скажемъ смѣло, что перья, которыя пишутъ въ Европѣ о польскихъ дѣлахъ, рѣшительно не имѣютъ въ виду истины и нисколько не домогаются узнать ее. Они хотятъ оправдывать поляковъ и обвинять насъ, вотъ ихъ задача; а что въ каждой строкѣ, въ каждомь словѣ у нихъ, встрѣчаются ошибки противъ географіи, исторіи, логики, здраваго смысла—до этого рѣшительно никому изъ нихъ дѣла нѣтъ. Русскіе разбиты, рускіе развели въ Литвѣ дикихъ, рускіе неистовствуютъ, а поляки умираютъ за свободу, какъ герои, вотъ все, что нужно доказать; далѣе ничего и не говорите, потому что нехотятъ слушать. Замѣчательно, что существуетъ мнѣніе, будто поляки отъ того не могутъ ужиться съ нами, что они выше насъ своей образованностью. Но вѣдь польская образованность вся заимствована. Даже это выраженіе „польская образованность“ неточно, ибо ея нѣтъ, у нея нѣтъ своего особеннаго характера, она носитъ характеръ общеевропейскій, по скольку онъ выразился въ ней. Вотъ, напримѣръ, нѣмцы Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи, принадлежатъ точно къ образованности оригинальной, то есть нѣмецкой; мы знаемъ, что эта образованность внесла своего въ сферу человѣческаго просвѣщенія. Поэтому нѣмецкіе бароны, разсматриваемые съ точки зрѣнія цивилизаціи, стоятъ несравненно выше поляковъ и имѣютъ право на большую долю надменности. Отъ чего же они уживаются съ нами? Да и что такое образованность? Она вѣдь важна по тѣмъ понятіямъ, которыя вводитъ въ жизнь и даетъ ей въ руководство. Какія же это понятія выработала польская образованность? Вотъ теперь минута, когда душа народа раскрывается настежь, когда всѣ затаенныя въ ней чувства выступаютъ наружу и прилагаются къ практикѣ. Что

мы видимъ передъ нашими глазами? 19-й вѣкъ, людей дѣйствующихъ, по его просвѣщеннымъ указаніямъ, согласно съ тѣми завоеваніями мысли, которыя совершены имъ во славу и для блага человѣчества? Нѣтъ, въ польскомъ мятежѣ не отыщется ни одной стихіи изъ 19-го вѣка, все отзывается, напротивъ, средневѣковой эпохой, ужасами инквизиціоннаго судилища, коварствомъ іезуитскаго ученья.

На нашихъ глазахъ возставали италіанцы, возставали венгерцы. И тѣ и другіе не любятъ тоже австрійцевъ, отъ чегоже ни итальянцы, ни венгерцы не убивали ихъ изъ за угла, не пробовали рѣзать ночью безоруженныхъ, не подсыпали имъ въ пищу яду, не сдирали кожи съ ихъ головъ, не вѣшали у нихъ беременныхъ женщинъ, не начиняли беременнымъ женщинамъ животовъ порохомъ и не поджигали потомъ? Отъ того именно, что іезуитизмъ задержалъ поляковъ на дорогѣ и не далъ имъ дойти до 19-го вѣка, отъ того, что іезуитизмъ вошелъ у нихъ въ плоть и кровь, какъ ни у какого другаго народа, ни въ какую эпоху исторіи.

Насъ съ малолѣтства пугали все ужасами французской революціи, именами Робеспьера, Барера, комитетомъ общественной безопасности, но что онъ значитъ въ сравненіи съ тайнымъ революціоннымъ комитетомъ Варшавы?

Робеспьеръ посылалъ на смерть, комитетъ его осуждалъ всѣхъ, кто ему не нравился, и рубилъ головы; но признавалъ все таки какую то нравственную узду, ибо искалъ сохранить хоть тѣнь законности. Этотъ ужасный, заклейменный исторіей комитетъ отправилъ бы подъ гильотину и того, кто предложилъ бы ему отравлять, грабить, рѣзать ночью; у варшавскаго комитета нѣтъ никакой узды, никакого закона, никакого человѣческаго стыда. Этого еще не бывало. Тутъ всѣ средства позволены, да позволены такъ, какъ еще никому не входило въ голову. Неужели это открытіе 19-го вѣка, стоящее наравнѣ съ его прочими подвигами? Неужели это путь, ведущій къ храму свободы, гдѣ человѣкъ обновляется, становится болѣе чистъ, благороденъ, болѣе исполненъ любви къ ближнему?

И такъ, мы имѣемъ дѣло съ третьей коалиціей. Коалиція

1812 года, коалиція крымская и наконецъ нынѣшняя. Что это мы такіе за противные? Кажется, мы никого не трогали и дали напротивъ много залоговъ нашего благорасположенія къ иностранцамъ вообще.

Князю Горчакову предстоитъ разрѣшеніе трудной задачи, ему предоставляется честь отстоять достоинство Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежитъ отвѣтственность не ввергнуть ее безъ нужды въ кровавую, непримиримую борьбу. Мы видѣли уже по его первымъ отвѣтамъ, что онъ не намѣренъ дѣлать уступокъ, мы убѣждены, что онъ останется въ томъ же расположеніи духа и передъ наступающей на него Европой, не оробѣетъ ни на минуту, слыша за собой голосъ Россіи, похожій еще на далекіе, глухіе раскаты грома; но съ чувствомъ силы, съ сознаніемъ достоинства, нѣтъ причины не дать западнымъ державамъ никакой возможности дальнѣйшихъ переговоровъ, если онѣ не хотятъ бросится въ ужасы войны, очертя голову.

Дѣло идетъ о законной гордости, справедливости, о національномъ достоинствѣ, а не о капризѣ. Конечно, многое зависитъ отъ формы, въ какой депеши написаны. Можетъ быть, у нихъ найдутся такія выраженія, что намъ не остается ничего, кромѣ крика: къ оружію!

—**Размышленіе газеты „Московскія Вѣдомости,“** по поводу слуховъ о притязаніи папы имѣть въ С. Петербургѣ своего нунція.—Москва, 11 іюня. Мы говорили вчера о притязаніи папистовъ имѣть въ С.-Петербургѣ свой аванпостъ въ видѣ папской миссіи. Они намѣреваются прислать къ намъ главнокомандующаго для борьбы съ православіемъ, и имѣютъ наивность думать, что мы окружимъ этого главнокомандующаго тѣмъ почетомъ, которымъ мы окружаемъ представителей дружественныхъ державъ. Съ папой, какъ государемъ небольшой области, еще не успѣвшей присоединиться къ Италіянскому королевству, мы могли бы быть въ отношеніяхъ искренно-дружественныхъ. Но папа—государь только въ силу того, что онъ римскій епископъ, а неужели мы не знаемъ, что римскій епископъ можетъ питать дружественныя чувства къ намъ только въ томъ случаѣ, если будетъ видѣть

насъ на дорогѣ къ уніи? Вѣрность православію и сближеніе съ римскимъ епископомъ—вещи несовмѣстимыя. Не изъ вѣротерпимости, а изъ равнодушія къ вѣрѣ могли бы проистекать наши уступки католицизму.

Каждое католическое притязаніе несетъ ядъ въ своемъ корнѣ. Оно отравлено стремленіемъ къ господству, желаніемъ первенства. Католическое духовенство вовсе не претерпѣваетъ у насъ гоненія, и если оно недовольно своимъ положеніемъ, то причина тому именно въ его притязаніяхъ на господство. Мы должны только жалѣть, что эти притязанія встрѣчали у насъ иногда недостаточно сильный отпоръ и до нѣкоторой степени удовлетворялись. Не можемъ не указать на недавнее учрежденіе епископской каѳедры для малочисленной католической колоніи въ Саратовѣ. Епископу этой новой каѳедры положено содержаніе отъ 7 до 8 тысячъ рублей серебромъ, тогда какъ православные епископы получаютъ жалованье еще по штату Петра. Въ Саратовѣ же заведена католическая семинарія, и на каждаго ученика ея положено около 200 р. казенныхъ денегъ, тогда какъ на ученика православныхъ семинарій расходуется менѣе 40 рублей. католикамъ тутъ стало-быть жаловаться не на что, а развѣ мы русскіе можемъ сѣтовать на оказываемое имъ предпочтеніе; развѣ мы русскіе можемъ упрекать себя въ томъ, что поступили слишкомъ угодливо удовлетвореніемъ притязаній враждебныхъ нашей церкви.

Возьмемъ еще одно изъ тѣхъ желаній папы, объ исполненіи которыхъ онъ постоянно ходатайствуетъ. Это желаніе состоитъ въ томъ, чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ воспитывались непремѣнно въ римско-католическомъ исповѣданіи. Вѣруя, что внѣ католическаго исповѣданія нѣтъ спасенія, папа всѣми силами стремится къ осуществленію этого желанія. Онъ не допускаетъ равенства исповѣданій. Равнымъ образомъ и ни одинъ католическій священникъ не можетъ благословить бракъ католика съ православною или православнаго съ католичкой, если сочетевающіеся не дадутъ обѣщанія воспитывать дѣтей въ католическомъ исповѣданіи. Недавно одно лицо, принадлежащее къ царствующимъ фамиліямъ, не нашло во всей Европѣ католическаго священника

который согласился бы обвѣнчать его съ католичкой, не полагая условіемъ, чтобы дѣти ихъ были католики. Еслибы, при такой настойчивости, мы отмѣнили относительно католиковъ нашъ законъ, требующій чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ воспитывались въ православіи, мы фактически допустили бы перевѣсъ католицизма надъ православіемъ.

Наша церковь при полномъ убѣжденіи въ своей истинѣ, совершенно въ тоже время свободна отъ духа слѣпой и ревнивой исключительности, которымъ одержимо римское католичество. Въ томъ-то и заключается великое достоинство нашей церкви, дающее ей преимущество предъ другими вѣроисповѣданіями, что она, свято сохраняя чистоту православія и отвергая односторонности и уклоненія, не относится однако фанатически къ другимъ христіянскимъ вѣроисповѣданіямъ, и скорбя о разъединеніи, скорбя о заблужденіяхъ, затмевающихъ истину, не простираетъ своей ревности до того, чтобы въ чувствѣ разногласія и отчужденія терять чувство общей истины и единства. Можно скорбѣть о заблужденіи, но можно и должно уважать то чѣмъ человѣкъ или общество соединяется съ истиной, и допускать возможность преобладанія истины надъ заблужденіемъ даже въ самомъ заблужденіи. Католическій фанатизмъ готовъ проклясть самое Евангеліе тамъ гдѣ оно является въ неуказанной формѣ латинскаго текста; православіе чтитъ и въ иновѣрцѣ христіянскую вѣру и христіянскую мысль. Въ этомъ-то и состоитъ высокое преимущество православія надъ латинствомъ, и это одно уже ясно указываетъ, которой изъ двухъ церквей принадлежитъ будущность.

Еслибы папа желалъ только, чтобы въ Россіи, странѣ православія, оказывалась терпимость относительно латинства, то такое желаніе давно уже исполнено. Въ Россіи римско-католическій обрядъ проживаетъ свободно, безъ всякаго притѣсненія. Въ Россіи, и законъ, и народъ, и господствующая церковь, оказываютъ полную терпимость какъ къ латинству, такъ и къ другимъ признаннымъ христіянскимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ нашихъ городахъ свободно воздвигаются католическіе храмы и католики признаются христіанами, а не считаются язычниками или проклятыми, какъ считаются православные и протестанты въ стра-

внахъ гдѣ господствуетъ римское католичество на всей своей волѣ. Православная церковь не препятствуетъ смѣшаннымъ бракамъ между православными и католиками, и русскій священникъ благословитъ подобный бракъ, не связывая заранѣе совѣсть родителей и не грозя имъ всѣми карами ада, если они воспитываютъ своихъ дѣтей въ римско-католическомъ законѣ. Такъ ли поступаетъ римско-католическій священникъ? Онъ увѣренъ, что внѣ предѣловъ папской власти, нѣтъ спасенія для христіанской души, и онъ благословляетъ смѣшанный бракъ только на томъ условіи, чтобы иновѣрецъ по крайней мѣрѣ въ дѣтяхъ своихъ отступился отъ своей вѣры и предался папѣ; да и то требуется еще особая *диспенсія*.

Если въ Россіи законъ постановляетъ, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ непремѣнно воспитывались въ православіи, то этотъ законъ не есть догматъ церкви. Это законъ государства. Если папа считаетъ такой законъ стѣснительнымъ, если римско-католическій первосвященникъ дѣйствительно ищетъ религіозной свободы, то пусть онъ явитъ примѣръ ея въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ соединяетъ въ своей особѣ и государя и первосвященника: пусть же провозгласитъ онъ у себя ту долю религіозной свободы, которую ему желательно видѣть въ Россіи; пусть освободитъ онъ совѣсть людей въ Римской области, пусть допуститъ онъ свободу смѣшанныхъ браковъ безъ лживыхъ **диспенсій**, въ которыхъ изощряется изобрѣтательная фантазія римской консисторіи; пусть католическій священникъ благословляетъ смѣшанный бракъ, не становя обязательныхъ условій относительно дѣтей; пусть католики въ Римѣ свободно переходятъ въ православіе: пусть все это папа сдѣлаетъ у себя, и за тѣмъ уже обратиться къ нашему правительству съ ходатайствомъ, чтобъ и оно поступило такимъ образомъ и отмѣнило законы стѣсняющіе религіозную свободу. Наша церковь отъ этихъ отмѣнъ не пострадаетъ, истина ея не умалится, она останется тѣмъ, чѣмъ она была, и можетъ-быть еще яснѣе обозначится ея истинная сущность. А что сталось бы съ римско-католическою церковію, еслибы такія перемѣны вдругъ произошли въ ея нѣдрахъ и въ ея владѣніяхъ? Что произошло бы съ римско-католическою церковію, еслибы

папа, въ ея собственныхъ нѣдрахъ, провозгласилъ ту религіозную свободу, которой онъ требуетъ отъ насъ? Съ католическою церковію произошло бы странное обстоятельство: она утратила бы свой отличительный характеръ; она перестала бы быть тѣмъ, что она есть, она перестала бы быть римско-католическою церковію. Пусть папа сложитъ съ себя титулъ намѣстника Христова, пусть главенство надъ церковью предоставитъ онъ незриму Христу, пусть папа превратится въ то, чѣмъ онъ долженъ быть и чѣмъ онъ былъ сначала, до раздѣленія церквей; пусть онъ станетъ архіереемъ безъ всякихъ другихъ притязаній, пусть затѣмъ изчезнетъ государственная организація церковнаго общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ изувѣрство, духъ лжи и властолюбія, не разбирающаго средствъ, и дѣлающаго церковь христіанскую орудіемъ гнусныхъ преступленій, колеблющимъ и разрушающимъ нравственныя основы человѣческаго существованія. Когда все это исчезнетъ, тогда исчезнетъ и латинская ересь, тогда можетъ-быть возстановится древнее единство церкви, и папѣ, епископу православному, не будетъ надобности хлопотать о какомъ-нибудь конкордатѣ съ нашимъ правительствомъ. А такъ какъ этого нѣтъ и, по всему вѣроятію это будетъ не скоро, то какой же смыслъ могутъ имѣть претензіи папы на русское правительство, какой смыслъ могутъ имѣть его требованія чтобы русское правительство допустило у себя то начало религіозной свободы, которое онъ самъ отвергаетъ и проклинаетъ въ своихъ владѣніяхъ?

(М. Вѣд. № 124).

—**Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ пишутъ:**—„Кто близко знакомъ съ подробностями польскаго мятежа въ западномъ краѣ, того не могутъ не поразить, между прочимъ, двѣ характеристическія его черты: съ одной стороны, дерзость и безчеловѣчіе въ злодѣйствахъ, совершаемыхъ мятежниками надъ безоружными людьми, честно исполнявшими свой долгъ въ отношеніи къ правительству, съ другой—самая безстыдная и наглая ложь въ объясненіи причинъ своего участія въ мятежѣ, къ которой прибѣгаютъ они, когда имъ приходится дать отчетъ въ своихъ преступленіяхъ передъ судомъ. Обыкновенная отговорка, уже заранѣе ими приго-

товленная, которою они надѣются не только смягчить приговоръ суда, но и оправдать преступныя свои дѣйствія, состоитъ въ томъ, что они будто бы увлечены были въ мятежъ по принужденію, насильно. Этою уловкою съ особеннымъ искусствомъ пользуются ксендзы, находящіяся нынѣ въ рукахъ правосудія. Они съ изступленіемъ читали въ костелахъ революціонныя воззванія, произносили возмутительныя противъ правительства рѣчи, приводили матежниковъ къ присягѣ, вступали въ шайки, даже сами набирали ихъ, предводительствовали ими, вмѣстѣ съ ними злодѣйствовали — и все это не по собственному побужденію, но насильно единственно только изъ страха за собственную жизнь, изъ чувства самосохраненія. Такая изворотливость въ оправданіи собственно не заслуживаетъ серіозныхъ опроверженій. Кому извѣстно вліяніе здѣшняго католическаго духовенства на народъ, кто знаетъ настроеніе народа и искреннюю привязанность его къ законному своему Государю, тотъ легко можетъ убѣдиться, что ксендзамъ достаточно было бы сказать нѣсколько словъ, исполненныхъ любви и преданности къ Государю, чтобъ образовать вокругъ себя такую крѣпкую охрану, противъ которой не посмѣло бы подняться никакое покушеніе на принужденіе. Но еслибы — допустимъ это предположеніе — кто либо изъ нихъ былъ увлеченъ въ возстаніе насильно, то не святая ли его обязанность показать ввѣренной ему паствѣ примѣръ, какъ слѣдуетъ исполнять долгъ вѣрноподданнаго и съ чистою совѣстію, призвавъ всю силу вѣры на помощь, стать непоколебимо противъ всякихъ угрозъ и насилій и принести наконецъ въ жертву собственную жизнь? Насильно! Нѣтъ, не такъ говорятъ и дѣйствуютъ люди, для которыхъ присяга не пустыя слова, но святой долгъ совѣсти. Приводимъ здѣсь высоко-поучительный примѣръ твердости въ исполненіи своего долга, оказанный недавно простыми людьми, православными крестьянами слонимскаго уѣзда, находившемся дѣйствительно въ весьма опасномъ положеніи.

„Дѣло происходило 19-го мая, въ мѣстечкѣ Бытенѣ, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Въ 10 часовъ утра внезапно вошла въ мѣстечко шайка хорошо вооруженныхъ мятежниковъ; немедленно по всѣмъ улицамъ разставлены были ими пи-

кеты, а отрядъ состоящій приблизительно изъ 80 человѣкъ, двинулся къ православной церкви, гдѣ у воротъ ограды толпились крестьяне. Въ это время только что началась обѣдня, совершалъ ее мѣстный благочинный священникъ Пѣшковскій. Остановясь у церковной ограды, начальникъ шайки тотчасъ же обратился къ народу съ рѣчью и прочиталъ прокламацію, въ которой неизвѣстные благодѣтели дарили народу подати и поземельный оброкъ, обѣщали свободу вѣроисповѣданій и возстановленіе уніи; затѣмъ начальникъ шайки приказалъ народу присягнуть на вѣрность польскому правительству. Тутъ же стоялъ и католическій ксендзъ, готовый приводить къ присягѣ. Крестьяне, выслушавъ всѣ эти предложенія, обѣщанія и приказанія, единогласно отозвались: „громада! что мы будемъ слушать эти бредни, пойдемъ въ церковь!“ и всѣ смѣло, безъ колебаній, поспѣшили въ церковь. Послѣ того мятежники старались вызвать крестьянъ изъ церкви, но всѣ ихъ попытки были тщетны: ни одинъ крестьянинъ не вышелъ изъ церкви, отказываясь обязанностію слушать Божественную литургію. Видя такую непреклонность со стороны крестьянъ и хорошо понимая что эту „громаду“ скорѣе можно изрубить, чѣмъ склонить на свою сторону, начальникъ шайки, грозя мщеніемъ, поспѣшилъ со своею щайкою удалиться изъ мѣстечка.

„Такъ поступили безоружные крестьяне, окруженные вооруженною толпой, отъ ярости которой всѣ они могли погибнуть на мѣстѣ; но честныя сердца ихъ не дрогнули передъ опасностію смерти.“

„Генералъ-губернаторъ, по доведеніи о семъ событіи до его свѣдѣнія, приказалъ объявить благодарность бытенскому сельскому обществу и раздать три медали на Анненской лентѣ „за усердіе“ тремъ наиболѣе отличившимся въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ крестьянамъ, по выбору самихъ крестьянъ.“

—Въ томъ же “Вѣстникѣ„ объявлено, что по случаю состоянія края на военномъ положеніи, всѣмъ мѣстнымъ обывателямъ мужескаго пола, какъ городскимъ такъ и сельскимъ за исключеніемъ крестьянъ, воспрещена отлучка съ мѣстъ жительства на разстояніе болѣе 30 верстъ, безъ особыхъ видовъ, выданныхъ губернскими или военными уѣздными начальствами.

—Продолженіе перечня злодѣйствъ совершенныхъ польскими лѣсными бродягами. (Смотри Вѣстникъ кн. X Отд. II стр. 54) изъ Journal de St.—Petersbourg.—Съ 26-го апрѣля были совершены инсургентами слѣдующія жестокости, офиціально засвидѣтельствованныя и записанныя въ протоколъ мѣстными начальствами:

Въ Равскомъ уѣздѣ, близь деревни Братошевичъ, инсургенты повѣсили гг. Крушинскаго, Шубицкаго и Флаксевича.

Въ уѣздѣ Сейненскомъ, въ деревнѣ Серея, повѣшенъ сапожникъ Готлибъ Радманнъ, за то что отказался безплатно снабдить инсургентовъ обувью.

Въ той же мѣстности повѣшенъ отставной солдатъ Янкель Гельговичъ.

Въ уѣздѣ Красноставскомъ, близь деревни Рудникъ, повѣшена молодая дѣвушка.

Въ Калишскомъ уѣздѣ, близь Костельнице, найденъ трупъ, висѣвшій на деревѣ, съ слѣдующею запиской:

„Августъ Вендлаефтъ, казненный за услуги оказанныя имъ „Русскимъ. Такая же участь постигнетъ всякаго кто покусится „подражать ему.“

Въ той же мѣстности повѣшенъ крестьянинъ Казимиръ Малка.

Въ Варшавскомъ уѣздѣ, близь мѣстечка Пржибирежъ, инсургентами уведены гг. Заторки и Солярскій. Первый убитъ, а что сталось съ послѣднимъ—неизвѣстно.

Въ Люблинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Гарволинѣ, инсургенты, повѣсили полеваго сторожа и увели, неизвѣстно куда, бургомистра.

Въ Варшавскомъ уѣздѣ, проходя черезъ деревню Козитула, инсургенты повѣсили землепашца Михаила Скаврона.

Въ самой Варшавѣ, въ большой аллеѣ, ведущей къ замку Лазенковскому, агентъ полиціи подошелъ къ тремъ лицамъ, которыя довольно поздно ночью прогуливались безъ фонаря, замѣтилъ имъ, что они поступаютъ вопреки уставу, и просилъ ихъ уйдти прежде чѣмъ наѣдетъ патруль. Эти люди спросили у него не Русскій ли онъ, и когда онъ отвѣчалъ утвердительно, воспользовавшись тѣмъ, что онъ отвернулся отъ нихъ, нанесли ему нѣсколько

ударовъ кинжалами, и потомъ повѣсили головою внизъ на одномъ изъ деревьевъ аллеи. Въ этомъ положеніи нашли несчастнаго на другой день утромъ, едва дышащаго.

Въ уѣздѣ Ломзинскомъ повѣшенъ Винцентъ Бржозовскій прикащикъ деревни Конорживще.

Въ уѣздѣ Млавскомъ, въ деревнѣ Войницки, инсургенты схватили пастуховъ Петра Бродницкаго и Станислава Маевскаго. Первому дали 30 ударовъ ремнемъ, а втораго повѣсили въ сосѣднемъ лѣсу. Потомъ тѣ же инсургенты бросились къ дому фермера Шульца, разграбили домъ, и не найдя самого хозяина, котораго хотѣли повѣситъ, схватили его племянницу, дѣвицу Теклу Якубовскую, сорвали съ нея всю одежду, и избивъ до полусмерти, бросили на большой дорогѣ.

Проходя черезъ деревню Бунково-Подлексе, шесть инсургентовъ выстрѣлили изъ ружей въ окна дома, принадлежащаго колонисту Гинтшу, и тяжело ранили его жену.

Мы уже сообщили подробный разказъ объ истязаніяхъ и казни, которымъ начальникъ шайки Чаховскій подвергъ въ Радомской губерніи капитана пѣхотнаго Полоцкаго полка Никифорова и пять плѣнныхъ солдатъ, изъ которыхъ одному, Турлину, удалось чудеснымъ образомъ избѣгнуть смерти и присоединиться къ своему полку.

Мы извѣщали также, что показаніе Турлина было точь-въ-точь подтверждено признаніями Іосифа Гузовскаго, инсургента изъ шайки Чаховскаго, который попался въ плѣнъ, и бывъ потомъ сведенъ съ Турлинымъ на очную ставку, сознался, что принадлежалъ къ числу дѣятелей, или лучше сказать палачей при этомъ ужасномъ эпизодѣ инсуррекціи.

Въ деревнѣ Карьенъ, Гостынскаго уѣзда, повѣшены инсургентами, въ маѣ мѣсяцѣ, лѣсные сторожа Бонавентура Панковскій и Янъ Гловацкій.

Уѣзда Сѣрадзскаго, въ деревнѣ Пабіаницы, шайка инсургентовъ отняла у жителей всѣхъ лошадей и всѣ телеги; двое жителей, Яковъ Эндрисса и Іосифъ Дембовскій, которые хотѣли воспротивиться этому насилію, были тотчасъ повѣшены.

Въ уѣздѣ Пржаснышскомъ найдено десять человѣкъ повѣ-

шенныхъ, въ числѣ которыхъ узнаны Францискъ Дзелинскій, рабочій изъ деревни Дешиево, Теофилъ Бродовскій, земледѣлецъ изъ деревни Марусъ, Станиславъ Закржевскій лѣсникъ деревни Мендзылесса, и Викторъ Бобиневій, отставной солдатъ, жившій въ Самотржаски, послѣ котораго осталась вдова съ шестью малолѣтними дѣтьми.

Уѣзда Варшавскаго, въ деревнѣ Брашкѣ, четверо инсургентовъ избили каменьщика Шмидта, тяжело ранили его и наконецъ повѣсили его на столбѣ.

Въ деревнѣ Шоастѣ, близь Бѣлостока, шайка инсургентовъ окружила домъ священника, котораго хотѣла убить, но не найдя его, зажгла православную церковь, и запретила крестьянамъ, подъ страхомъ смерти, гасить огонь.

Въ уѣздѣ Бѣлостовскомъ, въ мѣстечкѣ Суражѣ, инсургенты схватили православнаго священника, Константина Прокоповича, и измучивъ его жестокими пытками, убили.

Въ уѣздѣ Замосцьскомъ. близь деревни Гута-Кржешовска, инсургенты повѣсили двухъ Крестьянъ.

На Порайской станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, два инсургента убили путешественника, который поджидалъ поѣзда.

Въ уѣздѣ Стопницкомъ шайка инсургентовъ, вторгнувшись въ деревню Бугушнице, созвала на площадь всѣхъ жителей и въ ихъ присутствіи повѣсила Антона Кондзеля, Франциска Смѣтана и Петра Валигура, которыхъ выбрала на попадъ изъ среды жителей.

Въ деревнѣ Зрембище, Олькушскаго уѣзда, двадцать инсургентовъ повѣсили земледѣльца Антона Пенозика.

Опочинскаго уѣзда въ деревнѣ Сендовѣ, инсургенты схватили женщину Іозефину Дуперасъ и ея мужа. Послѣдняго сѣкли ремнями, домъ его и амбары сожгли, а бѣдную жену его, обвиненную въ равнодушіи къ революціонному дѣлу, повѣсили, надѣвъ ей на шею портретъ Государя Императора.

Въ деревнѣ Рудникъ четыре инсургента схватили земледѣльца Матвѣя Калиновскаго и умертвили его, изрубивъ ему всю голову въ куски.

Въ плоцкомъ уѣздѣ, близь помѣстья Жижина, Іосифъ Оржешковскій былъ вытащенъ изъ своего жилища, и убитъ ударами косъ.

По дорогѣ изъ Надзейова въ Томашево, въ грубешовскомъ уѣздѣ, чиновникъ Семборовскій найденъ повѣшеннымъ на деревѣ.

Въ деревнѣ Клеменцисцѣ, келецкаго уѣзда, шестьдесятъ человѣкъ инсургентовъ повѣсили гг. Войцицкаго и Т. Новака.

Въ плоцкомъ уѣздѣ инсургенты вытащили изъ трактира деревни Орѣхово отставнаго чиновника Никиту Максимова и убили его выстрѣлами изъ шести револьверовъ.

Содержатель кломницкой станціи на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, повѣшенъ.

Въ деревнѣ Буки, млавскаго уѣзда, инсургенты изрубили въ куски пивовара Теофила Радецкаго за то, что онъ отказался присоединиться къ нимъ.

Въ деревнѣ Медзехинѣ, варшавскаго уѣзда, повѣшена бѣдная женщина, просившая милостыни.

Въ томъ же уѣздѣ учитель первоначальной школы въ деревнѣ Шопы, Фердинандъ Сегеръ заколотъ копьями.

Близъ деревни Нарка, въ варшавскомъ уѣздѣ, повѣшенъ Янъ Обремскій.

Въ деревнѣ Завады, олькушскаго уѣзда, земледѣлецъ Янъ Яблонскій уведенъ изъ своего жилища и повѣшенъ въ лѣсу.

Въ пржаснышскомъ уѣздѣ инсургенты, встрѣтивъ мельника Фридриха Вицновскаго, возвращавшагося въ свою деревню, изрубили его топорами, и привязавъ трупъ его къ телѣгѣ, довезли до его дома.

Въ томъ же уѣздѣ, близъ деревни Люберадзе, они убили крестьянку.

Въ уѣздѣ млавскомъ, въ деревнѣ Дзивѣ, инсургенты повѣсили земледѣльца Томаса Лянкевича.

Въ деревнѣ Надриби, красноставскаго округа, три колониста были повѣшены, а прикащикъ деревни Зарубка и жена его жестокосердо высѣчены.

Въ уѣздѣ бяльскомъ, въ деревнѣ Кѣвецъ, разстрѣлянъ крестьянинъ Ѳедоръ Калишука.

Въ люблинскомъ уѣздѣ, близъ города Томашева, инсургенты схватили отставнаго солдата Мордку Гольдурса, увѣчили и терзали его съ неслыханною жестокостію. Найдя при немъ, кромѣ другихъ вѣщей, аттестатъ объ отставкѣ, они прибили этотъ аттестатъ къ его груди четырьмя гвоздями, которые вколачивали молоткомъ, и потомъ повѣсили.

Липовскаго уѣзда, въ деревнѣ Маліановкѣ, шайка инсургентовъ, оцѣпивъ домъ г. Трембинскаго, требовала, чтобъ онъ отперъ дверь. Когда Трембинскій отказалъ исполнить это требованіе, инсургенты пытались влѣзть въ окно. Но Трембинскій, вооружась вилою, храбро воспротивился имъ. Тогда они зажгли домъ, и какъ скоро Трембинскій, задыхаясь отъ дыма, былъ вынужденъ выйдти, то они убили его.

Въ минской губерніи сорокъ человѣкъ инсургентовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Свенторжецкаго, вторгнувшись въ имѣніе Богушевича, игуменскаго уѣзда, схватили православнаго священника Конопасевича и повѣсили его на воротахъ его собственнаго дома.

Кромѣ всѣхъ этихъ нами исчисленныхъ злодѣйствъ, отъ имени такъ-называемаго національнаго правительства, было совершено *триста двадцать девять* убійствъ, но имена жертвъ еще неизвѣстны.

Что касается до кражъ, грабежей и всякихъ насилій, совершенныхъ революціонною партіею въ Польшѣ и сопредѣльныхъ съ нею провинціяхъ, то они неизчислимы. Но о нихъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующихъ фактовъ:

Ва мѣстечкѣ Липскѣ еврейская община была вынуждена заплатить 47,000 злотыхъ.

Въ деревнѣ Лавишкѣ липновскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ Водзинскій и его жена, подвергнутые пыткѣ, были вынуждены отдать инсургентамъ все свое имущество, 600 злотыхъ.

Крестьянинъ Хмельницкій въ деревнѣ Госпомои (липновскаго уѣзда) также былъ подвергнутъ пыткѣ, такъ какъ инсургенты подозрѣвали, что у него есть деньги.

Сборы съѣстными припасами, фуражемъ, лошадьми, вымогались также насильственно и быстро растрачивались.

Въ глубинѣ лѣсовъ инсургенты предавались неслыханнымъ излишествамъ. У многихъ шаекъ, застигнутыхъ войсками въ расплохъ, были найдены огромные запасы всякаго рода съѣстныхъ припасовъ, сваленныхъ кучами и тратившихся безпорядочно.

Расхищеніе частныхъ и казенныхъ денегъ, истребленіе конныхъ заводовъ и домашняго скота, разграбленіе помѣщичьихъ домовъ и замковъ, наконецъ покража 3,700,000 рублей изъ казначейства и огромныя суммы, исторгнутыя подъ страхомъ смерти варшавскимъ революціоннымъ комитетомъ у всѣхъ жителей Царства,—вотъ страшный помииъ польской инсуррекціи.

А ВОТЪ И НОВЫЕ ФАКТЫ ЗВѢРСТВА МЯТЕЖНИКОВЪ:

— **Мученичество православныхъ священниковъ Прокоповича и Конопасевича.** Въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщены подробности объ этомъ ужасномъ событіи. Приводимъ ихъ въ извлеченіи.—Съ 22-го на 23-е мая суражскій [1]) священникъ, о. Прокоповичъ преданъ повстанцами позорной и мученической смерти; его сначала избили кольями, ружейными прикладами и еле-живаго повѣсили. Смерть о. Прокоповича выставила весьма рѣзко существенную черту польскаго характера. Это религіозная нетерпимость, съ которой идетъ рука объ руку и гражданская. Смерть о. Прокоповичу приготовляли цѣлый мѣсяцъ, за то, что онъ принималъ къ себѣ военныхъ, проходившихъ чрезъ мѣстечко Суражъ противъ мятежническихъ шаекъ, но не могли исполнить, потому что лучшіе мѣщане всегда предупреждали о. Прокоповича; на ночь онъ уѣзжалъ куда-нибудь. За недѣлю до троицына дня собралась шайка мятежниковъ на мѣщанскихъ лугахъ, изъ молодежи этого мѣстечка. Помѣщикъ Конопинскій, хотя не былъ въ этой шайкѣ, но устроивалъ ее, какъ главный ея начальникъ: выдавалъ ей оружіе изъ своего двора, лошадей, и даже послалъ въ шайку пять собственныхъ человѣкъ Противъ этой шайки была прислана рота солдатъ, при появленіи которой мятежники разсѣялись. Капитанъ, приведшій эту роту, размѣстилъ ее по квартирамъ, а самъ съ другими офицерами зашелъ къ о. Прокоповичу. Пробывъ два дня въ Суражѣ, рота удалилась изъ мѣстечка; тогда жители еще болѣе враждебно стали смотрѣть на о. Прокоповича, и начали го-

[1]) Суражъ—заштатный городъ гродненской губ. (есть еще городъ Суражъ въ витебской)

ворить, что онъ самъ донесъ начальству о шайкѣ и призвалъ солдатъ. Съ этого времени ратуша поставила караулъ около мѣстечка, не для того, чтобы охранять жителей отъ мятежниковъ, а чтобы наблюдать, когда будетъ отправляться о. Прокоповичъ. На третій день по выходѣ роты, именно 17-го мая, явился въ Суражѣ Францишекъ Синкевичъ, изъ Даниловa, который собиралъ у здѣшнихъ жителей косы и рѣзаки; этотъ Синкевичъ управляетъ бандами мятежниковъ; онъ былъ въ битвѣ подъ Семятычами и его давно уже ищутъ, но не могутъ поймать. Его привелъ въ домъ священника Николай Климъ, житель мѣстечка Суража: онъ съ дерзостью потребовалъ косъ и рѣзаковъ; въ случаѣ отказа, вынувъ винтовку, грозилъ всѣмъ смертію. Такъ какъ войска не было въ Суражѣ, а помощи отъ жителей нечего было ожидать, то о. Прокоповичъ вынужденъ былъ исполнить требованіе Синкевича. Три дня праздника Тройцы прошли спокойно. Неизвѣстные люди съ особеннымъ вниманіемъ наблюдали за количествомъ денегъ, даваемыхъ на обѣдни. 22-го мая умеръ одинъ изъ обывателей Суража, Барановскій; жена его просила на другой день похоронить ея мужа, почему и остался у о. Прокоповича священникъ Каченовскій. Въ девять часовъ у о. Прокоповича всѣ уже заснули первымъ сномъ. Проснувшись, жена о. Прокоповича услышала страшную бѣготню около дома и разбудила мужа; онъ тотчасъ началъ одѣваться; въ тоже время послышались стукъ въ окно и крики: "хозяинъ, отвори„. Не успѣлъ покойникъ сообразить, что нужно дѣлать, какъ вдругъ вырвали окно и нѣсколько человѣкъ вскочило въ комнату. Эти люди тотчасъ бросились къ кровати—на которой лежалъ священникъ Каченовскій; ему тотчасъ связали назадъ руки; одинъ изъ нихъ нѣсколько разъ ударилъ его въ грудь. Зажегши свѣчу, они увидѣли, что это былъ не о. Прокоповичъ; часть убійцъ искала о. Прокоповича, который успѣлъ уйти и скрылся въ конюшнѣ; они нашли одного изъ сыновей, Льва, начали бить его, гдѣ попало, дубинами, ружейными прикладами; потомъ оставили подъ карауломъ. Такъ какъ окна были уже вездѣ выбиты, то Левъ, обманувъ бдительность караульнаго, выскочилъ черезъ окно, бросился въ огородъ и побѣжалъ по направленію къ дорогѣ, ведущей въ Бѣлостокъ. Замѣтивъ это,

караульный далъ знать своимъ, которые стояли около двора; тѣ открыли за нимъ погоню, начали стрѣлять в него, но только одна пуля контузила его немного въ голову. Онъ, можетъ быть, ушелъ бы, только, выйдя изъ мѣстечка, наткнулся на караулъ, который былъ разставленъ около Суража. Поймавъ его, мятежники привели въ домъ, били его долго, чѣмъ попало, наконецъ уже надѣли веревку на шею, чтобы повѣсить; онъ сталъ въ это время вызывать: „Ахъ! Боже мой, Боже мой!" но они стали кричать: „какой твой Богъ? это собачья, схизматыцкая вѣра"—прибавивъ къ этому ругательства: подлецъ, собачья твоя кровь и т. п. Въ это время послышались крики: „есть, есть!" Всѣ бросились въ ту сторону, оставивъ караульному сына о. Прокоповича, съ веревкой на шеѣ. Въ третьей комнатѣ, они поймали дочь о. Прокоповича, долго ее били и, наконецъ измучивъ, оставили въ комнатѣ, подъ карауломъ. Тамъ же помѣстили и жену о. Прокоповича, которую били сильно въ грудь. Услышавъ, что о. Прокоповичъ пойманъ, почти всѣ бросились изъ дому, оставивъ нѣсколько человѣкъ для караула, съ приказаніемъ никому не говорить ни слова; за ослушаніе обѣщали застрѣлить. Они вытащили священника на дворъ, начали рвать волосы на головѣ и изъ бороды, толкать во всѣ стороны, бить ружьями и дубинами и, нанесши болѣе ста ударовъ, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ него и ранилъ въ бокъ. Потомъ повели его вѣшать къ мѣсту въ пяти шагахъ отъ дома, гдѣ находится нѣсколько тополей. Здѣсь о. Прокоповичъ сталъ просить ихъ позволить ему помолиться; но они начали издѣваться нетолько надъ нимъ, но надъ самою религіею, говоря: „какой твой Богъ? Вы не что иное, какъ собаки ваша вѣра собачья, русская; вашъ Богъ—русскій", постоянно били страдальца въ грудь, подъ бока, чтобы недать и слова выговорить, постоянно кричали ему: „молчи!" Когда надѣли веревку на шею, о. Прокоповичъ успѣлъ только выговорить; „Господи Іисусе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!" и былъ повѣшенъ. Но этимъ еще не кончилось—мятежники начали издѣваться. Они привели Льва туда, гдѣ висѣлъ его отецъ, и говорили: „видишь ли, какъ твой отецъ виситъ, какъ собака? Будешь и ты такъ же висѣть." Побивъ снова сына Прокоповича, они бросили его на

земь, около того мѣста, гдѣ висѣлъ его отецъ, потому что онъ не могъ стоять отъ сильной боли въ ногахъ, которыхъ ему чуть-тутъ не переломали. Отсюда всѣ они бросились въ домъ и начали требовать у вдови денегъ, говоря: „дай намъ денегъ на пиво". Несчастная отвѣчала, что у нея денегъ нѣтъ, а есть въ туалетѣ и въ комодѣ. Они сейчасъ схватили туалетъ, въ которомъ находились деньги, собранныя на обѣдни въ продолженіе трехъ дней праздника; стали требовать у жены о. Прокоповича, чтобы она сама отворила комодъ; но она отвѣчала, что ключь у ея мужа. Когда принесли топоръ, по ихъ требованію, то приказали ей рубить комодъ; но одинъ изъ толпы на этотъ разъ былъ посовѣстнѣе и сказалъ: „ты требуешъ, чтобы женщина рубила; возьми топоръ и самъ руби". Только что они начали рубить, какъ влетѣлъ одинъ изъ ихъ шайки и сталъ кричать; „пойдемте, братцы-уже сейчасъ день". Вышедши со двора, они стали кричать: „ну, теперь, уже не будетъ у насъ въ мѣстечкѣ схизматиковъ, теперь у насъ истинная Польша". Весь этотъ соборъ отправился къ дьячку, котораго также хотѣли повѣсить; дьячокъ въ эту ночь находился въ домѣ Барановскаго, гдѣ онъ читалъ псалтырь надъ усопшимъ. Услышавъ выстрѣлы, онъ убѣжалъ въ Топилецъ. Въ домѣ покойника Барановскаго мятежни и нашли старичка, мѣщанина Капцинскаго; онъ пѣлъ надъ усопшимъ польскія набожныя пѣсни. Мятежники схватили бѣднягу, вытащили на улицу и стали бить его; одинъ изъ шайки сказалъ, что это здѣшній житель. „И подѣломъ ему", говорили остальные: „не ходи къ схизматикамъ", и оставили на улицѣ. Этотъ старикъ одинъ только пришелъ помолиться за умершаго. 25-го мая о. Прокоповича схоронили въ селѣ Завыкахъ. При похоронахъ было неболѣе 5-ти человѣкъ изъ мѣщанъ; тѣло его со слезами провожали евреи м. Суража [1]). Въ Завыкахъ, на похоронахъ, былъ только священ-

[1]) Высказали еще сочувствіе къ о. Прокоповичу и временно-обязанные крестьяне, его прихожане. Они говорили горемычной вдовѣ, что хотятъ просить литовскаго митрополита дать имъ священникомъ или одного изъ ея сыновей, или оставить мѣсто за ея дочерью. Указываемъ на это, чтобы великорусское общество видѣло, что только фанатики-поляки могли такъ поступить съ о Прокоповичемъ.

никъ Качановскій; изъ прихожанъ о. Прокоповича было неболѣе 4-хъ человѣкъ; прочіе отказались, хотя просилъ ихъ сельскій писарь отдать послѣдній долгъ покойнику. Теперь надъ этими похоронами всѣ смѣются въ Суражѣ. „Нашего повѣшеннаго священника всѣ оставили, и священники и войско; видно, онъ былъ худой человѣкъ и, должно быть, стоилъ петли“, говорятъ суражскіе жители, и прибавляютъ: „толковали что Польши не будетъ, а вотъ уже и Польша; всѣ русскіе отказываются отъ своего священника“. Въ домѣ о. Прокоповича всѣ окна выбиты, двери выломаны, такъ что невозможно тамъ жить; поэтому его жена рѣшилась уѣхать куда-нибудь. Но члены ратуши не хотѣли выпустить ее изъ мѣстечка, опасаясь, чтобы она не уѣхала въ Бѣлостокъ и не разсказала обо всемъ начальству.

„Семейство о. Прокоповича живетъ теперь въ Бѣлостокѣ; оно боится и показаться въ Суражъ.

„Отецъ Прокоповичъ былъ на суражскомъ приходѣ съ 1841 года. Въ приходѣ его 335 душъ, которыя разсѣяны между католическимъ народонаселеніемъ. Какъ и всѣ у насъ священники, онъ имѣлъ церковную землю, которая не отличается плодородіемъ; жалованья онъ поличалъ 120 р. въ годъ. Хозяйство его было очень ограниченное. По бѣдности о Прокоповича, училищное начальство воспитывало двухъ его сыновей въ духовномъ училищѣ на казенномъ содержаніи, третьяго на полуказенномъ, т. е. о. Прокоповичъ вносилъ за него половинную плату, 30 руб. сереб. Четвертаго онъ воспитывалъ на свой счетъ, съ платой 60 р. с. Дочери своей, 17-ти лѣтней дѣвушкѣ, онъ старался дать домашнее, приличное воспитаніе. Жизнь въ старомъ, сыромъ домѣ, постоянная нужда разстроили здоровье о. Прокоповича; онъ былъ слабаго сложенія. Не имѣя средствъ пользоваться совѣтами докторовъ, онъ занялся чтеніемъ болѣе или менѣе доступныхъ ему медицинскихъ книгъ, и на столько успѣлъ, что нетолько лечилъ самаго себя безъ помощи медиковъ, но сталъ помогать и многимъ постороннимъ лицамъ—своимъ прихожанамъ и иновѣрцамъ: католикамъ и евреямъ. Въ рѣдкій день кто нибудь не приходилъ къ нему за совѣтомъ. Когда открылось волненіе въ Царствѣ Польскомъ, тамошнимъ жителямъ, приходящимъ за

совѣтомъ, о. Прокоповичъ смѣло представлялъ безразсудство начатаго ими дѣла и доказывалъ имъ, что всѣ распоряженія правительства клонились къ улучшенію быта поляковъ. Онъ раздражилъ противъ себя польскую партію, особенно мѣстнаго ксендза, патера Моравскаго, который былъ двигателемъ въ этомъ темномъ дѣлѣ [1])".

Смерть о. Конопасѣвича.—(Извлечено изъ 24-го № «Дня»). Игуменскаго уѣзда, минской губерніи, въ м. Богушевичахъ, между нѣсколькими десятками безоружныхъ жителей христіанъ и евреевъ, жилъ священникъ Даніилъ Канапосевичъ. Добрый пастырь вѣрный слуга церкви и отечества, имѣлъ бдительный надзоръ за своею паствою, чтобы ни одинъ изъ членовъ ея не увлекся обольщеніями мѣстнаго помѣщика Свѣнтовжецкаго и не присоединился къ собираемой имъ противъ нашего правительстра шайкѣ. А потому, не смотря на угрозы его, от. Даніилъ непрестанно внушалъ имъ вѣрность и любовь къ церкви и православному отечеству своему, а о мятежныхъ поступкахъ помѣщика доносилъ начальству, чѣмъ и удержалъ паству свою въ повиновеніи и вѣрности законной власти, и отклонилъ ее отъ участія въ мятежѣ Это озлобило мятежнаго поляка; собравъ банду, 20-го апрѣля, ночью, онъ напалъ на богушевицкое сельское управленіе, а потомъ и на домъ священника. Въ первомъ изломалъ въ куски зерцало и и прибилъ къ стенѣ управленія свое печатное объявленіе о возстановленіи Польши и правъ ея; а во второмъ употреблялъ всѣ усилія къ отысканію священника, дабы предать его истязанію и смерти за противодѣйствіе мятежнымъ замысламъ. Но онъ ночью, схвативъ одѣяло, бѣжалъ въ лѣсъ, оставивъ семейство, и по наступленіи дня когда убѣдился, что мятежники удалились изъ мѣстечка, явился къ семейству, отправился въ сельское управленіе и, увидѣвъ висящее на стѣнѣ объявленіе о наступленіи царства Польши, собралъ прихожанъ внушилъ имъ вѣрность своему Царю, разорвалъ въ куски объявленіе и разсѣявъ по воздуху, отпустилъ ихъ домой. Узнавъ о поступкѣ священника, Свѣнторжецкій началъ превозглашать, что священники не желающіе быть преданными Польшѣ сами и склонить къ тому своихъ прихожанъ. будутъ повѣшены. Этимъ онъ заставилъ ихъ укрываться въ лѣсахъ и ущельяхъ, и домой являться, для преподанія требъ прихо-

[1]) Пожертвованія въ пользу несчастнаго семейства о. Прокоповича принимются въ главной конторѣ газеты «Голосъ» (Литейная, № 38). Желающіе могутъ присылать и въ редакцію »Вѣстника«.

жанамъ, тогда только, когда они уврены были, что въ тѣхъ мѣстахъ банды его нѣтъ, такъ какъ былъ уже опытъ, что сосѣдняго священника Малевича мятежники за это тиранили. Такъ проводилъ дни Канапосевичъ около мѣсяца. Утомленный скитальческою жизнію въ настоящее время и не предвидя конца своему мученію, отправился онъ, наконецъ, къ своему архипастырю, съ объявленіемъ о бѣдственномъ своемъ и сосѣднихъ его священниковъ положеніи, а также и о томъ, что мятежникъ Свѣнторжевскій вывозитъ цѣнное имущество изъ богушевицкаго своего имѣнія въ другое, близь города Минска находящееся. Вслѣдствіе чего, по распоряженію господина начальника минской губерніи, это имущество было арестовано, а для уничтоженія собранной имъ шайки былъ посланъ отрядъ войска. Прибывъ въ мѣстечко Богушевичи, отрядъ остановился здѣсь для отдыха, а офицеры посѣтили священника Конапосѣвича и узнали отъ него, гдѣ имѣютъ лагерь мятежники. Не довольствуясь тѣмъ, убѣдили его указать имъ дорогу къ этому лагерю, и, по исполненіи имъ этого, отправили его домой. На другой же день пригласили его на мѣсто сраженія, исповѣдать и причастить раненыхъ православныхъ воиновъ и похоронить павшихъ на полѣ брани. Явившись туда, увидѣлъ онъ безпомощныхъ страдальцевъ, истаявающихъ отъ ранъ, и другихъ обагренныхъ кровію и умершихъ солдатъ и мятежниковъ, а также встрѣтился съ ксендзомъ, прибывшимъ сюда для исполненія той же обязанности. Растроганный этимъ зрѣлищемъ до крайности и проникнутый чувствомъ сострадапія, онъ не могъ удержаться и сказалъ ксендзу: »Наслаждайся, другъ, плодами своей проповѣди, утѣшайся стонами умирающихъ страдальцевъ; неужели окаменѣло сердце ваше поляки, и вы не можете образумиться, и не перестанете внушать безумцамъ проливать кровь собратовъ своихъ?« Такой поступокъ православнаго пастыря еще болѣе ожесточилъ Свѣнторжевскаго и принудилъ подбросить записку слѣдующаго содержанія: »Отецъ Конопасевичъ! Будь увѣренъ, что ты останешся въ живыхъ тогда, когда ни одного изъ насъ не останется.« Угроза эта и заставила Канапосевича, по прежнему, укрыться въ лѣсахъ и ущельяхъ, отъ преслѣдованія и, наконецъ, удалиться совсѣмъ за 50 верстъ, къ родственнику своему, священнику Но пробывъ здѣсь неболѣе трехъ дней, онъ возвратился къ мѣсту своего призванія. На другой день по прибытіи его домой, именно 23-го мая, въ 4 часа по полудни, является вооруженная банда подъ предводитель

ствомъ мятежника Свѣнторжецкаго, окружаетъ домъ его и, схвативъ несчастнаго священника, выводитъ его. Тутъ связали ему руки назадъ и, зацѣпивъ веревкою за шею, начали таскать на дворѣ и бить Вопль жены и четырехлѣтняго малютки, сына его, о дарованіи жизни несчастному, привлекъ безоружныхъ жителей мѣстечка, христіанъ и евреевъ. Они стали на колѣни и начали умолять мучителей о пощадѣ; но просьбы эти только еще болѣе приводили ихъ въ ярость: просителямъ они грозили заряженными ружьями, а женѣ и малюткѣ наносили побои. Наконецъ повѣсили отца Конопасевича на воротахъ и издѣвались надъ нимъ, утѣшаясь его страданіями. Бѣдная жена его, вырываясь изъ рукъ злодѣевъ, подбѣгала съ неотступнымъ спутникомъ своимъ, малюткою, къ висящему своему мужу, схватывала его за ноги и подставивъ плеча свои подъ нихъ, для облегченія страданій его, цѣловала ихъ, а малютка не переставалъ вопить: »Ой Боже мой, папочка мой виситъ!« Но ничто не могло побудить къ жалости рыцарственныхъ польскихъ патріотовъ. Теряясь въ изобрѣтеніи мученій священника, схватвали они жену его и малютку и, подобно шару, швыряли ихъ на землю. Но любовь и жалость жены вынуждала ее собравъ послѣднія силы свои, вновь бросаться къ мужу, вновь подставлять плечи подъ ноги висящаго, доколѣ не оказалось у него никакихъ признаковъ жизни. Видя кончину страдальца, поляки отвязали веревку, на коей онъ висѣлъ: трупъ свалился на землю. Тогда несчастная вдова съ ребенкомъ упала на бездыханное тѣло мужа и плакала до тѣхъ поръ пока не впала сама въ безчувствіе. «Патріоты» ушли наконецъ, приказавъ собравшемуся на мѣсто мученія народу, подъ угрозою казни, не погребать священника, доколѣ не сдѣлается онъ добычею звѣрей. Этимъ жестокимъ поступкомъ своимъ поляки навели на безоружныхъ и малочисленныхъ жителей мѣстѣчка Богушевичи такой страхъ, что жители удалились, оставивъ мученика на мѣстѣ мученія и кончины. Одно только семейсво его, сестра жены покойника, работникъ и работница осмѣлились внести тѣло Конопасевича въ комнату и облачить въ приличную одежду. Такъ окончилъ жизнь свою священномученникъ Даніилъ, на 32 году отъ рожденія, а на седьмомъ священства, доказавъ міру, что ни угрозы, ни мученія, ни самая смерть не могли отклонить его отъ любви къ церкви и Россіи, и что онъ какъ пастырь добрый, положилъ душу свою за овцы своя. Такъ ознаменовалъ себя польскій пат-

ріотъ благородный польскій шляхтичъ, помѣщикъ Свѣнторжецкій, съ сообщниками своими, подобными же ему тиранами-помѣщиками, доказавъ міру что онъ истый потомокъ тѣхъ гонителей и мучителей православныхъ, которыхъ подвигъ съ трепетомъ вспоминаетъ наша страна, находившаяся, къ несчастію подъ владычествомъ Польши!

Не извѣстно, уничтожена ли эта шайка мятежниковъ. свирѣпствовавшая вблизи мѣстечка Богушевичи, и получили ли польскіе герои достойное наказаніе? Говорятъ что и жена покойника скончалась, но за вѣрность этого извѣстія ручаться нельзя.

— **Мудрыя мѣры виленскаго генералъ-губернатора Михаила Николаевича МУРАВЬЕВА 2 для скорѣйшаго усмиренія шляхто-ксендзовскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ Россіи.** — Кромѣ помѣщенной въ X книжкѣ Вѣстника [1]) **Инструкціи** для устройства военно-гражданскаго управленія въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, послѣдовали нижеслѣдующія распоряженія для скорѣйшаго подавленія шляхто-ксендзовскаго мятежа въ этомъ краѣ:

— **Объявленіе сельскимъ обывателямъ губерній виленской, гродненской, ковенской и минской.** — Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ мятежъ нарушилъ мирную тишину вашихъ жилищъ. Люди праздные и злонамѣренные, поднявъ знамя бунта противъ законнаго своего Государя, замыслили льстивыми обѣщаніями и угрозами склонить и васъ на свою сторону, дабы съ помощію вашею ниспровергнуть общественный порядокъ и законную власть, оберегающую спокойствіе и собственость каждаго мирнаго жителя. Являясь дерзко среди васъ, объявляя вамъ свои преступныя манифесты отъ имени несуществующаго польскаго правительства, оскверняя храмы наши чтеніемъ мятежныхъ воззваній и приведеніемъ легковѣрныхъ къ беззаконной присягѣ—они, съ помощію ксендзовъ, изъ коихъ многіе измѣнили долгу вѣрноподданнической присяги Государю и обязанностямъ своего духовнаго званія, стараются именемъ Божіимъ вовлечь васъ въ преступленіе. Но они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: настоящій мятежъ далъ вамъ случай доказать на дѣлѣ преданность вашу Государю и вѣрность выполненной вами присягѣ. Нынѣ, обманутыя въ своихъ надеж-

[1]) Смотри Отд. IV. «Польскій вопросъ».

дахъ, преслѣдуемыя и уничтожаемыя нашими войсками, шайки мятежниковъ укрылись въ лѣсахъ и появляются оттуда въ ваши селенія для грабежа, безчинства и снабженія себя припасами, совершая безчеловѣчныя казни надъ тѣми изъ васъ, которые, оставаясь вѣрными своему долгу, не исполняютъ ихъ приказаній и не сочувствуютъ преступнымъ ихъ дѣйствіямъ.

Но уже исполнилась мѣра терпѣнія: не внявъ слову милосердія и прощенія, изреченному благодушнымъ Царемъ нашимъ, они чувствуютъ уже нынѣ всю тяжесть справедливой и заслуженной имъ кары; сотни бывшихъ вашихъ помѣщиковъ и ксендзовъ, участвовавшихъ въ мятежѣ и взятыхъ войсками и вѣрными своему долгу крестьянами, содержатся въ крѣпостяхъ и острогахъ; надъ многими изъ нихъ уже приведены въ исполненіе смертные приговоры военнаго суда; та же участь ожидаетъ и другихъ главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ бунта; на имѣнія ихъ наложенъ, секвестръ и доходы съ оныхъ взяты въ казну; то же сдѣлано будетъ и совсѣми принимающими участіе въ мятежѣ.

Вѣрные долгу и присягѣ поселяне! Дарованная вамъ свобода отъ крѣпостной зависимости служитъ доказательствомъ заботливости о васъ Государя Императора. Великодушный монархъ, прекративъ всѣ обязательныя отношенія ваши съ бывшими вашими помѣщиками и оставивъ въ неприкосновенномъ владѣніи вашемъ земли, на которыхъ вы издавна поселены, даетъ вамъ средства немедленно, съ помощію пособія отъ казны, сдѣлаться полными собственниками всего слѣдующаго вамъ, по закону, надѣла, который и будетъ утвержденъ за вами повѣрочными коммиссіями. Благодѣтельная мѣра эта распространена на всѣхъ васъ, безъ различія вѣроисповѣданій, ибо и православный, и католикъ, вѣрные своей присягѣ, пользуются одинаковою защитою отъ своего Государя. Всѣ эти милости и все благосостояніе ваше, истекаютъ единственно отъ щедротъ вашего Государя и благодѣтеля; отъ него только вы должны ожидать и въ будущемъ прочнаго обезпеченія вашей собственности, безопасности вашихъ семействъ и безобиднаго пользованія тѣмъ, что пріобрѣтено вами честнымъ и свободнымъ трудомъ.

Еще разъ повторяю вамъ, крестьяне и бывшіе дворовые лю-

ди: вы не обязаны уже вашимъ прежнимъ помѣщикамъ никакими повинностями; вы совершенно освобождены отъ ихъ зависимости, и если еще и теперь нѣкоторые помѣщики польскаго происхожденія, пользуясь настоящими смутами въ краѣ, заставляютъ васъ отбывать барщину или облагаютъ въ свою пользу платежами, то это есть злоупотребленіе, о прекращеніи котораго строго предписано всѣмъ военнымъ начальникамъ.

Но чтобы окончательно устроить вашъ быть на прочныхъ основаніяхъ, необходимо прежде возстановить спокойствіе и порядокъ въ селеніяхъ вашихъ, потушить мятежъ и предать виновныхъ въ руки закона. Всѣ необходимыя для этаго мѣры уже приняты; независимо отъ повсемѣстнаго преслѣдованія войсками нашими мятежническихъ скопищъ, учреждены по уѣздамъ военно-полицейскія управленія, которымъ предписано принять подъ свое покровительство всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ Государю и правительству жителей, въ особенности крестьянское населеніе, оградить его, чрезъ содѣйствіе военной силы, отъ покушеній мятежниковъ, и устроить изъ самыхъ крестьянъ сельскіе вооруженные караулы, которые, не выходя изъ черты своего общества, послужатъ вамъ, у себя дома, въ вашихъ селеніяхъ, обороною отъ нападенія неистовыхъ мятежническихъ шаекъ на ваши семейства и жилища. Вы же, съ своей стороны, общими усиліями и дружно должны стараться о пресѣченіи мятяжникамъ всѣхъ способовъ укрывательства и отнятіи у нихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію, исполняя приказанія и распоряженія законныхъ властей.

Въ непремѣнную обязанность вмѣняется вамъ, старшинамъ вашимъ и сельскимъ карауламъ—не допускать въ границахъ вашихъ сельскихъ обществъ никакихъ мятежныхъ съѣздовъ и сборищъ, а также вербовки, вооруженія и вообще всякаго приготовленія къ мятежу, по фольваркамъ, домамъ, корчмамъ, лѣсамъ и другимъ мѣстамъ—кому бы они не принадлежали; наблюдать за всѣми проходящими и проѣзжающими чрезъ ваши селенія и земли, и если замѣчено будетъ что-либо возбуждающее подозрѣніе, немедленно давать знать о томъ ближайшему военному начальству, а злоумышленниковъ и подозрительныхъ людей, какого бы званія

и состоянія они ни были, ксендзы ли, помѣщики, шляхтичи, или другихъ сословій, тотчасъ же задерживать и передавать военнымъ командамъ. Оберегайте также ваши церкви и костелы отъ злочестиваго осквернения оныхъ возмутительными оглашеніями и беззаконными присягами. Однимъ словомъ, преслѣдуя и истребляя всякое покушеніе къ мятежу, поступайте такъ, какъ слѣдуетъ поступать каждому вѣрному подданному своего законнаго Государя.

Правительство съ своей стороны не оставитъ безнаказанно попытки мятежниковъ противъ васъ и вашего достоянія: оно уже караетъ злодѣевъ, безчинствующихъ въ селеніяхъ вашихъ; и если до сихъ поръ они осмѣливались угрожать вамъ и употреблять насилія, то это происходило оттого, что вы сами дружными и соединенными силами не рѣшались дать имъ отпоръ и содѣйствовать въ подавленію бунта.

Для собственнаго каждаго изъ васъ и семействъ вашихъ спокойствія, призываю васъ къ немедленному образованію вооруженныхъ сельскихъ карауловъ, по указанію и распоряженію военнаго начальства; съ помощію ихъ—смѣло и безъ боязни станьте лицомъ къ лицу противъ бунтовщиковъ, которыхъ страхъ наказанія гонитъ въ лѣса, а грабежъ и разбой вызываетъ оттуда на ваши селенія. Помните, что отъ вашего соединеннаго дѣйствія зависитъ скорѣйшее возстановленіе спокойствія и огражденіе жилищъ вашихъ отъ разграбленія, и если нѣкоторые изъ среды вашей пострадали за вѣрность своему долгу, то многіе виновники убійствъ уже получили заслуженное ими наказаніе, въ страхъ и примѣръ другимъ, а заботливый Царь вашъ не оставитъ семейства, осиротѣвшія за преданность къ нему и вѣрность присягѣ.

Подписалъ: *Виленскій военный, гродненскій, ковенскій и минскій генералъ—губернаторъ, командующій войсками виленскаго военнаго округа и главноначальствующій въ витебской и могилевской губерніяхъ, генералъ отъ инфантеріи Муравьевъ 2-й.*

Вильно, 2-го іюня 1863 года.

—Циркулярное предписаніе г. начальника могилевской губерніи, гг. уѣзднымъ исправникамъ, становымъ и городскимъ приставамъ: „Вслѣдствіе возникшихъ въ могилевской губерніи безпо-

рядковъ, имущества лицъ, причастныхъ къ безпорядкамъ, подлежатъ секвестру, на основаніи высочайше-утвержденныхъ, въ 15-й день марта 1863 года, объ этомъ правилъ, распубликованныхъ въ „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 13-го апрѣля 1863 года, № 25, и секвестрованныя имущества поступаютъ въ вѣдомство палаты государственныхъ имуществъ, которой по этому предмету дана отъ министерства государственныхъ имуществъ особая инструкція, присланная вамъ губернскимъ правленіемъ, при циркулярномъ указѣ отъ 14-го мая. Между тѣмъ, по настоящее время, имущества неосеквестрованы, а потому предписываю вамъ о наложеніи секвестра на имущества лицъ, о которыхъ положительно извѣстно, что они причастны къ безпорядкамъ, немедленно представить губернскому правленію, и самыя имущества безотложно описать, и впредь до сдачи въ вѣдомство палаты имѣть въ полицейскомъ управленіи, исполняя въ этомъ дѣлѣ во всемъ указанныя выше правила и инструкцію, и донося губернскому правленію о своихъ распоряженіяхъ по каждому имѣнію особо.

„Успѣшное исполненіе сего оставляю на личной вашей отвѣтственности.“

Подписалъ гражданскій губернаторъ *Беклемишевъ*.

—**О воспрещеніи носить трауръ и другіе революціонные знаки.**—Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано: „До начатія политическихъ безпорядковъ въ здѣшнемъ краѣ, въ числѣ разныхъ противуправительственныхъ манифестацій, большая часть жителей г. Вильно женскаго пола, для показанія сочувствія революціонному движенію въ Царствѣ Польскомъ, начала носить трауръ въ различныхъ видахъ: черныя платья, съ плерезами и безъ оныхъ, черныя шляпки съ бѣлыми султанами, а также особенныя революціонныя знаки, какъ-то: металическія пряжки въ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, переломленный крестъ въ терновомъ вѣнкѣ, и проч. Эта манифестація, въ большемъ или меньшемъ видахъ, продолжается и донынѣ. Такъ какъ всякое сочувствіе къ настоящимъ мятежнымъ дѣйствіямъ преслѣдуется закономъ наравнѣ съ самыми этими дѣйствіями, то г. главный начальникъ края предложилъ, 31-го минувшаго мая, № 1,121, г. начальнику

губерніи, къ прекращенію этой преступной манифестаціи, сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

„1) Объявить по г. Вильно, что трауръ и вообще ношеніе лицами женскаго пола черныхъ платьевъ и другихъ революціонныхъ знаковъ, въ настоящее время, допущены быть не могутъ. 2) Тѣхъ изъ чиновниковъ, въ семействѣ которыхъ женщины будутъ появляться публично въ черныхъ платьяхъ и другихъ траурныхъ нарядахъ, а также носить революціонные знаки, немедленно исключать изъ службы. 3) Лицъ женскаго пола, безъ различія званія, состоянія и національности, появившихся публично въ черныхъ платьяхъ и вообще въ траурномъ нарядѣ, или съ условными революціонными принадлежностями туалета, подвергать штрафу въ первый разъ 25 р. сер., во второй—50 руб., и затѣмъ арестовывать, для поступленія съ ними, какъ съ участницами въ мятежѣ. 4) Въ случаѣ невзноса виновными установленнаго штрафа, приступать немедленно къ продажѣ ихъ движимости, для пополненія штрафной суммы. 5) Деньги, собранныя отъ штрафовъ за нарушеніе означеннаго выше распоряженія, представлять, къ его высокопревосходительству, для обращенія оныхъ въ пользу семействъ сельскаго населенія, потерпѣвшихъ разореніе и насиліе отъ мятежническихъ шаекъ. 6) Лица, носящія трауръ по самымъ близкайшимъ своимъ роднымъ, должны предъявить полиціи законныя доказательства о дѣйствительной смерти этихъ родныхъ, и въ такомъ только случаѣ можетъ быть имъ дозволено ношеніе траура до истеченія срока, установленнаго на этотъ предметъ мѣстнымъ обычаемъ; и 7) все изложенное въ предыдущихъ шести пунктахъ относится и къ тѣмъ изъ лицъ мужескагс пола, которые будутъ появляться публично съ знаками траура въ одеждѣ, общепринятыми для мужскаго наряда, а также носить чамарки, конфедератки, длинные сапоги сверхъ нижней одежды, или другіе условные знаки мятежнической партіи.“

—Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано:—Г. генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ, въ виду настоящихъ обстоятельствъ края, сдѣлать распоряженіе о неотлучкѣ помѣщиковъ изъ ихъ имѣній и мызъ безъ особо уважительныхъ причинъ. Рас-

поряженіе это сообщено начальникамъ губерніи въ слѣдующемъ предложеніи его высокопревосходительства, отъ 8-го числа сего мѣсяца:

„Изъ донесеній военныхъ начальниковъ я усматриваю, что во многихъ мѣстахъ военныя команды посланныя для отысканія и преслѣдованія мятежническихъ шаекъ, проходя чрезъ помѣщичьи мызы, застаютъ въ оныхъ одни только семейства помѣщиковъ; сами же помѣщики, подъ различными предлогами, находятся въ неизвѣстной отлучкѣ.

„Такъ какъ въ настоящее время присутствіе помѣщиковъ въ имѣніяхъ необходимо, для удостовѣренія мѣстныхъ властей о поступкахъ и дѣйствіяхъ ихъ при настоящемъ мятежномъ движеніи въ краѣ, для доставленія необходимыхъ свѣдѣній начальникамъ проходящимъ чрезъ ихъ имѣнія военныхъ командъ, для распоряженій касательно снабженія этихъ командъ потребными запасами, а всего болѣе для точнаго исполненія помѣщиками тѣхъ обязанностей, какія лежатъ на нихъ по смыслу §§ 10, 11 и 13 данной мною инструкціи, для устройства военно-гражданскаго управленія въ краѣ—то посему я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать немедленно распоряженіе объ объявленіи по ввѣренной вамъ губерніи, чтобы помѣщики, за исключеніемъ тѣхъ, которые выбыли изъ имѣній своихъ въ губернскіе и уѣздные города по билетамъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, не отлучались, ни подъ какимъ предлогомъ, изъ своихъ мызъ и имѣній, и затѣмъ, по объявленіи сего распоряженія, если кто-либо изъ нихъ окажется въ отлучкѣ, то имѣнія такихъ помѣщиковъ, какъ навлекающихъ на себя подозрѣніе въ сношеніяхъ съ мятежническими шайками, подвергать немедленно секвестру, съ удаленіемъ изъ оныхъ помѣщичьихъ семействъ; военнымъ же уѣзднымъ начальникамъ предписать—имѣть за исполненіемъ сего, строжайшее наблюденіе, поступая съ помѣщиками, нарушившими это распоряженіе, на точномъ основаніи §§ 8 и 13 данной мною инструкціи."

Подлинное подписалъ: генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й.*

— Предложеніе г. генералъ-губернатора начальникамъ виленской, ковенской, гродненской и минской губерніи, отъ 13 Іюня (Впослѣдствіи предложеніе это рас-

пространено и на витебскую и могилевскую губернiи).—Поручивъ увѣдомленiе объ утвержденiи высшимъ правительствомъ предположенiй моихъ объ обложенiи недвижимыхъ имуществъ принадлежащихъ дворянамъ, временнымъ десятипроцентнымъ сборомъ съ получаемаго ими дохода отъ удобныхъ земель, оставшихся въ ихъ непосредственномъ распоряженiи, предлагаю вашему превосходительству, для удобнѣйшаго приведенiя въ исполненiе взысканiя временнаго сбора съ дворянъ-помѣщиковъ ввѣренной вамъ губернiи, безотлагательно сдѣлать надлежащее распоряженiе, принявъ въ руководство слѣдующiя главныя основанiя:

1) Взиманiе временнаго десятипроцентнаго сбора произвести поуѣздно, по составленнымъ для сего раскладкамъ, со всѣхъ, безъ исключенiя, недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ дворянамъ, чрезъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ и подчиненную имъ земскую полицiю.

2) Для взноса причитающихся съ владѣльцевъ имѣнiй платежей, назначить семидневный срокъ. Если же кто-либо изъ владѣльцевъ не внесетъ къ назначенному времени слѣдующаго съ него платежа, то предоставить начальникамъ уѣздовъ право подвергнуть, безъ всякаго послабленiя, продажѣ имѣющееся въ домѣ и хозяйствѣ таковаго ослушника недвижимое имущество, скотъ, лошадей и хлѣбные запасы.

3) О всѣхъ владѣльцахъ, въ семействахъ коихъ окажутся отлучившiеся безъ вѣсти члены, немедленно доносить мнѣ, дабы я могъ распорядиться объ усиленiи съ нихъ взысканiя, сверхъ общаго 10 % сбора, такъ какъ такiе владѣльцы оказываются вдвойнѣ виновными, въ сравненiи съ прочими.

4) Всѣ собранныя такимъ образомъ суммы, военные начальники уѣздовъ должны, по мѣрѣ поступленiя, сдавать въ уѣздныя казначейства. Для веденiя надлежащей отчетности поступающимъ сборамъ казначейства, начальники уѣздовъ должны быть снабжены особыми шнуровыми книгами, а также квитанцiями, которыя будутъ выдаваться плательщикамъ, въ удостовѣренiе того, что они своевременно и сполна внесли слѣдующiй съ нихъ взносъ.

5) Начальникамъ губернiй предоставляется представлять на мое усмотрѣнiе о тѣхъ изъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, которые нетолько на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ доказали свою преданность законному правительству и вѣрность данной ими присяги, чтобы я могъ оказать такимъ лицамъ нѣкоторыя облегченiя, тѣмъ порядкомъ, въ то время

и въ томъ размѣрѣ, которыя я найду наиболѣе удобными.

6) Военные начальники уѣздовъ обязаны безотлагательно представлять начальникамъ губерній о всѣхъ имѣніяхъ, которыя, по какому-либо случаю, не были внесены по вѣдомости, для составленія по таковымъ имѣніямъ дополнительной раскладки.

7) Ваше превосходительство не оставите своимъ личнымъ наблюденіемъ способствовать къ скорѣйшему составленію раскладки по уѣздамъ ввѣренной вамъ губерніи, чтобы высочайше утвержденный съ дворянъ-помѣщиковъ десятипроцентный сборъ, могъ быть взысканъ въ самомъ непродолжительномъ времени».

Подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*.

— **Циркуляръ генералъ-губернатора Муравьева 2, о секвестрѣ земель имумущества мелкой шляхты принявшей участіе въ мятежѣ.** — Во время настоящаго мятежа въ числѣ лицъ разныхъ сословій, принявшихъ участіе въономъ, находится значительное число мелкой шляхты, а также и однодворцевъ, имѣющихъ притязаніе на свое нѣкогда шляхетское происхожденіе. Лица эти, состоя большею частію поселенными на земляхъ, принадлежащихъ обществамъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, оставляютъ свои жилища и хозяйство, и присоединяются къ мятежникамъ, или, оставаясь на мѣстѣ своего жительства, содѣйствуютъ мятежническимъ шайкамъ, снабжая оныя различными припасами, скрывая отъ военныхъ командъ ихъ мѣстопребываніе и давая въ своихъ жилищахъ пристанище злоумышленникамъ.

Почитая справедливымъ—лишить такія лица права пользованія тѣми выгодами и удобствами, какія предоставляются вѣрному своему долгу и присягѣ крестьянскому сословію, среди котораго они поселены, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы земельные участки, съ усадьбами, на которыхъ водворены однодворцы, шляхта и другіе разночинцы, были немедленно отобраны отъ тѣхъ лицъ, которыя присоединились къ мятежнымъ шайкамъ, или оказываютъ содѣйствіе онымъ, и таковые участки, вмѣстѣ съ находившимся на оныхъ хозяйствомъ, передать въ распоряженіе казенныхъ или временно обязанныхъ крестьянскихъ обществъ, въ составѣ которыхъ оные находятся, съ тѣмъ: 1) чтобы общества предоставляли такіе участки въ пользованіе

крестьянамъ—огородникамъ и бобылямъ, или кутникамъ, которые не имѣютъ полевыхъ надѣловъ; чтобы участки эти отдаваемы были обществами тѣмъ изъ крестянъ, которые отличаются порядочною жизнію, и преимущественно оказавшимъ особыя услуги по содѣйствію своему къ преслѣдованію и уничтоженію мятежниковъ; и 3) чтобы вводъ во владѣніе этими участками производимъ былъ не иначе, какъ по мірскому приговору.

Затѣмъ прошу ваше превосходительство приказать, прочитавъ во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ, на полномъ сходѣ, настояще мое предписаніе, объявить, что будучи увѣренъ въ преданности этихъ обществъ Государю и правительству, я поручаю ихъ заботливости, чтобы они не допускали со стороны крамольной шляхты вѣроломныхъ поступковъ какъ однодворцевъ, такъ и прочихъ разночинцевъ и дворовую челядь, живущую на землѣ принадлежащей обществу, а также офиціалистовъ и помѣщичью прислугу—къ участію въ мятежѣ и содѣйствію оному; всѣхъ же кто окажется виновнымъ или будетъ заподозрѣнъ въ сношеніи съ мятежниками, задерживали, безъ различія званія и состоянія, и передавали ближайшимъ военнымъ командамъ; и если бы, по какому либо случаю, нашелся между крестьянами такой, который, измѣнивъ вѣрноподданническому долгу, отлучился съ мѣста жителства, для присоединенія къ шайкамъ мятежниковъ, или уличенъ былъ въ содѣйствіи онымъ, то съ участкомъ и хозяйствомъ и такото крестьянина общество обязано поступить по приведенному выше указанію.

Поручая вашему превосходительству возложить наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всего выше изложеннаго на уѣздныхъ военныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ, и предложить виленской палатѣ государственныхъ имуществъ, дабы она, съ своей стороны, сдѣлала надлежащее распоряженіе о приведеніи въ исполненіе предписанной мною выше мѣры въ подлежащихъ ея вѣдѣнію казенныхъ имѣніяхъ, съ откомандированіемъ на сей предметъ благонадежныхъ чиновниковъ—я, вмѣстѣ съ симъ, прошу ваше превосходительство обратить съ своей стороны, особенное вниманіе ваше на успѣшный ходъ настоящего дѣла, и доносить мнѣ по мѣрѣ исполненія.

Подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи Муравьевъ 2-й.

11-го іюня, 1863 года.

— **Предложеніе тогожъ генералъ-губернатора, относительно старообрадцевъ, живущихъ на землѣ помѣщиковъ поляковъ.**—Помѣщики здѣшняго края, польскаго происхожденія, участвуя большею частію въ мятежѣ, или содѣйствуя оному, стараются всѣми средствами ослабить и уничтожить въ здѣшнемъ краѣ вліяніе русскаго элемента; съ этою цѣлью, желая вытеснить старообрядцевъ, какъ вѣрное и предавное Государю и правительству населеніе, съ земель, отдаваемыхъ имъ донынѣ въ арендное содержаніе, помѣщики дѣлаютъ имъ различныя притѣсненія, и несоразмѣрнымъ возвышеніемъ арендной платы, хотятъ ихъ заставить выселиться изъ занимаемыхъ ими нынѣ участковъ.

По поводу возникшихъ по сему случаю жалобъ со стороны старообрядцевъ, я передавалъ обстоятельство это на обсужденіе виленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Разсмотрѣвъ нынѣ представленныя присутствіемъ мѣры по этому предмету и признавъ оныя вполнѣ основательными, предлагаю къ точному и непремѣнному исполненію, въ видѣ временной мѣры:

1) Для предупрежденія произвольнаго удаленія старообрядцевъ съ земельныхъ участковъ, занимаемыхъ ими въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ—предоставить арендаторамъ-старообрядцамъ продолжать, въ видѣ временной мѣры, пользоваться арендуемыми ими участками въ тѣхъ даже случаяхъ, когда сроки заключенныхъ ими условій или контрактовъ съ владѣльцами земель, уже окончились.

2) Примѣняясь къ 128 ст. „Мѣстнаго положенія„ для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ предупрежденіе несоразмѣрнаго возвышенія помѣщиками арендной платы, обязать сихъ послѣднихъ не взимать съ старообрядцевъ наемныхъ цѣнъ свыше указанной въ означенной статьѣ подесятинной платы, то есть 3 хъ рублей. сер. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вносимая старообрядцами арендная плата была ниже 3-хъ р. сер. предоставить имъ пользоваться прежними земельными участками за платимыя ими въ настоящее время цѣны, ни въ какомъ случаѣ не допуская повышенія.

Поручая вашему превосходительству немедленно распорядиться объ объявленіи настоящаго предложенія моего какъ всѣмъ старообрядцамъ, находящимся во ввѣренной вамъ губерніи, такъ равно и помѣщикамъ, на чьихъ земляхъ живутъ старообрядцы въ качествѣ арендаторовъ—я, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ, милостивый государь, возложить на военныхъ

начальниковъ и уѣздныя полицейскія управленія, точное и неослабное исполненіе приведенныхъ выше 2-хъ пунктовъ и принять зависящія мѣры къ огражденію старообрядцевъ отъ всякаго притѣсненія со стороны здѣшнихъ помѣщиковъ польскаго происхожденія.

Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2.* 17-го іюня 1863 г.

Такое же распоряженіе сдѣлано и по уѣздамъ, динабургскому, дризенскому, люцинскому и рѣжицкому, витебской губерніи.

— Предложеніе тогожъ генералъ-губернатора о наказаніи польскихъ помѣщиковъ, дающихъ въ своихъ помѣстьяхъ пріютъ мятежникамъ и проч. — Изъ поступающихъ ко мнѣ донесеній я усматриваю, что многіе помѣщики снабжаютъ являющіяся на ихъ мызы мятежническія шайки продовольствіемъ, оправдываясь принужденіемъ, которому они, будтобы, при этомъ подвергаются, и не давая тогда же знать ближайшимъ начальникамъ войскъ о нахожденіи въ ихъ имѣніяхъ мятежническихъ шаекъ, о появленіи которыхъ они заблаговременно знаютъ, такъ какъ шайки эти преимущественно составлены изъ ихъ сыновей, родныхъ, знакомыхъ, или прислуги.

Имѣя это въ виду, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы къ помѣщикамъ, которые снабдятъ какимъ либо продовольствіемъ мятежныя шайки, или не предупредятъ ближайшія команды о нахожденіи шаекъ въ сихъ имѣніяхъ, былъ бы со всею строгостію примѣненъ § 19 инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ, т. е., чтобы на имѣнія ихъ немедленно налагаемъ былъ секвестръ, а находившіеся въ этихъ имѣніяхъ хлѣбъ, овесъ и прочіе запасы, были обращены на продовольствіе войскъ; лошади же и повозки на устройство перевозочныхъ средствъ. Самыхъ помѣщиковъ и управителей ихъ брать подъ стражу и предавать военному суду, а семейства ихъ, немедленно удалять изъ имѣній.

Подписалъ: генералъ отъ инфантеріи,

Муравьевъ 2-й.

— Постановленіе тогожъ генералъ-губернатора объ арестованіи и секвестрѣ имѣній и имущества тѣхъ изъ польскихъ помѣщиковъ и ихъ прислуги, гдѣ шайка мятежниковъ повѣсила трехъ крестьянъ караульныхъ. —

Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано:

„Шайка мятежниковъ въ 50 человѣкъ, прійдя, 13-го сего Іюня, въ деревню Богданцы, трокскаго уѣзда, виленской губерніи, схватила крестьянъ. Яна Седелевскаго, Яна Стефановича и Казимира Дятловскаго, находившихся въ эту ночь въ сельскомъ караулѣ, и повѣсила ихъ.

„Генералъ-губернаторъ, усматривая изъ донесенія объ этомъ происшествіи, что мятежникамъ содѣйствовали экономъ и ловчій имѣнія Богданцы, и что первый изъ нихъ угрожалъ притомъ крестьянамъ установлявшимъ сельскій караулъ, что съ ними будетъ скорая расправа — приказалъ немедленно произвести, на мѣстѣ, строжайшее дознаніе по сему предмету, и если дѣйствительно окажется, что владѣльцы или управители окрестныхъ мызъ содѣйствовали мятежникамъ, то забрать тотъ часъ же хлѣбъ и все имущество на этихъ мызахъ, первое употребить на продовольствіе войскъ, а послѣднее, продавъ, вознаградить тѣ несчастныя семейства крестьянъ, которыя пострадали отъ мятежниковъ. Мызу же при деревнѣ Богданцы, гдѣ были повѣшены крестьяне, уничтожить до тла, въ страхъ и примѣръ другимъ. Управителей и помѣщиковъ какъ означенной мызы, такъ и близлежащихъ, которые давали пособіе мятежникамъ, немедленно взять подъ стражу и представить въ виленскую слѣдственную коммисію, вмѣстѣ съ слѣдственнымъ объ нихъ дѣломъ, сообщивъ начальнику губерніи о наложеніи секвестра на всѣ ихъ имѣнія и удаливъ изъ нихъ семейства помѣщиковъ и управителей. Семействамъ же пострадавшихъ крестьянъ выдать по сто руб. сер. каждому.

„Изъ произведеннаго дознанія оказалось, что экономъ мызы Гринополе, помѣщика Северина Ремера, Флоріанъ Вонсовичъ, и ловчій съ той же мызы, Адамъ Липинскій, по ихъ собственному сознанію, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ мятежниками, доставляли послѣднимъ продовольствіе и пріютъ, а по показанію многихъ крестьянъ подозрѣваются, кромѣ того, и въ участіи въ совершенномъ мятежниками злодѣяніи. Самъ же владѣлецъ сказанной мызы, помѣщикъ Ремеръ, зналъ о сношеніи съ мятежниками служащихъ у него лицъ, тѣмъ болѣе, что мятежническія шайки весьма часто заходили въ его имѣніе.

„Вслѣдствіе сего и на основаніи вышеизложеннаго распоряженія г. генералъ-губернатора, Вонсовичъ и Липинскій арестованы и переданы въ распоряженіе виленской слѣдст-

веенной коммиссіи, на имѣнія помѣщика Северина Ромера наложенъ секвестръ, а мыза Гранополе уничтожена до основанія. Помѣщикъ Ромеръ за отсутствіемъ еще невзятъ. Семействамъ пострадавшихъ крестьянъ выдано триста рублей.“

— **Предложеніе тогожъ генералъ-губернатора начальникамъ губерній**, объ арестованіи, по приговору сельскихъ обществъ, поселянъ заподозрѣнныхъ въ участіи въ мятежѣ и неблагонадежныхъ.—Вильно.—Въ № 69 „Виленскаго Вѣстника„ напечатано слѣдующее предложеніе господина генералъ-губернатора начальникамъ: виленской, ковенской, гродненской, минской, витебской и могилевской губерніи, отъ 21-го іюня 1863 г.:

«Принимая мѣры къ прекращенію мятежа во ввѣренномъ моему управленію краѣ, я, между прочимъ, 11-го іюня, предложилъ циркулярно начальникамъ губерній объявить сельскимъ обществамъ, какъ казенныхъ, такъ и времено-обязанныхъ крестьянъ, чтобы они удерживали проживающую на ихъ землѣ шляхту, однодворцевъ и прочихъ разночинцевъ, а также и офиціалистовъ, помѣщичью прислугу и дворовую челядь, отъ участія въ мятежѣ и содѣйствія оному, поручивъ этимъ обществамъ задерживать виновныхъ или заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ мятежниками, безъ различія званія и состоянія, и передавать ихъ ближайшимъ военнымъ командамъ, а земельные участки этихъ лицъ, съ усадьбами и находящимся на оныхъ хозяйствомъ, отдать, по мірскому приговору, въ пользованіе крестьянамъ тѣхъ обществъ, неимѣющимъ полевыхъ надѣловъ и отличающимся при томъ порядочною жизнію и преданностью Государю и правительству.

„Между тѣмъ, до свѣдѣнія моего доходитъ, что многія изъ поименованныхъ выше лицъ, а также арендаторы имѣній, управители, экономы и пр., состоя въ сношеніяхъ съ мятежниками и готовые во всякое время принять участіе въ мятежѣ, при появленіи шаекъ въ окрестностяхъ и при проходѣ оныхъ черезъ сёла присоединяются къ этимъ шайкамъ и дѣйствуютъ съ оными противъ нашихъ войскъ, а по разбитіи и разсѣяніи шайки снова возвращаются на мѣста своего жительства и, наравнѣ съ другими, вѣрными своему долгу поселянами, остаются среди обществъ, въ своихъ домахъ и на своемъ хозяйствѣ, до перваго удобнаго случая, или до появленія въ той мѣстности мятежниковъ.

«Такія лица въ средѣ общества не могутъ быть терпи-

мы, тѣмъ болѣе, что они къ измѣнѣ вѣрноподданническому долгу присоединяютъ еще и лицемѣріе передъ правительствомъ и мѣстными властями, выказывая себя передъ ними за мирныхъ, честныхъ и вѣрныхъ присягѣ поселянъ.

«Для предупрежденія столь гнуснаго обмана и для пресѣченія подобнымъ лицамъ, на дальнѣйшее время, средствъ вводить въ заблужденіе мѣстныя военныя и гражданскія власти, касательно своихъ поступковъ, и такимъ образомъ отклонить отъ себя заслуженное наказаніе, я предлагаю вашему превосходительству предписать уѣзднымъ военнымъ начальникамъ, чтобы они, лично и чрезъ подвѣдомственныхъ имъ уѣздныхъ исправниковъ, объявили всѣмъ сельскимъ обществамъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ крестьянъ, что какъ обществамъ этимъ должны быть извѣстны образъ жизни и поступки живущихъ въ средѣ оныхъ оффиціалистовъ, экономовъ, арендаторовъ и прочей шляхты и разночинцевъ, а равно и помѣщичьей дворни, то посему каждое общество должно немедленно по всей справедливости указать, кого изъ поименованныхъ выше лицъ почитаетъ оно неблагонадежнымъ, по сношенію съ мятежниками, снабженію ихъ припасами, укрывательству, вербовкѣ и по личному участію въ мятежѣ, а также по подозрительнымъ отлучкамъ съ мѣста жительства; причемъ поручить особенному наблюденію военныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ, чтобы, при составленіи мірскихъ приговоровъ по сему предмету, общество соблюдало совершенную справедливость, безъ всякаго лицепріятія и потворства, а также ненависти и недоброжелательства.

«По собраніи такихъ указаній, военные начальники обязаны повѣрить, по возможности, справедливость оныхъ, а затѣмъ, подвергнувъ аресту тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно окажутся виновными въ участіи въ мятежѣ или содѣйствіи мятежникамъ, доставленіемъ припасовъ и пристанища на мызахъ, въ лѣсахъ и вообще на землѣ, имъ принадлежащей, сдѣлать распоряженіе о наложеніи секвестра на ихъ имѣнія, употребить немедленно, на основаніи 19 § данной мною инструкціи военно гражданскаго управленія, найденный у этихъ лицъ хлѣбъ на продовольствіе войскъ, подвергнуть продажѣ движимое имущество ихъ и удалить семейства ихъ изъ мѣстъ жительства. О приведеніи же въ исполненіе настоящаго распоряженія, а равно и о лицахъ, которыя будутъ подвергнуты аресту, донести начальнику губерніи.

„Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*.„

— **Объявленіе отъ виленскаго военнаго губернатора, гродненскаго, ковенскаго и минскаго генералъ-губернатора, командующаго войсками виленскаго военнаго округа и главноначальствующаго въ витебской и могилевской губерніяхъ.** — Въ виду совершающихся въ Высочайше ввѣренномъ мнѣ краѣ политическихъ смутъ и безпорядковъ, я почитаю необходимымъ обратиться ко всѣмъ сословіямъ, населяющимъ край, для разъясненія настоящихъ обстоятельствъ и для указанія каждому изъ членовъ общества тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на немъ по долгу вѣрноподданнаго.

„Настало время, когда мятежники должны убѣдиться, что правительство, предоставлявшее имъ донынѣ время и средства образумиться и возвратиться къ своему долгу, рѣшилось съ непреклонною твердостью положить предѣлъ преступнымъ ихъ дѣйствіямъ. Главные дѣятели мятежа и сообщники ихъ, подстрекая всѣ сословія къ бунту, разворяя мирныхъ поселянъ, грабя ихъ общественное имущество и предавая мучительнымъ казнямъ людей, вѣрныхъ своему Государю и честно исполнявшихъ свой долгъ—несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность предъ Богомъ, Государемъ, обществомъ и народомъ—и не избѣгнутъ правосудной кары.

Изъ дѣлъ слѣдственныхъ коммиссій, донесеній военныхъ начальниковъ и показаній плѣнныхъ видно, что, кромѣ мелкой шляхты, горожанъ и другой праздной челяди, неотличавшейся никогда хорошею нравственностью, большая часть лицъ, принимающихъ участіе въ настоящихъ безпорядкахъ и сочувствующихъ онымъ, принадлежитъ къ сословію католическаго духовенства, дворянства и помѣщиковъ здѣшняго происхожденія. Дворяне и помѣщики, ослѣпленные безразсудными мечтаніями о господствѣ надъ народомъ, который едва только успѣлъ, волею всемилостивѣйшаго Государя нашего, освободиться изъ-подъ тяжелаго ихъ гнета, тайно и явно раздуваютъ пламя волненій и принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе, которое въ этомъ сословіи сдѣлалось до такой степени всеобщимъ, что предводители дворянства, спрошенные по моему приказанію, не рѣшились указать лицъ, на политическую благонадежность которыхъ можно бы положиться. Мировые посредники и другія лица, служащія по мировымъ учрех-

деніямъ, забывъ священныя обязанности, возложенныя на нихъ правительствомъ и обществомъ—быть проводниками въ народъ учрежденій, клонящихся къ устройству его благосостоянія—сдѣлались главными проводниками мятежныхъ дѣйствій; вслѣдствіе чего я былъ поставленъ въ необходимость—отрѣшить ихъ отъ должностей, предать виновныхъ военному суду и закрыть большую часть мировыхъ учрежденій. Наконецъ католическое духовенство никогда еще такъ дерзко и беззаконно, какъ нынѣ, не заявляло своихъ преступныхъ дѣйствій: призывъ къ мятежу раздается съ высоты костельныхъ каѳедръ; рѣчи, пропитанныя духомъ ненависти и разрушенія, оглашаютъ своды католическихъ святынь, и даже нѣкоторые изступленные проповѣдники сами берутся за оружіе, присоединяются къ шайкамъ бунтовщиковъ и предводительствуютъ нѣкоторыми изъ нихъ. Высшее же духовенство, владѣя главнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ умиротворенію края—призывомъ, во имя Божіе, къ порядку и законному долгу—умышленно бездѣйствуетъ, потворствуя, такимъ образомъ, кровавымъ смутамъ и безпорядкамъ. Между тѣмъ, народъ, свято повинующійся законнымъ властямъ, благодарный и безпредѣльно преданный своему Царю-освободителю, страдалъ и страдаетъ еще отъ этихъ смутъ и безпорядковъ.

Такое положеніе дѣлъ долѣе терпимо быть не можетъ.

Я призываю всѣ сословія къ исполненію своего долга.

Каждый членъ общества обязанъ нынѣ здравомысленно и честно обратиться къ своему вѣрноподданническому долгу и, въ виду совершающихся событій, угрожающихъ неисчислимыми бѣдствіями для цѣлой страны, и въ особенности для землевладѣльцевъ, содѣйствовать правительству къ возстановленію въ краѣ спокойствія и порядка.

Служителямъ алтаря вмѣняется въ непремѣнную обязанность повсемѣстно возвѣстить миръ и повиновеніе законной власти, удержать легкомысленныхъ отъ преступнаго увлеченія въ мятежъ, а увлеченныхъ возвратить къ долгу, силою слова Божія и именемъ святой Его церкви. Отцы и матери, руководимые разумною любовью къ своимъ дѣтямъ, обязаны охранять ихъ отъ пагубнаго вліянія злонамѣренныхъ людей.

Дворяне и помѣщики, оставивъ несбыточныя свои надежды, должны немедленно смириться и, отвѣтствуя за свои семейства и за лицъ, поставленныхъ ими для управленія своими имѣніями, подчиниться законной власти, прекратить всякое участіе въ бунтѣ и содѣйствіи мятежникамъ, какъ деньгами, такъ и припасами, задерживать и предавать въ руки правительства злоумышленниковъ, которые появятся въ ихъ имѣніяхъ, лѣсахъ и вообще на ихъ территоріи; въ противномъ случаѣ, виновныхъ приказано брать подъ стражу и предавать военному суду, а на имѣнія ихъ налагать секвестръ, и доходы съ оныхъ, а также съ проданнаго движимаго имущества, употреблять на покрытіе расходовъ по усмиренію мятежа и на вспомоществованіе тѣмъ несчастнымъ семействамъ, которыя пострадали отъ неистовства мятежниковъ. Такимъ образомъ, крамольные поступки помѣщиковъ ведутъ ихъ къ совершенному разоренію, а семейства ихъ къ нищетѣ, со всѣми ея гибельными послѣдствіями.

Наконецъ, всѣ вообще граждане и жители призываются содѣйствовать правительству, всѣми зависящими отъ каждаго изъ нихъ средствами, къ потушенію мятежа и возстановленію полнаго спокойствія въ краѣ, помня, что, подчиняясь вліянію мятежной партіи, они только губятъ себя и свои семейства, вызывая кровопролитіе и безплодныя жертвы.

Со стороны моей приняты уже и приводятся въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры къ прекращенію и предупрежденію мятежническихъ покушеній.

Снабдивъ военныхъ начальниковъ полномочіями для рѣшительныхъ дѣйствій, сообразно опубликованной уже въ краѣ инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія, я поручилъ имъ принять подъ свое покровительство всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ Государю и правительству жителей, въ особенности крестьянское населеніе, оградивъ его, чрезъ содѣйствіе военной силы, отъ покушенія мятежниковъ; призвалъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, къ учрежденію вооруженной сельской стражи, для огражденія селеній отъ грабежа и неистовства мятежническихъ шаекъ; на крестьянъ казенныхъ и временно-обязанныхъ возложилъ не допускать въ чертѣ ихъ сель-

скихъ обществъ и въ фольваркахъ мятежныхъ съѣздовъ, вооруженія и вообще приготовленія къ мятежу; забирать подъ стражу всѣхъ, какъ участвующихъ, такъ и содѣйствующихъ оному лицъ, какого бы они званія ни были, и передавать ихъ ближайшимъ военнымъ командамъ.

Правительство, не колеблясь, выполнитъ свою обязанность, для предохраненія края отъ бѣдствій, въ которыя ввергаетъ оный мятежная партія; оно не оставитъ безнаказанно участниковъ и руководителей мятежа, почитая справедливымъ лучше сдѣлать строгій примѣръ надъ нѣкоторыми, чѣмъ допустить кровопролитія и безполезныя жертвы; многіе изъ виновныхъ, по приговору военнаго суда, уже понесли заслуженное ими наказаніе; сотни лицъ, и между ними значительное число ксендзовъ и помѣщиковъ, содержатся по крѣпостямъ и острогамъ, и по окончаніи надъ ними слѣдствія и суда будутъ наказаны по мѣрѣ своихъ преступленій.

Принимая всѣ средства къ возстановленію порядка и идя законнымъ путемъ къ охраненію цѣлости и единства государства, правительство не остановится въ дѣйствіяхъ своихъ ни предъ какими препятствіями; опираясь на войско и народъ, оно сильно и необоримо, а сознаніе правоты дѣла и патріотическое къ нему сочувствіе всей обширной Россіи множитъ и крѣпитъ эти силы. Западный край, и по большинству кореннаго населенія, и по историческому праву, есть русская земля, исконное достояніе русскихъ государей, и только въ неразрывномъ составѣ съ русскимъ народомъ дворянство здѣшняго края, называющее себя польскимъ, можетъ ожидать отъ милости Монарха улучшенія своего общественнаго быта, осуществленію котораго оно само же ставитъ нынѣ преграду своими противозаконными дѣйствіями.

Обращаюсь къ духовенству, дворянству, шляхтѣ и всѣмъ прочимъ сословіямъ и къ лицамъ всѣхъ званій и возрастовъ обоего пола. Призываю ихъ еще разъ къ исполненію вѣрноподданническаго долга, въ томъ убѣжденіи, что каждый, дорожащій спокойствіемъ своего семейства и благосостояніемъ края не замедлитъ поспѣшить содѣйствіемъ своимъ правительству къ прекращенію мятежа и возстановленію порядка. Предупреждаю, что всякое покушеніе, съ чьей бы то ни было стороны, къ дальнѣй-

щему поддержанію мятежа какими-либо средствами, будетъ преслѣдуемо строго и съ неизмѣнною справедливостью; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявляю, что призванный волею царскою для умиротворенія края, я готовъ подать руку помощи и ходатайствовать у подножія престола милосерднаго нашего Государя о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ безумнаго подстрекательства и вѣроломнаго обмана, которыя, будучи вовлечены въ клятвопреступныя дѣйствія, изъявятъ полное и чистосердечное раскаяніе и, возвратясь къ своему вѣрноподданническому долгу, докажутъ это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ.

Подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ*. 2-й.

Вильно, 23-го іюня 1863 года.

—**Предложеніе господина генералъ-губернатора начальникамъ виленской, ковенской, гродненской и минской губерніи.**—Отъ 29-го апрѣля сего года генералъ-адъютантъ Назимовъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ обязаніи дворовыхъ управленій во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ хлѣбъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ былъ выданъ безъ разрѣшенія продовольственной коммисіи въ установленной формѣ—внести непремѣнно къ 1-му іюня сего года все количество хлѣба, недостававшее въ магазинѣ въ день передачи сего послѣдняго въ вѣдѣніе сельскаго общества.

Исполнительнаго донесенія по этому предмету до настоящаго времени мною неполучено; между тѣмъ я получаю увѣдомленія, что многіе помѣщики, вмѣсто заботливости о пополненіи сельскихъ магазиновъ, довольствуютъ находящимися у нихъ запасами хлѣба мятежническія шайки, и что въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ магазины разграблены и истреблены мятежниками.

Вслѣдствіе сего я предлагаю вашему превосходительству, немедленно, съ полученія сего, донести мнѣ, приведено ли во ввѣренной вамъ губерніи въ исполненіе на самомъ дѣлѣ вышеизложенное распоряженіе моего предмѣстника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписать уѣзднымъ военнымъ начальникамъ, чтобы они въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ магазины еще непополнены, немедленно распорядились о пополненіи недостающаго количества хлѣба изъ налич-

ныхъ запасовъ, находящихся у помѣщика, и если затѣмъ еще будетъ недоставать до надлежащаго пополненія магазина, произвести оное изъ зерна, которое будетъ собрано въ настоящемъ году съ засѣянныхъ помѣщичьихъ полей; о семъ объявить для свѣдѣнія, какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ, поручивъ волостнымъ правленіямъ имѣть неослабное наблюденіе за непремѣннымъ пополненіемъ магазина.

Что же касается тѣхъ имѣній, какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ, гдѣ магазины разграблены и уничтожены мятежниками, то какъ настоящій мятежъ, со всѣми послѣдствіями онаго, разорительными для края и его сельскаго населенія, произошелъ съ вѣдома и участія здѣшнихъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, которые, вмѣсто содѣйствія правительству къ предупрежденію и прекращенію онаго, сдѣлались сообщниками мятежниковъ, сочувствіемъ своимъ, поощреніемъ, складами въ пользу революціонныхъ комитетовъ, снабженіемъ мятежныхъ шаекъ припасами и личнымъ участіемъ въ мятежѣ—посему, почитая справедливымъ, чтобы всѣ причиненные мятежными шайками общественные убытки были возмѣщены на счетъ землевладѣльцевъ, я предлагаю вашему превосходительству поручить военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ были случаи разграбленія и истребленія сельскихъ магазиновъ, сдѣлать раскладку недостающаго количества хлѣба на всѣхъ помѣщиковъ того уѣзда, и безотлагательно пополнить разграбленные и истребленные сельскіе магазины на ихъ счетъ; въ случаѣ же невнесенія ими, по раскладкѣ, слѣдующей части—продавать движимое ихъ имущество и за вырученныя деньги произвесть пополненіе. Причемъ поставляется въ обязанность военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ объявить всѣмъ помѣщикамъ въ уѣздѣ, что какъ симъ послѣднимъ всегда заблаговременно извѣстно о прибытіи въ ихъ имѣнія мятежническихъ шаекъ, и они могли бы, еслибы оставались вѣрными долгу и присягѣ, предупредить посѣщеніе мятежниковъ, увѣдомляя о томъ своевременно мѣстныя военныя власти, то посему отнынѣ за разграбленіе и истребленіе магазиновъ прямая отвѣтственность будетъ падать на помѣщиковъ того уѣзда, преимущественно на

ближайшихъ къ разграбленному или уничтоженному магазину, и что на пополненіе убытка будутъ немедленно обращены всѣ принадлежащіе этимъ помѣщикамъ запасы хлѣба, сборъ съ полей, а также и движимое ихъ имущество.

Поручая особенной заботливости вашего превосходительства наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ вышеизложенныхъ распоряженій, я прошу васъ, милостивый государь, предписать военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ, чтобы они, съ своей стороны, безъ всякаго послабленія приступили немедленно къ приведенію въ дѣйствіе предписанныхъ выше мѣръ, имѣя въ виду, что успѣхъ оныхъ возлагается на ихъ прямую отвѣтственность.

О послѣдующемъ по сему я буду ожидать отъ вашего превосходительства исполнительнаго донесенія.

Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й.*

Предложеніе г. генералъ-губернатора начальникамъ виленской, ковенской, гродненской, минской, витебской и могилевской губерній отъ 1-го іюля 1863 г. Большая часть казенныхъ фермъ и другихъ оброчныхъ статей, состоящихъ въ вѣдѣніи палатъ государственныхъ имуществъ, находится въ арендномъ содержаніи мѣстныхъ дворянъ и помѣщиковъ польскаго происхожденія, изъ коихъ многіе, не смотря на значительныя выгоды, которыми они пользуются отъ владѣнія государственнымъ достояніемъ, приняли дѣятельное участіе въ мятежѣ и обращаютъ значительную часть доходовъ отъ арендуемыхъ ими имѣній для поддержанія революціоннаго движенія въ краѣ и содѣйствія мятежникамъ.

Признавая, что для возстановленія спокойствія и порядка необходимо лишить злоумышленниковъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ преступныхъ дѣйствій, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать всѣмъ уѣзднымъ военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ по ввѣренной вамъ губерніи, чтобы они строго наблюдали за арендными владѣльцами казенныхъ фермъ и другихъ оброчныхъ статей, и еслибы оказалось, что который нибудь изъ самихъ арендаторовъ,

или постановленныхъ отъ нихъ управителей или администраторовъ, принимаетъ участіе въ мятежѣ доставленіемъ шайкамъ денегъ, оружія, продовольственныхъ припасовъ, укрывательствомъ отъ мѣстныхъ властей и военныхъ командъ—бунтовщиковъ и мѣстъ, гдѣ они имѣютъ пристанище, а равно и личнымъ участіемъ въ мятежныхъ дѣйствіяхъ—подущеніемъ крестьянъ, вербовкой, распространеніемъ мятежныхъ воззваній и вообще подозрительными поступками и отлучками съ мѣста жительства,—то, за полученіемъ о томъ свѣдѣній, военные начальники и уѣздные исправники, поступая съ виновными на точномъ основаніи § 9 и 13, данной мною инструкціи для военно-гражданскаго полицейскаго управленія, и удаливъ семейства ихъ съ мѣстъ жительства, обязаны, по смыслу § 14 и 19 той же инструкціи, немедленно взять всѣ сельскіе продукты и другаго рода имущество и хозяйство, составляющее собственность арендныхъ содержателей, продать оныя и вырученныя деньги представить въ мѣстную казенную палату, увѣдомивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, палату государственныхъ имуществъ, для принятія оною въ свое вѣдѣніе фермъ и оброчныхъ статей и отдачи ихъ другимъ болѣе надежнымъ арендаторамъ.

Поручая вашему превосходительству наблюденіе за точнымъ исполненіемъ настоящаго распоряженія, я прошу васъ, милостивый государь, сообщить объ ономъ мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ для зависящаго со стороны оной исполненія.

Подлинное подписалъ: генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ*.

(Вил. Вѣст.)

— **Вильно.**—Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" напечатано слѣдующее предложеніе господина генералъ-губернатора начальникамъ: виленской, ковенской, гродненской и минской губерній, отъ 25-го іюня 1863 г.:

„Шайки мятежниковъ, безчинствуя по деревнямъ и мѣстечкамъ, во многихъ мѣстахъ разграбили волостныя управленія, похитивъ хранящіяся въ оныхъ деньги, равнымъ образомъ отобрали отъ сборщиковъ податей общественныя суммы, внесенныя, какъ казенными, такъ и временно-обязанными крестьянами, на уплату повинностей.

„Такъ какъ настоящій мятежъ поддерживается главнѣйше помѣщиками польскаго происхожденія, посредствомъ складокъ на содержаніе революціонныхъ комитетовъ, снабженіе мятежниковъ припасами и деньгами, пристанодержательствомъ, укрытіемъ ихъ отъ преслѣдованія нашими войсками, а также и личнымъ участіемъ въ мятежѣ; то посему, считая справедливымъ оградить какъ казну, такъ и сельскія общества отъ убытковъ, по поводу грабежа и безчинства мятежниковъ, возмѣщеніемъ расхищенныхъ ими капиталовъ съ виновнаго въ мятежѣ сословія помѣщиковъ-поляковъ — я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать немедленно распоряженіе о приведеніи въ положительную извѣстность, сколько по каждому уѣзду ввѣренной вамъ губерніи расхищено мятежническими шайками мірскихъ капиталовъ и податей, которыя были собраны крестьянами для взноса въ казну и отняты мятежниками, съ выдачею квитанцій отъ имени польскаго революціоннаго правительства, и по полученіи о томъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній, произвести раскладку расхищенныхъ по каждому уѣзду денегъ на имѣнія того же уѣзда, принадлежащія помѣщикамъ польскаго происхожденія, и возложить на уѣздныхъ военныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ взысканіе сбора по раскладкѣ, безъ всякаго послабленія, въ теченіи 10-ти дней со дня объявленія о семъ сборѣ дворовымъ управленіямъ; въ случаѣ же невнесенія которымъ-либо изъ помѣщиковъ къ означенному сроку опредѣленной по раскладкѣ суммы, подвергнуть продажѣ движимое имущество ослушника, на выручку положеннаго взноса. Затѣмъ всю собранную по раскладкѣ сумму передать въ уѣздное казначейство, для храненія впредь до особаго распоряженія.

„Поручая точное исполненіе всего вышеизложеннаго особому наблюденію вашего превосходительства, я прошу васъ, милостивый государь, объ исполненіи мнѣ донести.

Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*".

Всѣ эти и имъ подобныя мѣры возъимѣли свое дѣйствіе, онѣ не остались мертвою буквою, а, благодаря энергичности и непреклонной волѣ Михаила Николаевича Муравьева, по большей

части раньше срока приведены были въ исполненіе на всемъ пространствѣ Литвы и Бѣлоруссіи, и законная власть, ослабленная и парализованная въ тѣхъ странахъ могуществомъ тайнаго революціоннаго правительства, вполнѣ возстановлена; потому что каждый знаетъ, что всякое слово Михаила Николаевича, хотя бы то случайно и мимолетно произнесенное или написанное, будетъ исполненно непремѣнно. Такъ, помѣщики перестали участвовать въ мятежѣ и давать притонъ шайкамъ, они убѣдились de facto что съ русскимъ правительствомъ шутить неловко, когда за всякое открытое участіе въ мятежѣ, однихъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, среди бѣлаго дня и многочисленнаго народа, собираемаго на мѣсто казни барабаннымъ боемъ, когда имѣнія и имущество ихъ немедленно секвеструютъ, когда въ пополненіе похищенныхъ шайками казенныхъ и частныхъ денегъ, а также для вознагражденія разоренныхъ мятежниками семействъ неуклонно взимаютъ со всѣхъ р. католиковъ контрибуціи, когда мызы, въ окрестностяхъ которыхъ мятежники умертвили кого нибудь изъ мирныхъ жителей, тотъ часъ же разрушаются до тла, когда земли безпокойной и враждебной Россіи чиншовой и застѣнковой шляхты отдаютъ во владѣніе бѣдныхъ и ополчившихся въ подавленіи бунта крестьянъ, когда съ мятежниками перестали нѣжничать въ мѣстахъ ихъ заключенія, и тотчасъ, послѣ поимки, передаютъ военному суду и немедленно однихъ казнятъ смертью, другихъ ссылаютъ въ каторгу, иныхъ въ Сибирь на поселеніе, а иныхъ въ дальніе русскіе города, или въ арестантскія роты. Перестали проповѣдывать мятежъ и имъ предводительствовать и ксендзы—когда увидѣли, что за измѣну долгу присяги и званію не церемонятся даже съ ихъ бискупами а ссылаютъ въ ссылку, простыхъ же ксендзовъ—мятежниковъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ; даже женщины перестали тамъ носить трауръ, эту наружную вывѣску ихъ измѣны законному правительству, такъ глубоко оскорбляющую національное чувство большинства страны, — законныхъ ея жителей русскихъ, когда пришлось платить большія штрафныя деньги въ пользу солдатъ раненныхъ въ стычкахъ съ мятежниками и разорённыхъ русскихъ семействъ, и, въ добавокъ, подвергаться разнымъ непріятностямъ

отъ полиціи. Даже на улицахъ Вильно и другихъ городовъ тамошняго генералъ-губернаторства уже не заявляютъ своей враждебности Россіи мятежники отвратительными чамарками, конфедератками и другими эмблеммами мятежнаго характера, потому что за этотъ маскарадъ стали ихъ ловить и сажать въ тюрму.

Но, зная, что повсемѣстное исполненіе всѣхъ вышеизчисленныхъ мѣръ, а слѣдовательно и достиженіе нужныхъ результатовъ, зависитъ отъ благонадежности мѣстныхъ чиновниковъ, Михаилъ Николаевичъ началъ свое управленіе съ удаленія отъ должностей поляковъ, особенно мировыхъ посредниковъ, повсемѣстно заявившихъ себя врагами Россіи и русскаго правительства—и опредѣленіемъ на мѣсто ихъ чиновниковъ русскихъ, вызванныхъ имъ изъ Великороссіи. Онъ не пощадилъ даже и природныхъ русскихъ чиновниковъ — отъ губернатора до канцелярскаго писца, если замѣтилъ въ нихъ полонофильство и неразумную гуманность, весьма коварно и ловко внушенную многимъ даже передовымъ русскимъ исповѣдниками польскаго катихизиса, подготовлявшими въ Россіи за нѣсколько лѣтъ друзей настоящей революцій—или даже недостатокъ энергіи, неговоримъ уже о неблагонадежности. Все это предвѣщаетъ близкое возстановленіе спокойствія и порядка въ западномъ краѣ Россіи. Грозная сокрушающая крамолу десница незабвеннаго патріота Михаила Николаевича дѣйствуетъ, конечно, успѣшнѣе, нежели любезныя слова и назидательныя рѣчи гуманистовъ. Михайло Николаевичъ вполнѣ изучилъ шляхетскую натуру, которая подчиняется только силѣ и прессу, а плюетъ на дружелюбіе, логику, законы правды и глумится надъ христіанскимъ снисхожденіемъ. Кстати замѣтимъ (мы это узнали изъ вѣрнаго источника), что энергическое подавленіе въ западномъ краѣ Россіи Михайломъ Николаввичемъ мятежа, причинившаго столько бѣдъ краю и обагрившаго его потоками славянской крови, снискало ему расположенность даже многихъ благоразумныхъ помѣщиковъ изъ р. католиковъ, намѣревающихся повергнуть къ стопамъ законнаго своего Государя всеподданнѣйшій адресъ. Они ясно сознали благодѣтельность порядка и усладу покоя, когда поставили ихъ рядомъ съ омерзительными явленіями терроризма мятежнаго и самозваннаго революціоннаго правительства, убившаго

въ себѣ всякое чувство чести, совѣсти и человѣчества, возведшаго самыя разбойническія злодѣянія въ значеніе патріотическихъ подвиговъ, запятнавшаго исторію славянъ неслыханными у дикихъ язычниковъ варварствами; они наглядно убѣдились въ той истинѣ, что всякій другъ настоящей польской революціи есть врагъ не Россіи только, а всего христіанства и человѣчества.

Здѣсь позволяемъ себѣ заявить только желаніе нѣсколькихъ жителей западнаго края Россіи, чтобы сельская стража была организована нѣсколько шире и вооружена надежнѣе. Если эта мѣра оказывается по мѣстамъ излишнею въ настоящее время, то нельзя отвергать ея важности и огромнаго вліянія на спокойствіе и безопасность края въ будущемъ.

Примѣчаніе. Сборникъ полевыхъ мѣръ для усмиренія мятежа, благоразумно приспособленныхъ къ его характеру и особеннымъ обстоятельствамъ здѣшняго генералъ-губернаторства, постараемся помѣстить въ слѣдующей книжкѣ.

15 іюля 1863 г.
Кіевъ.

СОДЕРЖАНІЕ XI КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.